

ДК

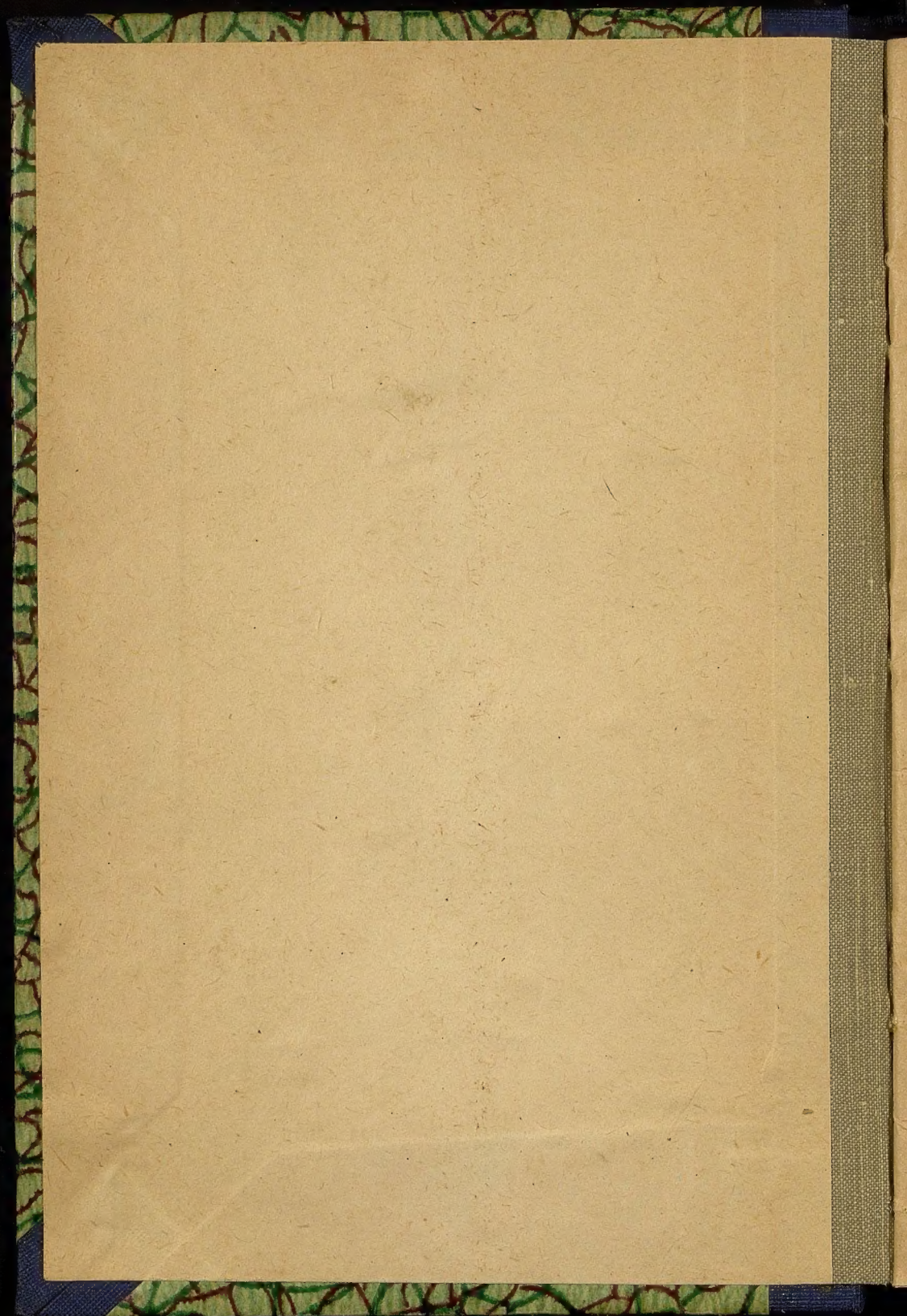
80

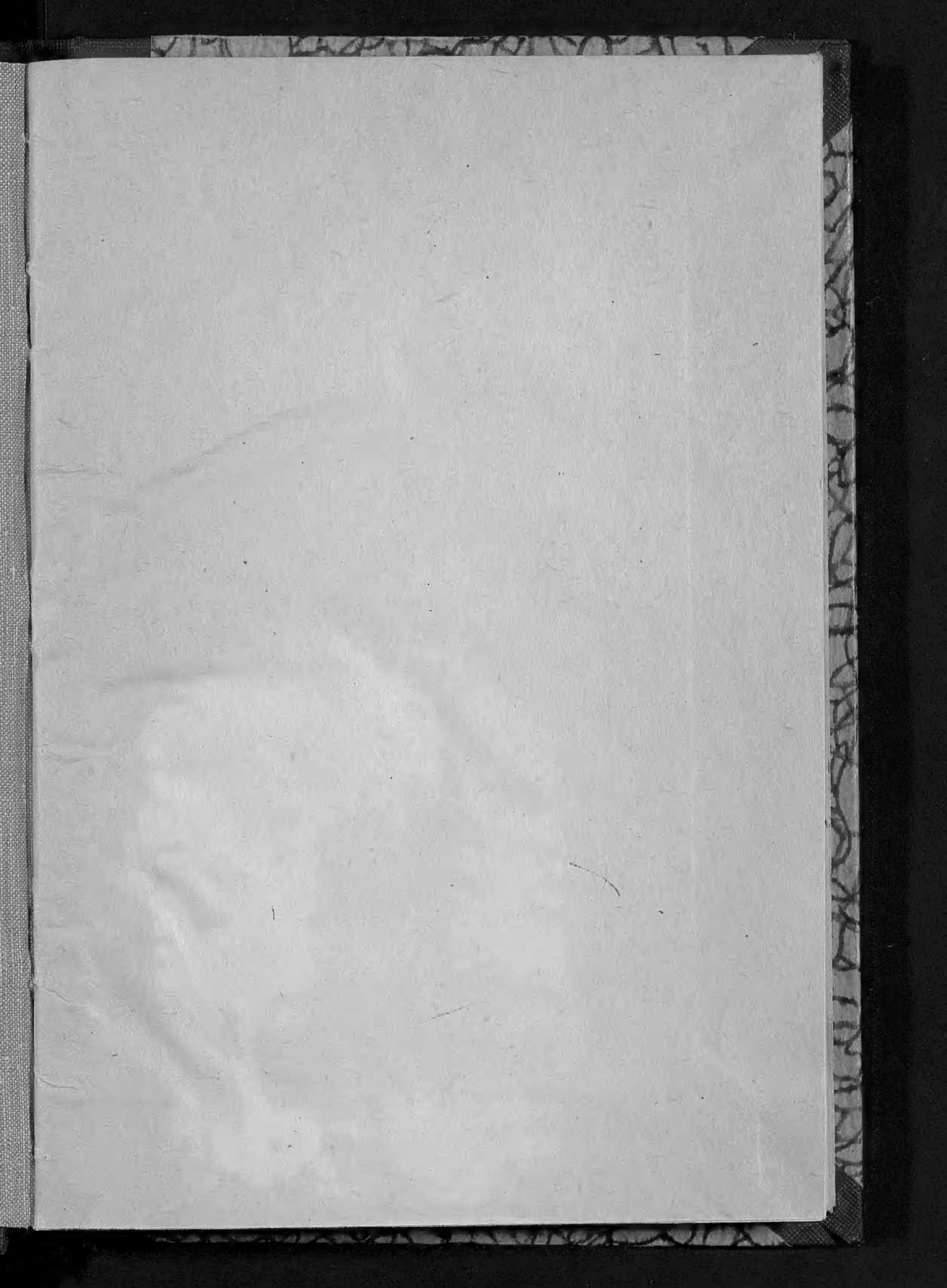
Б40 в.1

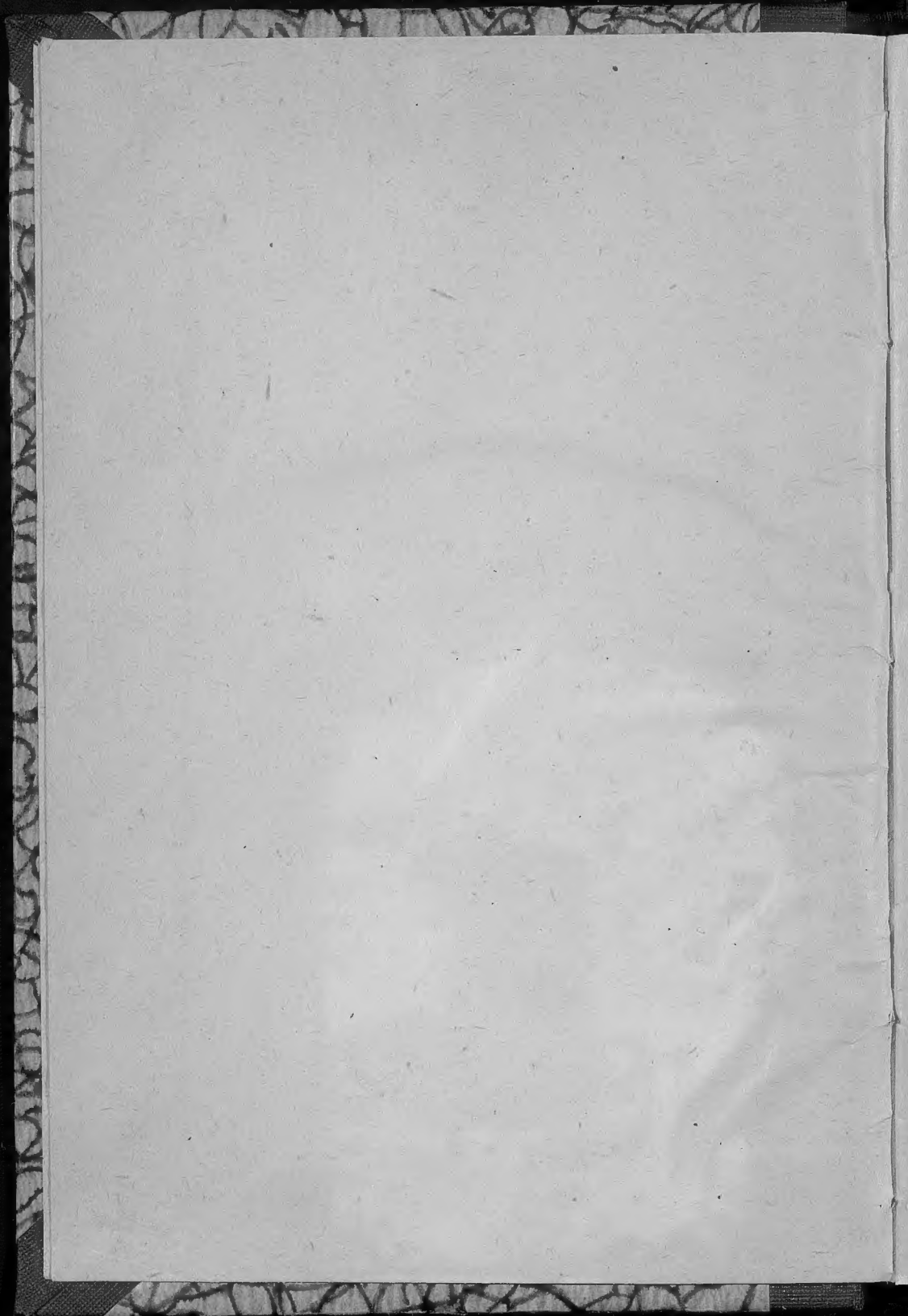
Безобразов В.П.

"Война
и
революция"

-1-
М., 1873.

БК
80

Б 40

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

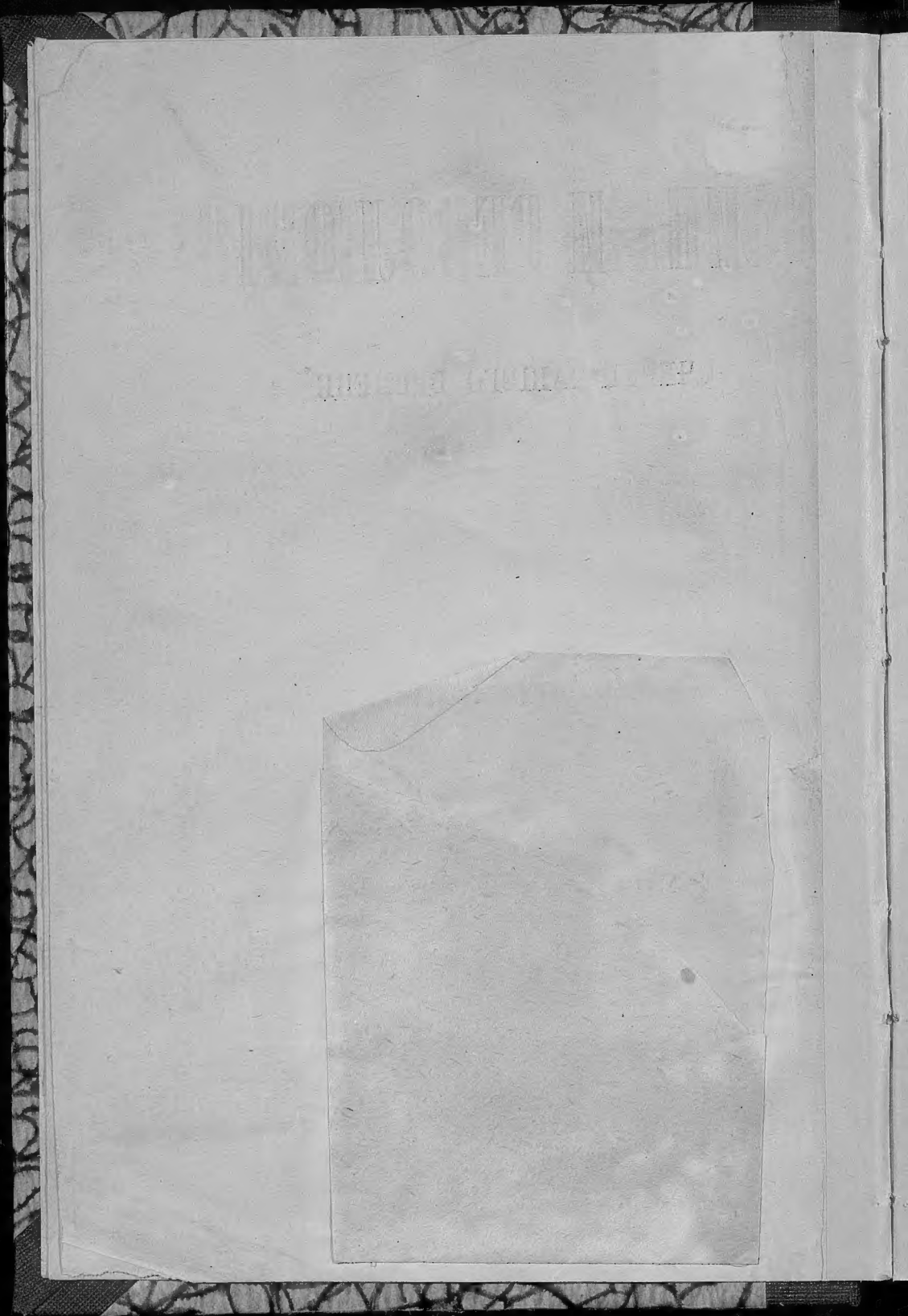
В. П. Безобразова.

I.

МОСКВА.

1873.

Б 430

ДК
80
55 40

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА.

1284/1

36430/8. M

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРВЫЕ НАЧЕТЫ ПЕРЕМЕН

В. И. ЕССОПАСОВА

30406
81

МОСКВА
В издательстве "Культура" (Москва)
на Государственном издательстве
1974

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Sibel, *Geschichte der Revolutionszeit*, I—IV, 18, 1859—1870.—Michelet, *Origines des Bonapartes*, 1872.—*Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege des deutschen Reichs*, herausg. v. Fr. Holtzendorff, 1871—72.—Oscar Testut, *L'internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe*, 1872.—Thornton, *On labour, its wrongful claims and rightful dues*, 1870.—Schäffle, *Kapitalismus und Socialismus*, 1870.—*Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars*.—Герценъ, *Сборникъ посмертныхъ статей*, Женева, 1870.—Данилевскій, *Россія и Европа*.—*Молодая Россія*, Штутгартъ, 1871.—Флеровскій, *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*, 1869.—Судебный процессъ 1871 года по такъ-называемому Нечаевскому дѣлу.

I. Общій взглядъ на европейскія событія и связанныя съ ними движенія.

I.

На нашихъ глазахъ совершились въ теченіи какихъ-нибудь двухъ лѣтъ историческія событія значительно измѣнившія весь внѣшній и внутренній порядокъ вещей въ западной Европѣ

и господствовавшія въ ней доселѣ международныя отношенія, систему такъ-называемаго политическаго равновѣсія Европы и условія внутренняго государственнаго и общественнаго быта ея народовъ.

Война 1870—1871 годовъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уничтожила до тла военныя силы государства считавшагося въ теченіе двухъ вѣковъ почти безспорно первою военною державою Европы; великая нація, могущественная во всѣхъ безъ изыятія отношеніяхъ, отличавшаяся наибольшимъ въ свѣтѣ политическимъ единствомъ своихъ частей и признававшая въ продолженіе всей своей тысячелѣтней исторіи военную славу лучшею своею доблестью, пожертвовавшая для этого единства и этой славы всякими иными благами государственной жизни, эта нація доведена до послѣдняго предѣла политическаго униженія, раздроблена въ своемъ двухвѣковомъ территоріальномъ составѣ, обложена неслыханнымъ военнымъ трибутомъ, который долженъ на много лѣтъ парализовать ея внутреннее обогащеніе и всякое внѣшнее предпріятіе, лишена значенія въ политической системѣ Европы, гдѣ ея голосъ за два года предѣтъмъ первенствовалъ и откуда распоряжался даже другими частями свѣта. Нанесла эти удары нація только-что возникшая какъ государственная единица, только въ теченіе самой этой войны сдѣлавшаяся такою единицею, а до того, на памяти всей новѣйшей исторіи, нація ничтожная какъ политическое цѣлое, самая разъединенная въ мірѣ. На развалинахъ одной великой политической силы въ Европѣ поднялась другая, новая сила. Разрушена сила, которой малѣйшія движенія, еще наканунѣ войны, казались такъ страшными всей Европѣ что самыя домашнія заботы ея распорядителя, владыки Французской имперіи, слова мимоходомъ имъ сказанныя на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на прогулкахъ, мысли и мечты его лѣтнихъ досуговъ получали значеніе событія для всего образованнаго міра и обходили по телеграфу весь земной шаръ. А о той новой силѣ безъ которой немислима теперь никакая политическая комбинація въ Европѣ никто даже не думалъ за десять лѣтъ предѣсимъ. Уже одни эти явленія составляютъ сами по себѣ цѣлый переворотъ въ политической жизни Европы. Полное ничтожество Франціи для всякаго внѣшняго предпріятія; государственное объединеніе Германіи; появленіе ея, какъ несомнѣнно могущественнѣйшей на европейскомъ материкѣ наступательной державы; окончательное признаніе Пруссіи полно-

властною распорядительницею судеб этой новой державы; превращение высшей прусской политики из самой скромной, самой нерешительной и самой консервативной в Европѣ в самую смѣлую, самую предприимчивую и даже радикальную (въ международных отношеніяхъ),—таковы самые крупные и ближайшіе результаты Франко-Германской войны в политическую систему Европы. Мы не говоримъ пока о дальнѣйшемъ развитіи и возможномъ измѣненіи этихъ явленій. Къ нимъ нужно присоединить другіе факты, косвенно истекшіе изъ той же войны и существенно важные для международных отношеній Европы: окончательное государственное объединеніе Италіи и съ тѣмъ вмѣстѣ вступленіе ея на первое мѣсто подлѣ первостепенныхъ державъ Европы; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезновеніе послѣдняго теократическаго государства въ Европѣ, Римской Папской области; уничтоженіе свѣтской власти папы, какъ государственной единицы въ международной европейской жизни; окончательное безповоротное исключеніе Австріи изъ Германіи; новый кризисъ въ ея внутреннемъ племенномъ составѣ; подчиненіе Австріи прусской политикѣ и паденіе ея значенія какъ великой державы; положительное вступленіе на поприще политическаго дѣйствія союза Пруссіи и Россіи; устройство братскаго союза Англіи и Франціи, важное преимущественно въ отношеніи къ положенію Оттоманской имперіи и къ Восточному вопросу; паденіе вліянія Франціи на Турцію; освобожденіе послѣдней изъ-подъ безусловнаго владычества двухъ западныхъ державъ; приближеніе ея къ Россіи и освобожденіе Россіи на Черномъ Морѣ. Вотъ какія значительныя и быстрыя перемѣны произошли въ объемѣ, пропорціи и равновѣсіи силъ дѣйствующихъ въ политической международной системѣ Европы.

Во внутреннихъ ея дѣлахъ выдвинулись, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, не менѣе крупныя событія, хотя задолго предъ тѣмъ подготовлявшіяся, но тутъ только окончательно выступившія на первую очередь внутренней политики всѣхъ западныхъ европейскихъ народовъ. Вслѣдъ за войной раздался изъ Франціи страшный революціонный взрывъ, который тѣмъ болѣе привелъ въ ужасъ всю Европу что съ 1849 года для нея казались законченными всякія революціонныя движенія, если не причислять къ нимъ носкончаемыхъ волненій Испаніи и повсемѣстныхъ національно - гражданскихъ междоусобій.

Разрушительныя дѣйствія парижской коммуны и ея замыслы, чуть-чуть не осуществившіеся и никакъ не ограничившіеся одною Франціей, далеко превзошли всякія революціонныя попытки 1848—1849 года, напомнили терроръ, великой революціи XVIII вѣка, казалось, болѣе невозможный въ Европѣ, посреди успѣховъ ея гражданственности и народнаго благосостоянія, и снова поставили Европу лицомъ къ лицу съ утопіями того же государственнаго социализма который былъ признанъ окончательно обанкротившимся еще въ 1848 году. Французское жеждущее, при всей своей скоротечности сравнительно съ предыдущими переворотами Франціи, вскрыло непримиримую гражданскую вражду накопившуюся между разными группами и наслоеніями французскаго общества, доселѣ не разрѣшающуюся никакою политическою сдѣлкой и ежеминутно угрожающую новымъ взрывомъ; мало того, это событіе обнаружило для самыхъ неопытныхъ глазъ совсѣмъ новые, дотолѣ неясные элементы гражданской смуты, разбѣянные по всей Европѣ и ихъ тѣсныя связи съ французскимъ мартовскимъ, коммуналистскимъ, возстаніемъ, на которые отовсюду, къ общему изумленію, отзывались не только сочувственныя, но вполне организованныя силы, взирающія на Парижъ какъ на средоточіе своего повсемѣстнаго дѣйствія. На поприще европейской политики, не только внутренней, но даже международной, гласно выступила новая, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстная сила, такъ-называемая Интернаціоналка, — общественно-политическій союзъ, предъ опредѣленіемъ котораго съ недоумѣніемъ останавливается и политическая теорія и практика. Къ этому новому тѣлу, сложившемуся изъ совсѣмъ новаго матеріала, примыкаютъ тамъ и сямъ въ Европѣ движенія отчасти чисто социальныя, общественно-экономическія, отчасти политическія: стачки и забастовки рабочихъ, сдѣлавшіяся самымъ крупнымъ явленіемъ въ народномъ бытѣ всей Европы, разные рабочія товарищества и ассоціаціи, считающія своихъ членовъ сотнями тысячъ въ каждой странѣ; международныя съѣзды или конгрессы ихъ представителей, обсуждающіе и рѣшающіе не только внутреннія, но и международныя предпріятія этихъ товариществъ. Затѣмъ сюда же принадлежатъ если еще не положительные движенія, то положительные замыслы уже чисто политическаго свойства, воодушевляющіе членовъ нѣкоторыхъ упомянутыхъ

союзовъ и организацій къ испроверженію существующаго въ каждой странѣ и во всей Европѣ государственнаго порядка къ коренной ломкѣ всего дѣйствующаго законодательства, всѣхъ учреждений и всѣхъ формъ правленія. Къ осуществленію такихъ замысловъ предполагаются и гласно обсуждаются на конгрессахъ представителей всѣхъ этихъ организацій въ разныхъ странахъ разные планы международнаго или общенароднаго дѣйствія. Желанія и предположенія высказывающіяся во всѣхъ этихъ движеніяхъ, отчасти отразившіяся даже на нашемъ малообразованномъ Востокѣ, должны, въ случаѣ своего исполненія, не только разложить весь внутренний и внѣшній порядокъ вещей въ Европѣ, государственный строй каждой націи и взаимныя отношенія государствъ,—уничтожить даже самое понятіе о націи, какъ о государственной единицѣ,—но и весь общественный, нравственный и экономическій строй образованнаго человѣчества, исторически выросшій въ теченіе тысячелѣтій. Таковы по крайней мѣрѣ замыслы которые разглашаются въ программахъ всѣхъ этихъ организацій совсѣмъ новаго, неслыханнаго доселѣ рода, не подходящаго ни подъ какія прежде извѣстныя нормы тайныхъ и гласныхъ обществъ. Разрѣшеніемъ вопроса такъ-называемаго рабочаго или социальнаго, подъ которымъ привыкли соединять въ одно понятіе всѣ упомянутыя движенія и волненія, озабочены нынѣ всѣ европейскія правительства; около него сосредоточиваются болѣе или менѣе всѣ внутреннія реформы. Даже въ Англіи, наиболѣе невредимой въ своемъ государственномъ устройствѣ и наименѣе склонной къ правительственному вмѣшательству въ общественныя отношенія, принимаются и проектируются радикальныя государственныя мѣры ради рабочаго вопроса. Даже задумывается надъ нимъ Пруссія, до сихъ поръ всего пренебрежительнѣе (съ виду) къ нему относившаяся. Европейскія правительства входятъ въ дипломатическія соглашенія по этому вопросу и противопоставляютъ ихъ лигамъ организующимся для испроверженія всѣхъ правительствъ. Около рабочаго вопроса возбуждается напряженная дѣятельность политики, науки и литературы во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, онъ представляется въ западной Европѣ самымъ могущественнымъ рычагомъ народныхъ движеній, и предъ нимъ блѣднѣетъ вопросъ о національностяхъ и національныхъ движеніяхъ, такъ еще недавно поглощавшій вниманіе политики, науки, литературы. Таковы дѣйствительные

факты, отрицать которые нѣтъ возможности, какое бы кто ни имѣлъ мнѣніе объ этомъ рабочемъ вопросѣ, даже еслибы кто не признавалъ его за вопросъ, какъ дѣлають иные мыслители въ западной Европѣ (преимущественно въ Германіи). Игнорировать такіе громкіе факты никто не въ правѣ.

Почти на дняхъ, послѣ рабочаго или соціальнаго, экономическаго вопроса, внезапно выросъ совсѣмъ другой, какъ будто ему противоположный, вопросъ религіозный или церковный,—объ отношеніяхъ римско-католической церкви, а съ нею и всякой церкви и всякаго вѣроисповѣданія къ государству, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о свободѣ совѣсти—вопросъ ислонъ вѣку занимавшій собою политику и всѣхъ мыслителей Европы, но нынѣ вдругъ разгорѣвшійся на почвѣ новой Германской имперіи до значенія перваго вопроса дня. Частная распря римской куріи съ протестантскими правительствами разрастается въ общую распрю установленныхъ церквей съ государствомъ. Римско-католическая церковь, раздираемая въ самыхъ своихъ нѣдрахъ глубокимъ расколомъ, лишенная матеріальнаго ослота въ свѣтской власти папскаго престола, осуждаемая не только чужими, но и своими, какъ будто собрала всѣ свои послѣднія силы чтобы вступить въ бой съ новою Германскою имперіей. Давно ли мирныя отношенія Прусскаго государства къ римско-католической церкви возбуждали зависть всѣхъ правительствъ. Къ Пруссіи какъ къ послѣдней надеждѣ обращались взоры и благословенія потрясennaго папскаго престола. И вотъ начинается между ними ожесточенный споръ, воскрешающій давно позабытыя распри германскихъ императоровъ съ папскою властію. Ватиканскій узникъ, дряхлый старецъ, замученный несчастіями и болѣзнями, много лѣтъ умирающій, лишенный всякой земной власти, униженный и уничиженный, но не преклонно твердый въ своей непогрѣшимости, вызываетъ на борьбу могущественнѣйшаго монарха образованнаго міра, въ апогеѣ его величія и славы, и самаго счастливаго, самаго безстрашнаго и самаго популярнаго государственнаго чловѣка, вызывающаго къ себѣ фанатическое сочувствіе десятковъ милліоновъ людей! Когда казалось ничто не могло возмутить спокойствіе и омрачить лавровъ новой имперіи, когда самыя тяжкія ея заботы заключались только въ пріисканіи употребленія для завоеванныхъ сокровищъ, въ эту самую минуту замогильный голосъ умирающаго старца и совсѣмъ умершей власти заставляетъ

это всеильное правительство встrepенуться и напpечъ все свое усилie къ вoвой, нежданной борьбѣ. Могущественнѣйшая военная имперiя Европы у ногъ побѣдителя, а ему не хочетъ покориться власть умершая и отлѣтая голосомъ всего образованнаго свѣта! Весь Германскiй народъ отложилъ для этой новой борьбы всякiя иныя помышленiя о своемъ государственномъ строенiи и благосостоянiи. Церковный вопросъ съ своими странными перелетiями, напоминающими иныя вѣка исторiи, врѣзался сперва какъ совсѣмъ постороннiй, кикѣмъ непрошенный, всѣмъ чуждый, въ ходъ современной европейской жизни, переполненный совсѣмъ противоположными интересами и влеченiями, но вскорѣ онъ съ ними переплелся и усложнилъ всѣ недуги времени, въ томъ числѣ и самый даже рабочiй вопросъ, съ которымъ церковный, казалось, не долженъ былъ имѣть ничего общаго. Съ одной стороны, церковный или вѣроисповѣдный вопросъ сдѣлался камнемъ преткновенiя во всѣхъ государственныхъ мѣрахъ по народному образованiю, въ особенности первоначальному, а эти мѣры повсемѣстно признаны нынѣ самыми настоятельными и самыми дѣйствительными для возвышенiя уровня благосостоянiя народныхъ или рабочихъ массъ. Содѣйствiе государства народному образованiю вездѣ возбуждаетъ сочувствiе всѣхъ безъ изъятiя политическихъ партiй, и оно дѣйствительно обѣщаетъ самые благотворные результаты во всѣхъ отношенiяхъ. Подъемъ умственнаго уровня такъ-называемыхъ низшихъ классовъ, эксплуатируемыхъ теперь при ихъ невѣжествѣ всякими проповѣдниками и всякими спекулянтами, представляется самымъ дѣйствительнымъ средствомъ устраненiя волненiй въ этихъ классахъ; и даже представляется многимъ мыслителямъ разрѣшенiемъ всего рабочаго вопроса. Между тѣмъ въ народномъ образованiи до сихъ поръ повсемѣстно господствуетъ духовенство, и безъ религiознаго элемента не мыслимо никакое нравственное воспитанiе. Поэтому-то на школьной почвѣ, куда по преимуществу привлекается нынѣ всѣми тревогами и движенiями времени дѣятельность всѣхъ правительствъ, происходятъ нынѣ самыя рѣшительныя битвы церкви и государства. Здѣсь разрѣшаются споры всѣхъ установленныхъ церковей и безчисленныхъ вѣроисповѣданiй признанныхъ и не признанныхъ обѣ отношенiяхъ религiи къ воспитанiю и государству. Тутъ возникаетъ вопросъ о совлеченiи со школы безусловно всякаго вѣроисповѣднаго характера, какъ о самомъ простомъ и самомъ

радикальномъ, даже какъ объ единственномъ выходѣ изъ этихъ нескончаемыхъ споровъ, другими словами, вопросъ объ эманципациі школы отъ всякаго вѣроученія, — тождественной во многихъ случаяхъ съ разлученіемъ воспитанія и религіи. Это послѣднее рѣшеніе церковнаго вопроса, полагающее конецъ вѣроисповѣднымъ междуусобіямъ и важнѣйшій столкновеніямъ церкви съ государствомъ, устрашаетъ всѣ умѣренныя политическія партіи. Съ другой стороны, церковный вопросъ встрѣчается еще болѣе опаснымъ образомъ съ социальными движеніями: крайніе, фанатическіе оттѣнки римско-католической церкви вступаютъ въ союзъ съ самыми крайними революционными партіями. Ультрамонтаны и іезуиты какъ будто рѣшились въ предсмертномъ издыханіи на самыя отчаянныя средства спасенія своего мѣста въ современномъ европейскомъ обществѣ; они беззапѣчиво подають братскую руку предводителямъ народныхъ массъ во всѣхъ волненіяхъ къ ниспроверженію государственнаго порядка. Вожаки и глашатаи этихъ волненій, равнодушные ко всякой церкви и ко всякой религіи, вмѣстѣ съ тѣмъ ратующіе, по ихъ собственнымъ словамъ, за безусловную свободу и безусловное равенство людей, встають въ Германіи противъ всякихъ государственныхъ мѣръ направляемыхъ къ обузданію фанатизма римской церкви и владычества ея духовенства надъ народомъ; они, съ самымъ крайнимъ цинизмомъ, открыто провозглашаютъ необходимость союза всѣхъ крайнихъ партій въ политической борьбѣ. Вотъ какія странныя, неожиданныя явленія происходятъ нынѣ въ Европѣ! Въ обществѣ XIX вѣка, изрытомъ скептицизмомъ и безвѣріемъ, не признающимъ ничего кромѣ утилитарныхъ цѣлей, всецѣло погруженномъ въ точныя науки и въ самый крайній индустриализмъ, провозглашаются одинъ за другимъ новые догматы; уже давно не помнить Европа такой усипенной дѣятельности въ этомъ отношеніи намѣстниковъ Св. Петра. Никогда они не предъявляли къ совѣсти вѣрующихъ столько непримиримыхъ съ свободой разума и науки требованій, какъ въ наше время, называемое вѣкомъ разума и науки. Міръ снова наполнился теологическими и догматическими контраверсами, возгорѣлись всѣ религіозныя страсти, сдѣлались возможными даже религіозныя войны, которыя уже въ прошедшемъ столѣтіи считались невозможными. Исторія какъ будто желаетъ доказать тщету всѣхъ попытокъ, ознаменовавшихъ наше вѣкъ, сдѣлать изъ нея точную науку, подвести ея

явленія подъ строгіе законы исторической послѣдовательности и проводить на основаніи ихъ будущее.

Новая имперія Гогенцоллерновъ, новая императорская династія въ Германіи, на верху своего могущества и благополучія, поразившая, казалось, на смерть всѣхъ своихъ враговъ внутреннихъ и внешнихъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, внезапно видитъ себя окруженною со всѣхъ сторонъ опасностями и вражескими силами, подкапывающимися подъ ея существованіе извнѣ и изнутри. Римская курія и несмѣтная ея полчища, разсыпавшая по всей землѣ, стараются поднять противъ новой еретической династіи многочисленныя народонаселенія Германіи; въ союзѣ съ ними неутомимо работаетъ къ ниспроверженію той же власти социальное-демократическая пропаганда въ кругу рабочихъ ассоціацій, насчитывающихъ сотни тысячъ членовъ. И тѣ и другіе, и паписты и социальные демократы, какъ называютъ себя революціонеры нашего времени, имѣютъ прочныя организаціи во всѣхъ странахъ Европы, способныя къ систематическому и совокупному дѣйствію противъ новой имперской власти и новой имперіи. Всѣ эти организаціи, и клерикальныя и демократическія, вездѣ находятся въ болѣе или менѣе сочувственныхъ отношеніяхъ къ разнымъ политическимъ партіямъ, дѣйствующимъ въ правительственныхъ сферахъ и въ представительныхъ собраніяхъ, и къ недовольнымъ всякаго званія и чина. Во всѣхъ европейскихъ странахъ и во всѣхъ слояхъ европейскаго общества, отъ самыхъ высокихъ до самыхъ низменныхъ, не мало людей ожесточенныхъ возвышеніемъ Германіи, признающихъ ея объединеніе величайшимъ европейскимъ бѣдствіемъ, готовыхъ воспользоваться противъ новой имперіи всякимъ замѣшательствомъ въ ея дѣлахъ. Личныхъ недоброжелателей у новой императорской династіи также не мало; въ своемъ быстромъ полетѣ она разстроила и нарушила много личныхъ интересовъ и въ самой Германіи и внѣ ея. Даже въ Англіи, странѣ до сихъ поръ наиболѣе сочувственной къ объединенію Германіи и къ гегемоніи Пруссіи, собираются шумные митинги подъ руководствомъ знаменитыхъ политическихъ людей, протестующіе противъ преслѣдованія іезуитовъ и ультрамонтановъ, отважно поднятаго нынѣ германскимъ правительствомъ. Ко всему этому не можетъ оставаться равнодушною Франція, чающая съ сердечнымъ трепетомъ часа отместки. И безъ того въ народномъ бытѣ и въ политическихъ сферахъ Франціи болѣе чѣмъ гдѣ-либо элементовъ дружественныхъ

папской власти. И по религиознымъ и по политическимъ преданіямъ, французское духовенство самое просвѣщенное, самое вліятельное, самое популярное въ Европѣ; безъ его помощи невозможна никакая прочная власть во Франціи, а оно неограниченно предано папскому престолу и вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевлено самымъ пламеннымъ французскимъ патриотизмомъ, терзающимся отъ униженія отечества. Нынѣшнее, и всякое другое, правительство во Франціи не можетъ для своего внутренняго упроченія не искать союза съ римско-католическимъ духовенствомъ и его главою; еще менѣе можетъ французское правительство пренебрегать такимъ союзомъ, когда съ этой стороны возникъ первый и единственный отпоръ въ Европѣ всемогуществу Пруско-Германской имперіи. Но всего этого мало; можетъ ли французское правительство не помогать всячески этому движенію римской куріи противъ заклятаго врага Франціи, когда она вноситъ такое смущеніе въ дѣла новой имперіи, и какъ будто является Провидѣніемъ посланною мстительницею за униженіе Франціи? Заодно съ вѣдными врагами Германской имперіи могутъ поднять голову и всѣ внутренніе гвельфы, пораженные и посрамленные, но еще не совсѣмъ уничтоженные. Наконецъ, въ это самое время, приостанавливаются продолжительныя пререканія римскаго престола съ самымъ вѣрнымъ и самымъ могущественнымъ союзникомъ Пруссіи, съ русскимъ правительствомъ, которое не можетъ, по своимъ внутреннимъ дѣламъ, пренебрегать миролюбивыми отношеніями съ Ватиканскимъ дворомъ. Указывая вопросы и недоумѣнія возникающіе нынѣ для торжествующей своей побѣды Пруссіи, и въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ представляющіе многимъ ея дѣло въ Германіи, мы не высказываемъ никакого личнаго нашего взгляда, а приводимъ только то что говорится въ самой Пруссіи и Германіи. Та же самая картина можетъ быть представлена и при совсѣмъ другомъ, даже противоположномъ освѣщеніи. Такъ напримѣръ можно спросить: римско-католическій церковный вопросъ не явился ли для новой имперіи весьма кстати, отвлекая политическія страсти и умы совсѣмъ въ противоположную сторону отъ социальна-демократическихъ движеній, отъ всякихъ внутреннихъ политическихъ притязаній и реформъ, стоявшихъ недавно на первой очереди, а теперь отодвигающихся на самый дальній планъ? Не возбуждаетъ ли этотъ политически безопасный и легко разрѣшимый вопросъ тотъ фа-

натическій жаръ, предъ которымъ смолкаютъ всякія иныя враждебныя силы, всякія центробѣжныя и партикуляристическія влеченія, какъ они смолкли недавно предъ военнымъ пыломъ? Не требуютъ ли цынѣ единодушно всѣ политическія партіи Германіи усмиренія строптивыхъ сыновъ государства и подавленія остальныхъ средневѣковыхъ стремленій враждебныхъ историческому прогрессу и германскому просвѣщенію и не готовы ли всѣ они усилить центральную имперскую власть, снабдить ее новымъ оружіемъ для этой великой просвѣтительной цѣли? Только самые безразсудные, всякіе крайніе и ретроградные люди могутъ мыслить иначе. Новая имперія должна выступить во всеиліи власти противъ средневѣковой тьмы! Не доказываютъ ли самыя эти событія цѣлѣность мысли, смущавшей многіе либеральные умы, о слишкомъ значительномъ и опасномъ для свободы запасѣ силъ, которыми вооружена будто бы имперская власть, когда эти силы оказываются даже недостаточными для охраны этой самой свободы отъ деспотизма римской церкви. Съ этой точки зрѣнія все положеніе представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ, весьма благоприятномъ для новой имперіи и для новой власти. Новая борьба окружаетъ ихъ новымъ сіяніемъ и блескомъ, ореоломъ борьбы за разумъ и свободу противъ средневѣковой теократіи и порабощенія совѣсти. Не посылаютъ ли уже изъ всѣхъ земель свои благословенія новой имперіи всѣ истинные друзья свободы и просвѣщенія? Не пристыжены ли всѣ тѣ враги объединенія Германіи которые видѣли въ возникновеніи новой силы въ Европѣ печальное торжество милитаризма и бюрократіи? Мы ограничиваемся пока поставленіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ и указаніемъ на эти противоположныя точки зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемо положеніе дѣлъ въ Германіи. Въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, оно полно ожиданіями и надеждами, чревато событіями, если не внѣшними, то внутренними.

Подлѣ церковной смуты, временно отвлекшей умы, не въ одной только Германіи, но и въ другихъ странахъ (напримѣръ Бельгіи), остаются въ своей силѣ всѣ внутренніе политическіе вопросы занимающіе Европу. Сверхъ всего нами уже упомянутого, на первомъ планѣ стоитъ конечно перестройка всего государственнаго зданія во Франціи, сверху до низу, отъ самыхъ первыхъ основъ и формъ правленія до мельчайшихъ подробностей административнаго порядка. Государственное

возрожденіе Франціи интересуется не только Французскій народъ, но и весь образованный міръ. Работа происходящая нынѣ въ этой странѣ уподобляется ее настоящей государственной лабораторіи, въ которой открыто предъ всѣмъ свѣтомъ подвергаются анализу всѣ элементы государственной жизни, вопрошаются и сталкиваются съ жизнью всѣ политическія теоріи, испытываются всѣ безъ изъятія политическія партіи, а тѣ же самыя партіи, въ томъ или иномъ видѣ, существуютъ во всей Европѣ. Каждый народъ, каждый государственный дѣятель и мыслитель могутъ найти для себя поученіе въ этой лабораторіи государственнаго дѣла. Но не одна Франція занята нынѣ своимъ внутреннимъ переустройствомъ. Война и революція, не сопровождались пока, какъ можно было ожидать, усиленіемъ милитаризма, бюрократической опеки и всякихъ реакціонерныхъ элементовъ въ Европѣ; несмотря на всеобщее перевооруженіе, занявшее всѣ правительства и истощающее всюду страшную массу капиталовъ и силъ, реформы нигдѣ не остановились, а скорѣе получили усиленный ходъ. Не говоря даже объ отдаленной Испаніи, терзаемой своими собственными, почти оторванными отъ остальной Европы, междоусобіями и не въ первый разъ заново перестраивающейся, вездѣ замѣчается напряженная государственная дѣятельность: всѣ правительства озабочены усиленіемъ условій внутренняго народнаго могущества и благосостоянія, доставившими побѣду Пруссіи, очевидно не менѣе чѣмъ политика князя Бисмарка и стратегія графа Мольтке. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ озабочены устраненіемъ изъ государственнаго организма, посредствомъ своевременныхъ реформъ, тѣхъ вредоносныхъ началъ которыя гораздо болѣе чѣмъ германское оружіе подрывли развалинами Францію. Мыслящіе люди убѣдились что полиція и войско только временно задерживаютъ революціонныя страсти, усиливая къ тому же ожесточеніе послѣдующихъ схватокъ, что эти хирургическіе способы государственной медицины, сами по себѣ, безсильны въ борьбѣ съ революціонною демократіей, всюду заговорившею уже не тайнымъ, а громкимъ голосомъ. Болѣе чѣмъ когда-либо прежде входитъ во всеобщее сознаніе старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасенія народовъ отъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. На этомъ пути впереди всѣхъ государствъ, и всѣмъ подавая примѣръ, неустанно работаетъ Англія, хотя сама, несмотря на постоянные безпорядки въ Ирландіи, наиболѣе

обезопасенная от всякой революціонной смуты. Реформа слѣдуетъ за реформой, одна другой радикальнѣе, въ этой счастливой странѣ, нисколько политически не изживающей и нисколько не разрушаемой пролетаріатомъ, вопреки давнишнимъ предсказаніямъ всѣхъ континентальныхъ радикаловъ. Въ виду новыхъ требованій времени, съ особенною ясностью поставленныхъ европейскими событіями послѣднихъ лѣтъ, предприимчивый духъ Англичанъ не останавливается ни предъ какими нововведеніями, ни въ государственномъ, ни въ общественномъ строѣ страны: условія того и другаго, какъ ни казались они вѣковѣчными въ Англіи, какъ ни много они измѣнились въ нынѣшнемъ столѣтіи, должны еще болѣе кореннымъ образомъ измѣниться въ самомъ близкомъ будущемъ. Своеобразныя историческія формы англійской конституціи, этого священнаго, неприкосновеннаго ковчега англійской свободы, оставались долго неизмѣнными посреди всякихъ европейскихъ революціонныхъ бурь и казались тѣмъ болѣе застрахованными отъ всякой реформы что онѣ оставались невредимыми, при крушеніи множества континентальныхъ европейскихъ конституцій; а между тѣмъ и онѣ, даже эти неприкосновенныя формы, подвергаются нынѣ пересмотру. Всего же замѣчательнѣе что предлагаются и приводятся въ исполненіе въ Англіи конституціонныя преобразованія, подъ вліяніемъ политическихъ идей выросшихъ на континентѣ Европы и доселѣ чуждыхъ всѣмъ національнымъ и историческимъ преданіямъ Великобританіи. Англо-саксонское племя, какъ оно ни въ правѣ гордиться своею политическою зрѣлостью предъ всѣми европейскими народами и какъ ни самобытна его островная цивилизація, не знаетъ страха общенія съ чужеземными цивилизаціями и даже не боится положительныхъ заимствованій у другихъ народовъ.

Послѣ весьма недавней реформы палаты общинъ, значительно понизившей избирательный цензъ, вводится, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, тайная подача голосовъ при выборахъ, признававшаяся противною всѣмъ издавна сложившимся понятіямъ, правамъ и обычаямъ Англіи. Уже изъ этого одного можно видѣть какъ народные обычаи и нравы измѣнчивы. Замышляется реформа еще болѣе радикальная и еще болѣе противная національному духу Англіи и основнымъ началамъ ея конституціи: поднимается рука на наследственность членовъ палаты лордовъ! Всѣ эти преобразованія

очевидно открывающія широкій просторъ демократическимъ началамъ, въ политической жизни Англіи, исходятъ отъ умѣренныхъ, а никакъ не крайнихъ партій; крайніе идутъ въ своихъ желаніяхъ гораздо далѣе всего этого, и не только на улицѣ, но даже въ самомъ парламентѣ говорятъ о необходимости измѣненія самыхъ первыхъ основъ англійскаго государственнаго устройства, самыхъ формъ правленія. Общественныя, преимущественно экономическія отношенія въ народномъ бытѣ Великобританіи также получаютъ совсѣмъ новыя формы, хотя до сихъ поръ всѣ безъ изъятія слои ея общества, отъ перваго лорда до послѣдняго пролетарія, равно гнушаются грубыхъ покушеній континентальной демократіи на свободу личности и свободу собственности; эти два великія блага европейской цивилизаціи всегда остаются внѣ всякаго вопроса въ этой странѣ. Броженіе рабочихъ массъ наиболѣе чуждо здѣсь всякимъ демагогическимъ и вообще политическимъ злоумышленіямъ и не вноситъ никакой смуты въ существующій государственный порядокъ, а между тѣмъ оно обширнѣе и глубже, и новые элементы внесенные имъ въ экономическій строй общества гораздо рѣшительнѣе и замѣтнѣе чѣмъ во всякой другой странѣ. Кооперативныя или артельныя организаціи рабочихъ, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ капиталами, возрастаютъ въ Англіи въ огромныхъ размѣрахъ; силы рабочихъ въ ихъ стачкахъ и союзахъ противъ хозяевъ и рядчиковъ здѣсь значительнѣе чѣмъ гдѣ-либо, хотя и отпоръ со стороны хозяевъ и рядчиковъ самый энергическій. Весьма недавно пріобщеніе сельскаго или крестьянскаго населенія къ волненіямъ рабочихъ началось именно въ Англіи. Не пугаясь никакимъ народнымъ движеніемъ, но зорко слѣдя за каждымъ, англійское законодательство не приняло ни одной отъснительной мѣры и противъ движенія рабочихъ, а напротивъ идетъ къ нему на встрѣчу, тщательно преслѣдуетъ его, расчищаетъ ему пути, охраняетъ его отъ всякаго насилія и помогаетъ развитію новыхъ формъ промышленности и труда созданіемъ новыхъ законовъ (о взаимныхъ договорахъ и имуществѣ рабочихъ ассоціацій и пр.). Всѣ государственныя реформы Англіи въ послѣдніе годы направлены къ улучшенію быта низшихъ или рабочихъ классовъ, между прочимъ быстро одна за другою слѣдовавшія податныя и финансовыя реформы. Въ нихъ принимаютъ живое участіе самые аристократическіе классы и всѣ партіи; всѣми доселѣ бывшими реформами въ финансахъ и

законодательствѣ, какъ онѣ ни были глубоки, не хотятъ до-
вольствоваться даже умѣренныя партіи, а требуютъ настоя-
чиво еще болѣе рѣшительныхъ преобразованій въ томъ же на-
правленіи. Самая заловѣдная сфера въ общественномъ и эконо-
мическомъ строѣ Великобританіи, отношенія ея землевла-
дѣнія, и та подвергнута смѣлой реформѣ, ожидающей еще
дальнѣйшаго развитія; ирландскій законъ 1870 года о позе-
мельныхъ контрактахъ между собственниками и арендаторами
и о правахъ послѣднихъ былъ чрезвычайно отважною мѣрой
въ этой области. Распространеніе на Англію и Шотландію это-
го закона, едва ли имѣющаго что-нибудь для себя подобное въ
другихъ странахъ Европы, весьма возможно, даже вѣроятно.
Мысль о необходимости земельного обезпеченія сельскихъ ра-
бочихъ, о поземельныхъ и земледѣльческихъ ассоціаціяхъ и
о созданіи класса крестьянъ-собственниковъ, по примѣру мно-
гихъ континентальныхъ странъ и въ томъ числѣ Россіи, укор-
еняется болѣе и болѣе въ англійскомъ общественномъ мнѣ-
ніи, не считается болѣе уполіей, какъ прежде, хотя бы даже
нужна была для ея осуществленія помощь правительства; мысль
о необходимости для государства образованія мелкой крестьян-
ской собственности тѣмъ болѣе любопытна въ Англіи что
тамъ крестьяне потеряли свои земли съ незапамятныхъ вре-
менъ исторіи и что на Англію всегда ссылаются въ Европѣ
всѣ партіи непріязненныя этой мысли. Но никакая реформа
и никакое предпріятіе на общую пользу не пугаютъ эту стра-
ну, и потому-то она, нимало не стѣсняясь, смотритъ въ лицо
Интернаціоналки, которая избрала Англію своимъ централь-
нымъ сѣдалищемъ, отсюда подъ охраною англійскихъ законовъ
и полиціи шлетъ угрозу міру кромѣ самой Англіи.

Глубоко проникшій во всѣ полости великобританскаго го-
сударственного организма конституціонализмъ, или точнѣе за-
конность и правомѣрность всѣхъ общественныхъ отношеній—
первое условіе безусловно мирнаго и непрерывно прогрессив-
наго разрѣшенія въ этой странѣ всѣхъ тѣхъ же самыхъ за-
дачъ которыя наполняютъ остальную Европу то революціон-
ными, то реакціонерными тревогами. Англійскій конституціо-
нализмъ, выросшій тамъ исторически и прививаемый ко всѣмъ
другимъ западно-европейскимъ государствамъ лишь искусствен-
но, сверху, законодательными актами и науками, былъ не такъ
давно предметомъ посмѣянія и презрѣнія у всѣхъ крайнихъ

партій, въ особенности у новѣйшей соціальной демократіи; континентальнымъ радикаламъ казалось что рабочій вопросъ и всѣ современныя соціальныя задачи съ нимъ связанныя далеко переросли узкія рамки конституціонализма. Послѣ войны и революціи можно было ожидать для конституціонализма особенной опалы у всѣхъ европейскихъ партій; этого однако еще не замѣтно. Конституціонныя начала болѣе чѣмъ когда-либо распространяются и упрочиваются въ западной Европѣ, не исключая даже Франціи, гдѣ онѣ подвергались во всѣ времена наибольшей опасности, и не исключая самой Германіи, гдѣ предсказывали развитіе милитаризма послѣ войны и гдѣ конституціонныя задачи только временно заслонены нынѣ быстро налетѣвшею тучею церковнаго вопроса.

Дополнимъ этотъ бѣглый очеркъ западно-европейскихъ событий и движеній знаменательнымъ фактомъ, совершившимся на самыхъ этихъ дняхъ. Третейскій судъ въ Женевѣ покончилъ къ удовольствію обѣихъ сторонъ международную распрю грозившую всему образованному свѣту самую ожесточенною войною. Это совсѣмъ новое явленіе въ исторіи международного права и политической жизни; оно совершилось вопреки убѣжденію многихъ что все образованное человѣчество вступило нынѣ въ самый военный періодъ своей исторіи и также что война между Великобританіей и Сѣверо-Американскими Штатами есть историческая необходимость. Вслѣдъ за разливомъ военныхъ страстей, какъ будто отбросившихъ европейскую цивилизацію на нѣсколько столѣтій назадъ, мы дѣлаемся очевидцами международной сдѣлки, едва ли возможной въ какое-нибудь предыдущее время и громко свидѣтельствующей о миролюбіи, просвѣщеніи и историческомъ прогрессѣ нашего вѣка.

II.

Мы сдѣлали весь этотъ очеркъ разнообразныхъ европейскихъ событий и движеній послѣднихъ лѣтъ, движеній, одно другому противостоящихъ, взаимно перекрещивающихся, только чтобы показать въ какую бойкую историческую эпоху, полную всяческихъ тревогъ и всяческаго интереса, мы живемъ. Исторія, конечно, всегда движется и никогда ни на одно мгновеніе не останавливается; но въчныя эпохи пульса жизни

исторических народовъ бьется сильнѣе, признаки, симптомы и внутреннія причины историческаго прогресса и историческихъ недуговъ выходятъ болѣе наружу, внутренняя подземная работа историческихъ силъ вскрывается въ болѣе крупныхъ внѣшнихъ явленіяхъ; дальнѣйшій, неизбѣжный ходъ этой работы дѣлается нѣсколько яснѣе, чѣмъ въ періоды историческаго затишья. Потому такія эпохи, какъ нынѣшняя въ Европѣ, особенно выгодны для наблюденія и размышленія надъ жизнью образованныхъ народовъ. Всѣ важнѣйшія и несомнѣнно великія послѣдствія описанныхъ нами событій и движеній еще въ будущемъ, можетъ-быть не далеко, и они какъ кажется, должны сдѣлаться раздѣльною гранью въ исторіи европейскаго образованнаго міра, подобно всѣмъ такимъ эпохамъ усиленнаго историческаго хода событій. Необходимо и для отвлеченныхъ интересовъ чистаго знанія, и для практическихъ политическихъ цѣлей, постараться выискать въ характеръ и условія происходящихъ явленій, сколько-нибудь опредѣлить ихъ направленіе и провидѣть хотя бы самыя ближайшіе ихъ результаты, если дальнѣйшіе всегда бываютъ скрыты отъ глазъ современниковъ. Если мудрая политика должна быть, какъ говорятъ, всегда готова ко всякимъ случайностямъ военнымъ, то едва ли еще не въ большей степени она должна быть готова ко всякимъ случайностямъ политическимъ? Настоящая минута относительнаго утомленія и роздыха въ Европѣ, вслѣдъ за кровавою внѣшнею и внутреннею борьбой, особенно благопріятна для спокойнаго размышленія. Европейская литература всѣхъ странъ, во всѣхъ ея видахъ и отрасляхъ, переполнена нынѣ повѣствованіями и разсужденіями о современныхъ событіяхъ и вопросахъ.

Должны ли мы, Русскіе, одни оставаться безучастными зрителями всего происходящаго въ Европѣ, нисколько не заботясь объ его значеніи для нашей восточной половины той же Европы, для ея внѣшнихъ политическихъ отношеній къ западной половинѣ и для внутреннихъ историческихъ успѣховъ нашего народа, неотъемлемо принадлежащаго къ той же самой европо-арійской группѣ человѣчества? Глубокими переворотами въ судьбахъ дѣйствующихъ нынѣ передовыхъ членовъ этой группы не можемъ не быть, рано или поздно, такъ или иначе, затронуты и мы въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ, какой бы домашній характеръ они пока ни носили, по наружному

своему виду. Но намъ твердятъ съ разныхъ сторонъ что намъ дѣла нѣтъ до Европы и Европѣ до насъ, что мы должны жить самобытно, нисколько не безпокоясь о томъ что творится на Западѣ, не имѣящемъ де съ нами ничего общаго. Однако даже и тѣ особенные наши мыслители которые убѣждены что Россія не Европа и что мы вырабатываемъ свою особенную всемірно-историческую цивилизацію, столь же отличную отъ западно-европейской или романо-германской, какъ греко-латинская цивилизація была отлична и впереди отъ египетской, ассирио-вавилонской, индійской и т. д., даже и тѣ, и въ особенности они, не могутъ отрицать необходимости существенно относиться къ явленіямъ гнущаго Запада, мѣсто котораго они предполагаютъ такъ скоро занять во всемірной исторіи. И эти и еще другіе мыслители, совсѣмъ имъ повидимому противоположные, а въ сущности дѣла съ ними тождественные,—наши западно-европейскіе доброжелатели,—изгоняющіе насъ изъ Европы въ азіатскія степи, въ среду отжившихъ туранскихъ племенъ, и тѣ и другіе не могутъ отвергать насущной для насъ потребности изучать явленія западно-европейской цивилизаціи и ихъ связи съ нашимъ собственнымъ бытомъ, должна ли Россія упразднить западную Европу въ исторіи или на оборотъ романо-германскій міръ, въ своемъ быстромъ развитіи, долженъ вытѣснить Россію изъ Европы. * И въ томъ и въ другомъ случаѣ, не позволительно намъ не знать того что мы призваны довершить въ судьбахъ человѣческой культуры,—или же того что дѣлаетъ насъ въ ней невозможными, не знать признаковъ того движенія исторіи которое, по словамъ однихъ, должно возвысить Россію на вершину всемірной цивилизаціи, по словамъ другихъ, опрокинуть въ самый задній ся уголъ. Но обѣ эти точки зрѣнія, столь дружественныя и въ пріемахъ мышленія, и въ конечныхъ практическихъ цѣляхъ, позволительно, по меньшей мѣрѣ, назвать исключительными. И наука

* См. между прочимъ: Н. Я. Данилевскаго, *Россія и Европа*, Спб. 1871. Въ этомъ сочиненіи такъ-называемыя славянофильскія или лучше, панславистскія воззрѣнія получили, благодаря разнообразной учености и талантавости автора, новыя и весьма оригинальныя для себя основанія. Хотя съ общими выводами этой книги мы всего менѣе можемъ быть согласны, тѣмъ не менѣе считаемъ ее заслуживающею глубокаго уваженія и вниманія.

и просвѣщенная политическая практика совѣтъ отказались нынѣ отъ подобнаго разсмотрѣнія событій и подобной постановки вопросовъ дня *по отношенію къ безконечному будущему*; на это будущее одинаково возможны самыя произвольныя и противоположныя взгляды и въ немъ теряется всякая перспектива и мѣра для человѣческаго пониманія вещи... Современныя государственныя и общественныя науки покинули истолкованіе первыхъ причинъ и конечныхъ послѣдствій въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Усвоивъ себѣ положительныя методы изслѣдованія, онѣ ограничиваются изученіемъ ближайшей связи и причинности явленій въ жизни народовъ. Такъ же точно и политическое искусство нашего времени сосредоточило все свое вниманіе исключительно на заботахъ текущаго дня, по отношенію къ *ближайшему будущему*, въ которомъ только и возможно не гадательное разрѣшеніе политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Эти вопросы собственно и существуютъ сколько-нибудь реально только въ этомъ ближайшемъ будущемъ, въ кругу непосредственныхъ послѣдствій текущихъ событій. Отдаленное будущее никому неизвѣстно. Самая прозорливая и дальновидная политика можетъ предвидѣть только непосредственныя послѣдствія событій и соображать только съ ними свои планы и дѣйствія. Сколько уже разъ политическіе замыслы и созиданія, разчитанные на безконечныя періоды исторіи, на вѣковѣчное разрѣшеніе вопросовъ тревожившихъ современное человѣчество, разрушались при первомъ столкновеніи съ историческою дѣйствительностью; мы это знаемъ по опыту исторіи и это иначе быть не могло: будущіе всемірные историческіе перевороты столько же скрыты отъ человѣческаго пониманія и предвидѣнія, какъ и самое значеніе современныхъ событій въ отношеніи къ этимъ переворотамъ. Всемірно-историческій смыслъ того что совершается вокругъ насъ не можетъ быть для насъ понятенъ, уже потому только что мы относимся къ нему съ понятіями современниковъ. Постигнуть этотъ смыслъ могутъ только отдаленные потомки, послѣ окончательнаго, дѣйствительнаго завершенія такихъ переворотовъ, какими представляется, напримѣръ, теперь паденіе греко-римской цивилизаціи и возникновеніе на ея развалинахъ новой европейской. Между тѣмъ упомянутыя выше политическія воззрѣнія, разобщающія восточную или славянскую Европу съ западною или романо-германскою и изгоняющія Россію изъ современнаго образованнаго міра, основаны

единственно на гадательномъ истолкованіи смысла нынѣшней европейской цивилизаціи по отношенію къ будущимъ, самымъ отдаленнымъ судьбамъ всемірной исторіи. Всѣ такія доктрины слятся разрѣшить неразрѣшимые всемірно-историческіе вопросы о замѣщеніи одной цивилизаціи другою, въ безконечномъ будущемъ, о гибели той или другой группы современнаго образованія человѣчества и т. д. Положительно мы знаемъ только то что въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ Россія тѣсно связана съ западною Европой и на Россіи не могутъ не отразиться такъ или иначе всѣ описанныя выше событія и движенія нашего времени. Всѣ вопросы возникающіе изъ этихъ движеній существуютъ и для Россіи, какъ это уже можно было видѣть изъ ихъ очерка, хотя бы и въ иной формѣ, и въ иныхъ условіяхъ. Въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ Россія принадлежитъ къ одной и той же политической системѣ государствъ со всѣми западно-европейскими народами, а въ отношеніи къ условіямъ своего внутренняго благосостоянія или къ своей культурѣ, въ своемъ государственномъ строѣ, въ церкви, въ школахъ, въ промышленности, — она развивается пока тѣ же самыя начала какъ и западная Европа; если мы еще не усвоили себѣ многихъ изъ нихъ, то вынуждены для каждаго своего дальнѣйшаго шага, во всѣхъ сферахъ человеческой дѣятельности и цивилизаціи, пользоваться понятіями и способами дѣйствія ранѣе насъ выработанными на Западѣ, иначе наше прогрессивное движеніе въ настоящее время немислимо. Все это совершенно опровергаетъ всякую мысль объ оторванности нашей культуры отъ западно-европейской, въ смыслѣ ли туранской или славянской ея самобытности. Всѣ наши успѣхи и пріобрѣтенія послѣдняго времени, отъ великаго до малаго, отъ упраздненія крѣпостнаго права (даже съ поземельнымъ устройствомъ крестьянъ включительно) и отъ судебной реформы до воскресныхъ школъ и артельныхъ сыроварень, — успѣхи и пріобрѣтенія восхваляемые со всѣхъ безъ изъятія сторонъ и всѣхъ точекъ зрѣнія, — суть не что иное какъ результаты западно-европейской цивилизаціи. Если мы не хотимъ признать ее за свое, за наше общее съ другими европейскими народами достояніе, тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ хуже для насъ, ибо черпать изъ чужахъ сокровищъ во всѣхъ отношеніяхъ непріятнѣе и предосудительнѣе. Когда защитники всемірно-исторической особенности нашей цивилизаціи не могутъ отвергнуть пользы и необходимости

государственныхъ реформъ совершившихся у насъ въ послѣднее время и вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ не признать тождества ихъ общаго направленія и духа съ основными началами жизни западно-европейскихъ народовъ,* тогда они говорятъ что всѣ эти основныя начала искони принадлежали быту Русскаго народа, истекаютъ изъ самыхъ первоначальныхъ требованій его національнаго духа и исторіи, и нынѣ не болѣе какъ возрождены къ жизни, вызваны къ ней снова изъ мрака исторіи. Однимъ словомъ, намъ говорятъ что во всѣхъ будто бы новшествахъ нашего времени слышится наша старина. Пусть такъ. Пусть все общее направленіе новѣйшихъ государственныхъ преобразованій Россіи есть не что иное какъ развитіе и раскрытіе основныхъ началъ цивилизаціи, сокрытыхъ въ недрахъ нашей первоначальной исторіи, въ основномъ строеніи нашего общественнаго быта, искаженномъ и искалѣченномъ позднѣйшими историческими случайностями. Такое сходство основныхъ началъ нашего историческаго быта съ западно-европейскимъ, общее всѣмъ народамъ принадлежащимъ къ одной и той же исторической культурной группѣ или формаціи, еще болѣе подтверждаетъ наши родственныя связи съ западною Европой и невозможность обособленія ея историческихъ движеній отъ русскихъ. Нисколько не свидѣтельствуютъ также, съ другой стороны, въ пользу разобщенія Россіи съ западною Европой и всѣ національныя и историческія особенности нашего быта, которыя рѣзко отличаютъ насъ отъ западно-европейскихъ народовъ, хотя бы даже и всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, которыя замѣчаются преимущественно въ новѣйшихъ нашихъ реформахъ, въ сравненіи съ предыдущими, и на которыя также указываютъ поборники разрозненности нашей цивилизаціи съ западно-европейскою. Всѣ великія народности Запады представляютъ такія же точно особенности въ своемъ государственномъ строеніи и народномъ бытѣ. Если разсматривать эти особенности независимо отъ общаго духа европейской цивилизаціи, объединяющаго весь европо-сѣверо-американскій міръ съ его колоніями въ одно неразрывное цѣлое, то каждая великая государственная народность,—англійская, сѣверо-американская, германская, французская, даже италіанская и испанская,—можетъ казаться особымъ культурнымъ міромъ.

* См. Данилевскаго *Россія и Европа*, стр. 79 и пр.

Національно-историческихъ отличій Россіи отъ другихъ европейскихъ странъ не болѣе. Сравнивая, безъ предвзятой мысли, бытъ (въ особенности хозяйственный) Русскаго и другихъ славянскихъ народовъ, на примѣръ Польскаго и Чешскаго, съ бытомъ сосѣдняго Германскаго народа, мы найдемъ между ними гораздо болѣе сходства нежели между народами германскаго племени,—на примѣръ Нѣмцами и Англичанами, — и романскими, на примѣръ Италіянами и Французами. Чѣмъ болѣе Русскій или Нѣмецъ вникаетъ въ бытовые формы Италіянецъ и Французовъ, когда приходитъ въ ближайшее съ ними соприкосновеніе на ихъ землѣ, тѣмъ болѣе замѣчаетъ что романскій міръ составляетъ нѣчто особое, столь же далекое отъ германскаго, какъ и отъ славянскаго міра. Эта мысль, вынесенная нами изъ всѣхъ личныхъ нашихъ наблюденій (преимущественно въ Италіи) и раздѣляемая многими иностранцами, покажется странною только потому что противорѣчитъ разнымъ ходячимъ предубѣжденіямъ. Въ силу ихъ предполагается какая-то особенная родственность и взаимное сочувствіе между славянскимъ племенемъ и романскимъ и какая-то племенная антипатія между Славянами и Нѣмцами. Такія предубѣжденія отчасти искусственно напущены разными политическими замыслами, отчасти основаны на самыхъ поверхностныхъ впечатлѣніяхъ. Здѣсь не мѣсто распространяться обо всемъ этомъ; замѣтимъ только что съ извѣстной одной стороны государственнаго или общественнаго быта, отвлекая эту сторону отъ всѣхъ остальныхъ, или также въ извѣстной одной или нѣсколькихъ чертахъ народнаго характера, забывая обо всѣхъ прочихъ, мы всегда легко найдемъ сродство между каждыми двумя странами и народами Европы. Въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ заключается важнѣйшее условіе единства всѣхъ европейскихъ народовъ и еще болѣе тѣснаго объединенія ихъ въ будущемъ. Столь прославленная близость Русскихъ къ Французамъ обусловлена единственно самымъ поверхностнымъ тождествомъ привычекъ великосвѣтскаго общества въ Парижѣ, Петербургѣ и Москвѣ, не меньшимъ чѣмъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, французскимъ говоромъ въ нашихъ салонахъ, точно такъ же сблизившихъ Гѣмцевъ съ Французами въ XVIII столѣтіи, и пожалуй еще чисто наружными замашками и фразами французскихъ и русскихъ бюрократовъ. Не менѣе прославленная племенная рознь наша съ Нѣмцами объясняется отчасти скукою нашихъ свѣтскихъ людей въ Берлинѣ и ихъ веселіемъ въ

Парижъ, отчасти недостаткомъ всякаго свѣтскаго доска у Нѣмцевъ, и наконецъ главнѣйше объясняется превосходствомъ умственнаго образованія высшихъ и въ особенности среднихъ классовъ Германіи предъ такими же классами въ Россіи. Такое превосходство одного народа предъ другимъ, возбуждающее множество непріятныхъ чувствъ между ними, всегда болѣе ощутительно при ихъ географическомъ сосѣдствѣ и частыхъ сношеніяхъ, чѣмъ при противоположныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся напримѣръ Французы и Русскіе, или Русскіе и Сѣверо-Американцы. Ближайшее сосѣдство народовъ (Франція и Англія, Франція и Пруссія) всего болѣе способствуетъ ихъ антагонизму, который впрочемъ служитъ могущественнымъ рычагомъ историческаго прогресса, пока проявляется въ соперничествѣ на мирной почвѣ наукъ, промышленности и гражданскаго устроенія. Наши братскія связи съ Сѣверо-Американцами значительно обусловлены пространствомъ насъ раздѣляющимъ, а о поразительномъ (по словамъ иныхъ ораторовъ) сходствѣ государственнаго, гражданскаго и экономическаго быта обоихъ этихъ народовъ можно говорить развѣ только въ застольныхъ рѣчахъ, когда изліянія чувствъ изгоняютъ всякое хладнокровное сужденіе; это сходство едва ли можно найти въ чемъ-нибудь иномъ, кромѣ обилія незаселенныхъ земель Россіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, но это послѣднее обстоятельство, конечно очень важное для ближайшаго будущаго развитія обоихъ государствъ, далеко не все, и даже далеко не многое въ государственномъ и общественномъ бытѣ народовъ. Во всемъ остальномъ элементы и условія быта Сѣверо-Американской и Русской націй не только не подобны, но до крайности противоположны между собою. Что же касается до такъ-называемой юности обоихъ націй, то надо всего болѣе удивляться пылкости воображенія со стороны людей находящихъ именно это сходство, если только подъ этою юностью разумѣютъ юность цивилизаціи; въ противоположность Россіи, Сѣверо-Американскіе Штаты отличаются самою старѣйшею цивилизаціей между всеми государствами образованнаго міра, ибо главная особенность Сѣверо-Американской націи состоитъ въ томъ что ея самыя низшіе рабочіе классы, непрерывно пополняясь пришельцами со всего свѣта, относительно болѣе образованными и развитыми, чѣмъ не переселяющіяся народонаселенія Европы, обладаютъ самою старѣйшею культурой, которую нельзя же называть юною

только потому что она перенесена съ одного мѣста на другое. Можно ли забыть что исторія сѣверо-американской цивилизаціи началась въ Европѣ?

Указываютъ, наконецъ, на основныя формы государственнаго правленія какъ на черту особенно рѣзко отдѣляющую Россію отъ Запада, гдѣ эги формы болѣе или менѣе общи всѣмъ государствамъ, несмотря на все чрезвычайное ихъ разнообразіе въ подробностяхъ. Основныя формы правленія, при всѣхъ особенностяхъ политическаго быта каждой западно-европейской страны, категорически отличны отъ тѣхъ же формъ въ Россіи. Эта выуклая черта различія всего болѣе служить предлогомъ для лубкистовъ крайнихъ партій и для разныхъ поверхностныхъ наблюдателей разсуждать о глубокой исторической розни Русскаго народа съ западною Европой. Но основныя формы правленія только одна, и притомъ не первостепенная сторона въ жизни народа, не только общественной и гражданской, но даже и политической, какъ это доказываютъ нынѣ и политическая теорія и практическій опытъ. И теорія и опытъ признаютъ нынѣ лучшими формами государственнаго правленія только тѣ которыя выработались исторически, и худшими тѣ которыя навязываются народу искусственно, отвлеченною формулою политическаго мыслителя или насиліемъ политическаго дѣятеля. Нѣтъ такой политической формулы которая была бы обязательна, какъ идеаль, для государственнаго устройства каждаго образованнаго народа. И наука и жизнь выдвинули нынѣ на первую очередь государственныхъ заботъ не формы правленія, а внутреннее содержаніе законодательства и государственныхъ учреждений, которыя могутъ и затруднять и облегчать успѣхи народнаго благосостоянія при всѣхъ возможныхъ формахъ правленія. Чрезвычайно многочисленныя и разнообразныя мѣры по внутреннему благоустройству, государственному, гражданскому и экономическому, — повсѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства, мѣстному самоуправленію, областному и общинному, народному воспитанію и образованію, — мѣры, ежедневно размножающіяся и усложняющіяся, занимаютъ нынѣ въ западной Европѣ всѣ зрѣлыя политическіе умы, пріятію всѣхъ этихъ мѣръ не препятствуютъ, въ извѣстныхъ, весьма широкихъ предѣлахъ, никакія формы правленія, о которыхъ потому всего менѣе и думаютъ теперь въ Европѣ. Всего разительнѣе видно

это направлѣніе нашего времени на Франціи, гдѣ вопросъ о формахъ правленія сдѣлался, по исторической необходимости, самымъ неотложнымъ. Несмотря, однако, даже на то что буря войны и революціи снесла всѣ основы государственнаго устройства, Франція уживается съ временнымъ образомъ правленія, сосредоточивъ все свое вниманіе на своемъ внутреннемъ обновленіи, оказывающемся даже и тамъ болѣе настоящимъ, чѣмъ рѣшеніе вопроса о монархіи и республикѣ, откладываемое Франціей до нельзя. „Мы сдѣлаемъ самый большой успѣхъ въ политической жизни и покончимъ со всѣми нашими внутренними затрудненіями, сказалъ недавно умѣйшій французскій публицистъ (Е. Жиранденъ), когда сдѣлаемся совершенно равнодушны къ формамъ правленія и перестанемъ о нихъ думать.“ Изъ сдѣланнаго нами очерка европейскихъ событій послѣднихъ лѣтъ можно видѣть что самыя жгучіе внутренніе вопросы, каковы въ особенности рабочій и церковный, стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ формъ правленія и почти не имѣютъ съ ними никакихъ точекъ соприкосновенія. Даже самый конституціонализмъ нашего времени, несомнѣнно дѣлающій всюду успѣхи, отвернулся отъ всякихъ внѣшнихъ политическихъ формъ, а пошелъ во внутреннее содержаніе учреждений и законодательства. Такъ мы видимъ упадокъ парламентаризма, сравнительно съ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія и мѣстнаго представительства, съ развитіемъ судебной охраны, и между прочимъ охраны противъ произвола администраціи, съ развитіемъ свободы слова, печати, сходовъ и т. п. Всѣ эти послѣднія льготы признаются нынѣ гораздо болѣе существенными чѣмъ прерогативы парламентовъ. Наше время сознало что сама политическая свобода, не говоря уже о свободѣ религіозной, гражданской и экономической, не обезпечивается одними формами правленія, въ томъ числѣ и одними государственными представительными собраніями. Это сознаніе едва ли не составляетъ самой характеристической черты въ современныхъ политическихъ понятіяхъ сравнительно съ концомъ прошедшаго и первую половину нынѣшняго столѣтія, когда внѣшнія формы государственнаго устройства были главнымъ вопросомъ въ политическихъ теоріяхъ и въ политическихъ движеніяхъ. Сошлемся на прекрасную рѣчь, сказанную на дняхъ Гладстокомъ на банкетѣ лондонскаго лорда-мера: „Я счастливъ, говорилъ онъ, предлагая тостъ за лорда-мера,—почтить въ этомъ

случаѣ и главу первого города нашей страны, и *наши мѣстныя учрежденія*: чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе я вижу возможность этихъ учрежденій; именно въ нихъ укрѣпляетъ нашъ народъ свой разумъ и свое чувство свободы; безъ всѣхъ этихъ мѣстныхъ учрежденій, мы бы никогда не могли создать и сохранить центральныя учрежденія, которымъ наша нація обязана всѣми своими успѣхами.“ Въ духѣ и направленіи этихъ самыхъ понятій, господствующихъ нынѣ въ Европѣ, были совершены у насъ всѣ реформы нынѣшняго царствованія (крестьянская, судебная, земская и т. д.); онѣ значительно приблизили Россію къ западной Европѣ, хотя бы и далеко не на столько, какъ это можетъ казаться народному самообольщенію, всегда полагающему возможнымъ нагнать десяткомъ лѣтъ добрыхъ намѣреній нѣсколько вѣковъ тяжелой работы, понесенной другими народами.

Итакъ, даже въ политическомъ отношеніи нельзя обособлять Россіи отъ западной Европы, а напротивъ, должно признать что обѣ онѣ идутъ одною и тою же дорогою, хотя бы и на значительномъ между собою разстояніи. Въ *степени или количествѣ* цивилизаціи Россіи сравнительно съ западною Европой заключается самое существенное и единственное существенное между ними различіе. На дорогѣ приближенія къ западной Европѣ Россія остановиться не можетъ, какъ бы ни хотѣлось инымъ, якобы изъ патріотизма, передохнуть на полдорогѣ. Западно-европейская цивилизація, какъ всякая человеческая цивилизація, находится въ непрерывномъ движеніи и не ждетъ, а иной цивилизаціи пока нѣтъ въ запасѣ ни у насъ самихъ, ни у другихъ народовъ. По этому уже одному намъ останавливаться невозможно. Не только чтобы вкусить всѣ практическіе плоды происшедшихъ у насъ государственныхъ преобразованій, далеко еще не укоренившихся въ народномъ бытѣ и не обнявшихъ еще всѣхъ его сторонъ, необходимо продолжать начатое дѣло реформы. А продолжать его нельзя иначе какъ въ томъ же духѣ, въ какомъ оно начато, то-есть въ томъ самомъ духѣ западно-европейскаго, или лучше, вселенскаго просвѣщенія, которымъ живетъ весь извѣстный нынѣ образованный міръ. Чтобы усвоить себѣ этотъ духъ, необходимо сознательно относиться къ движеніямъ передовыхъ образованныхъ народовъ, нужно самимъ самостоя-

тельно изучать их и не ограничиваться знаніемъ ихъ только съ чужихъ словъ, какъ это болѣею частью дѣлалось у насъ прежде, когда мы были гораздо болѣе посторонними зрителями чѣмъ участниками обще-европейской жизни. Самостоятельное изученіе явленій европейской жизни тѣмъ болѣе необходимо для каждаго европейскаго народа, а въ особенности отсталого, что посреди вихря событій, наступающихъ одно на другое, посреди ихъ непрерывныхъ противорѣчій, не всегда легко различить главное русло теченія, которое безостановочно идетъ впередъ и котораго необходимо держаться чтобы не попасть въ его многочисленныя извилины и потоки, и не быть съ ними отброшеннымъ назадъ. Наконецъ современная жизнь образованныхъ народовъ отличается между прочимъ и тѣмъ что каждый народъ, идя общимъ путемъ всеобщей цивилизаціи, развиваетъ общій ея духъ въ своихъ собственныхъ *національно-историческихъ формахъ*, къ сохраненію которыхъ никогда не было прилагаемо столько старанія какъ нынѣ; уловить въ этихъ разнообразныхъ формахъ общій и единый духъ цивилизаціи, соединяющій всѣ европейскіе народы и обязательный для историческаго прогресса каждаго, бываетъ очень трудно, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, когда требованія прогресса ставились, подобно *droits de l'homme* французской революціи, въ общихъ для всѣхъ народовъ космополитическихъ формулахъ. Уже по этому одному рабское подражаніе чужеземнымъ формамъ быта сдѣлалось нынѣ невозможнымъ; неизвѣстно даже кому слѣдуетъ нынѣ подражать, какъ это предписывалось въ прежнее время, Французамъ или Англичанамъ, или Нѣмцамъ и т. д. Не только каждый великій народъ, но даже и самыя мелкія государственныя національности подвигаются нынѣ къ общей цѣли цивилизаціи своими собственными своеобразными историческими средствами; такъ учатъ нынѣ и всѣ политическія науки. Чтобы выйти изъ этихъ особыхъ затрудненій, характеризующихъ просвѣщеніе нашего вѣка, нужно каждому народу болѣе чѣмъ когда-либо прежде овладѣть общимъ содержаніемъ и сущностью движенія европейской цивилизаціи, дабы соотвѣтственно съ тѣмъ направлять свои частныя, національныя успѣхи и дѣла. Даже такой высокоцивилизованный народъ какъ Французскій, имѣющій свою самобытную, независимую отъ чужихъ успѣховъ культуру, потерпѣлъ страшныя неожиданныя пораженія вслѣдствіе своего

невѣжества относительно положенія дѣлъ въ Германіи, вслѣдствіе своего невниманія къ умственнымъ и политическимъ движеніямъ внѣ Франціи.

III.

Сверхъ всего нами сказаннаго о невозможности умственнаго разобщенія Россіи съ западною Европой, нужно упомянуть еще объ одной сторонѣ ученій выталкивающихъ Россію изъ Европы, одинаково вѣсьмъ имъ общей. Эта сторона преимуществу противна вѣсьмъ лучшимъ стремленіямъ и упованіямъ нашего вѣка, а между тѣмъ она лежитъ въ основаніи вѣсьхъ этихъ ученій. Мы говоримъ о томъ предположеніи якобы роковой необходимости борьбы, то-есть просто войны на жизнь и на смерть между Востокомъ и Западомъ Европы, каковую одинаково признають какъ пламенные друзья Россіи, которые надѣются поставить ее во главѣ славянскаго міра, на развалинахъ гнѣющаго Запада, * такъ и заклятые враги Россіи, призывающіе западную Европу сласти свое просвѣщеніе отъ нашествія восточнаго туранскаго и славянскаго варварства. Для тѣхъ и другихъ приготовленіе къ кровавому столкновенію Запада съ Востокомъ, и къ тому же къ столкновенію непремѣнно смертельному для одного изъ двухъ противниковъ, есть самое главное руководящее начало всей политики исторически обязательной для Запада и для Востока. Разумѣется такое начало въ жизни народовъ должно изгонять всякую мысль объ ихъ нравственномъ и умственномъ сближеніи, а можетъ развѣ только заставлять ихъ взаимно слѣдить за успѣхами военныхъ вооруженій и похищать другъ у друга тайны великихъ открытій на этомъ поприщѣ. „Рано или поздно, хотимъ или не хотимъ, проповѣдуютъ глашатаи восточной группы этихъ ученій, но борьба съ Европой (или по крайней мѣрѣ съ значительнѣйшею ея частью) неизбежна изъ-за Восточнаго вопроса, то-есть изъ-за свободы и независимости Славянъ, изъ-за обладанія Царьградомъ, изъ-за всего того что по мнѣнію Европы составляетъ предметъ незаконнаго честолюбія Россіи

* См. между прочимъ: Даніаевскаго *Россія и Европа* (та. XII и XVI); также Р. Фадѣева *Миніе о Восточномъ вопросѣ*. Спб. 1870.

а по мнѣнію каждаго Русскаго достойнаго этого имени, есть необходимое требованіе ея историческаго призванія. Можно медлить, отдалять, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, какъ съ нашей, такъ и съ европейской стороны; грозный часъ наступленія борьбы; но она не можетъ быть устранена, и т. д... *Самый процессъ этой борьбы, а не одни только ея желаемые результаты, какъ это не разъ уже было высказано нами, считаемъ мы спасительнымъ и благотворнымъ, ибо только эта борьба можетъ отрезвить мысль нашу, поднять во всѣхъ слояхъ нашего общества народный духъ, погрязшій въ подражательности; въ поклоненіи чужому, зараженный тѣмъ опаснымъ недугомъ который мы назвали европейничаньемъ...* „Мелкую текущую дребедень событій предоставляет исторія канцелярскому производству дипломатіи, но свои великія, вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громами и молніей, какъ Саваоѣ съ вершины Синаи...“ * Другой воинственный политикъ, принадлежащій къ тому же циклу міровоззрѣній, говорить: „Народности пошли теперь складываться во едино, неясные рубежи стали шаткими, перевороты совершаются съ поражающею быстротой. Духъ времени заодно съ дѣйствительнымъ смысломъ нашего положенія допускаетъ только два рѣшенія: Россія какъ мѣстное государство Русскаго народа, или Россія какъ средоточіе славянскаго и православнаго міра. Въ отношеніи къ настоящей минутѣ эти два рѣшенія выражаются двумя глаголами. выжидать или дѣйствовать. Сначала дѣйствіе Россіи можетъ быть только нравственное. Гласное признаніе своего права быть представительницею славянскаго міра, при первой возможности, возвращеніе подъ отчій кровъ послѣднихъ поработенныхъ обрывковъ Русскаго народа, умственное и сердечное единеніе съ своею историческою семьей, единодушное стремленіе къ общей цѣли по обѣимъ сторонамъ рубежа должны предшествовать единенію политическому. Затѣмъ въ благоприятныхъ случаяхъ не будетъ недостатка: *девятнадцатый вѣкъ не есть вѣкъ мира и спокойнаго процвѣтанія для Европы.* Но каково бы ни было единодушіе, какъ бы случай ни былъ благоприятенъ, это великое дѣло можетъ

* Данилевскаго, *Россія и Европа*, гл. XVI, стр. 54 и 55.

рѣшиться только силой, и на первых порахъ одною русскою силой. * Едва ли нужны здѣсь образчики другихъ родственныхъ по духу ученій, распространенныхъ за границей и признающихъ бой между западною Европой и Россіей неизбежнымъ, какъ единственное средство уничтоженія въ лицѣ послѣдней историческихъ (туранскихъ) элементовъ враждебныхъ западной европейской цивилизаціи. Эти ученія пропагандировались сперва главнѣйше польскими публицистами и за ними французскими, а теперь, кажется, всего болѣе нашли себѣ пріютъ въ Германіи. Трудно сказать какой изъ двухъ этихъ полюсовъ ученія, разобщающаго Россію съ Европой, отличается наибольшимъ воинственнымъ задоромъ, въ которомъ они одинаково попрекаютъ другъ друга и который они по необходимости взаимно разжигаютъ общими своими усиліями.

Можно ли сомнѣваться что и безъ воинственныхъ публицистовъ, военной стихіи до сихъ поръ не мало въ Европѣ, что до сихъ поръ во всѣхъ странахъ, по понятіямъ и многихъ лицъ и цѣлыхъ классовъ, война, и даже завоевательная война, есть единственное жизненное начало въ жизни народовъ? Вездѣ даже въ высшихъ и образованныхъ классахъ найдутся люди, свои юнкера и свои шовинисты, которые иначе чувствовать и думать не могутъ, которые убѣждены что всякое *великое дѣло должно рѣшиться силой* и что только *мелкая дребедень* событий можетъ быть предоставляема произволу дипломатическихъ канцелярій. Война кажется многимъ единственнымъ выходомъ изъ внутреннихъ затрудненій, которыми полна вся Европа. Наконецъ есть во всѣхъ странахъ Европы цѣлые легіоны людей, — постоянныя арміи, — для которыхъ война есть призваніе жизни, самый святой долгъ патріотизма и чести. Сверхъ этого имѣется и иной запасъ военной стихіи, исключительно принадлежащій нашему времени, столь размножившаяся журналистика, также алчущая, въ случаяхъ оскуденія своего матеріала, военныхъ приготовленій и событий; для этой особой группы дѣйствующихъ въ Европѣ политическихъ силъ приготовленія къ войнѣ, хотя и не есть святое и необходимое призваніе, однако небезвыгодное и

* Фадѣва, *Мнѣніе о Восточномъ вопросѣ*, стр. 95. Эта брошюра, переведенная на иностранные языки, нагнѣдала много шума въ Европѣ и была принята въ Австріи почти за объявленіе войны со стороны Россіи, вслѣдствіе совершенно ложнаго предположенія что она исходитъ изъ офиціальныя и вліятельныя сферы.

всегда очень удобное занятіе. Все это такъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ, и не мало накопилось элементовъ мира въ Европѣ, * которыхъ даже никогда не бывало столько во всемирной исторіи какъ нынѣ. Эти элементы различны: нравственные и матеріальные; для всѣхъ нихъ самый процессъ войны, при самыхъ счастливыхъ и блистательныхъ ея результатахъ, всегда убійственъ. Много дѣлъ и вопросовъ которые выдвинулись, какъ мы видѣли, на очередь заботъ Европы (каковы напримѣръ вопросы рабочій и церковный), которые всего болѣе волнуютъ умы и народныя массы, которые далеко не *мелкая дребедень*, а напротивъ въ глазахъ десятковъ милліоновъ людей гораздо крупнѣе чѣмъ вопросъ объ обладаніи Константинополемъ или объ историко-этнографическихъ отношеніяхъ Востока и Запада Европы, и которыхъ *разрѣшеніе посредствомъ силы нелѣгкимъ*. Не мало также людей и цѣлыхъ сферъ въ европейскомъ обществѣ какъ западномъ, такъ и восточномъ, которые всѣми своими интересами, убѣжденіями и влеченіями чужды и враждебны всякому духу войны, изъ какихъ бы источниковъ онъ ни происходилъ, и не перестаютъ считать ее въ международныхъ отношеніяхъ, такъ же какъ всякое насиліе во внутреннихъ, самою печальною необходимостью и случайностью. Немного найдется политическихъ мыслителей и государственныхъ людей, сколько-нибудь проникнутыхъ идеями нашего вѣка, способныхъ возводить войну въ политическій догматъ и систему, думать что она можетъ быть *отрезвляющимъ началомъ народной мысли*, спасительнымъ, исцѣляющимъ отъ всѣхъ недуговъ современнаго общества; между этими недугами и войною можетъ быть развѣ только то общее что первая служитъ мгновеннымъ и самымъ удобнымъ для правительствъ отвлеченіемъ отъ послѣднихъ. Государственныхъ людей готовыхъ прибѣгать къ такому героическому лѣченію найдется даже вообще очень не много. Это мирное настроеніе силъ дѣйствующихъ въ политической и общественной жизни всего образованнаго міра уже безошибочно доказывается многими знаменательными фактами современной дѣйствительности.

Столкновеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англіей не можетъ быть причислено къ мелкой текущей дребедени современной жизни, и именно не можетъ быть съ точки зрѣнія

* См. В. Безобразова, *О вліяніи экономической науки на политическую жизнь Европы*. 1866. Спб.

самых наших прорицателей вселенских рѣшеній исторіи, предвѣщавшихъ необходимость роковой борьбы между этими двумя народами и едва ли не причислявшихъ ее къ тѣмъ *благоприятнымъ случаямъ* открытія занавѣса своей міровой борьбы Востока съ Западомъ. Однакоже это столкновение разрѣшается нынѣ мирною сдѣлкой, долженствующею скрѣпить взаимную дружбу и интересы двухъ самыхъ враждебныхъ и антипатичныхъ другъ другу государственныхъ народностей новаго историческаго міра. Миролюбивое настроеніе, господствующее болѣе и болѣе во всѣхъ безъ изъятія политическихъ партіяхъ Англіи, ея политика невмѣшательства и желаніе мира *во что бы то ни стало*, ежедневно возрастающее подчиненіе всѣхъ старинныхъ побужденій къ внѣшнему политическому дѣйствію,—ащности, честолюбія, исканія господства въ международныхъ сношеніяхъ, нравственнымъ и экономическимъ стремленіямъ новаго порядка вещей, приводятъ въ уныніе всѣхъ политиковъ желающихъ опереться на Англію въ своихъ воинственныхъ затѣяхъ. * Эти политики съ ожесточеніемъ жалуются на миролюбіе Великобританскаго народа, помѣшавшее ему идти съ Франціей на Россію по Польскому вопросу въ 1867 году, съ Франціей на Германію во время послѣдней войны, съ Австріей на Россію по недавнему Черноморскому вопросу. Островное положеніе Великобританіи никакъ не объясняетъ само по себѣ этого мирнаго настроенія, ибо находясь въ томъ же самомъ положеніи, она не оставляла прежде ни одного европейскаго дѣла безъ своего военнаго вмѣшательства или своей военной угрозы. По понятіямъ ученій о необходимости борьбы между Востокомъ и Западомъ Европы, именно Англія должна повести Западъ противъ Востока, она олицетворяетъ собою самый крайній индивидуализмъ и индустриализмъ Запада и его вражды къ славянскому духу общины и братства, олицетворяемому Россіей; именно Англія должна стать во главѣ этой великой борьбы Аримана и Ормузда новѣйшей всемірной исторіи! Англія должна быть главною водательницею того общественнаго мнѣнія всей Европы, которое, по словамъ про-

* См. Duvergier de Hauranne, *L'alliance anglaise et la ligue des neutres pendant la guerre de 1870—71*. Авторъ съ горечью видитъ въ миролюбивомъ настроеніи Англіи главную причину пораженій Франціи, покинутой своею недавнею союзницею.

повѣдниковъ этой борьбы, не можетъ не быть, въ силу всей исторической сущности западной Европы, враждебно Россіи. Между тѣмъ всего болѣе въ Англіи возрастаютъ числомъ и значеніемъ политическіе люди мыслящіе и дѣйствующіе въ направленіи Кобдена и Брайта, которые мужественно протестовали противъ Восточной войны, въ самый ея разгаръ! Самымъ очевиднымъ доказательствомъ мирнаго настроенія во всемъ образованномъ человѣчествѣ служитъ недавняя колоссальная подписка на французскій заемъ, въ которой приняли участіе народы всего свѣта и которая была бы невозможна безъ ихъ увѣренности что миръ есть нормальное состояніе Европы, а война можетъ быть только исключеніемъ; и это случилось вѣдѣ за самую кровавую войну, когда военныя страсти еще не улеглись и ожидается месть Франціи! На дняхъ вся европейская публицистика всѣхъ странъ и всѣхъ политическихъ отгѣнковъ привѣтствовала сѣзъдъ трехъ Императоровъ въ Берлинѣ, видя въ немъ залогъ мира для Европы; даже Англія и Франція, остающіяся въ сторонѣ отъ этого событія, радуются ему вѣдѣствие его мирнаго характера. Въ связи со всѣми этими мыслями, не можемъ не привести весьма характеристическихъ словъ, которыми воинственный поэтъ Франціи выражаетъ свое разочарованіе въ послѣдней войнѣ. Говоря о той великой борьбѣ которую онъ вмѣстѣ съ своими воинствующими соотечественниками ожидалъ между Германіей и Франціей, въ этой войнѣ, онъ говоритъ: *

„Nous rêvions le choc de Vishnou contre Indra,

 Nous croyions assister au choc fatal des trônes,
 A la sinistre mort des vieilles Babylones,
 Au continent broyé, tué, ressuscité,
 Dans une éclosion d'aube et de liberté,
 Et voir peut-être, après de monstrueux desastres,
 Naître un monde à travers des ecroulemets d'astres,
 Ainsi nous songions.

 La colère, la force et la nuit, noirs portiers,
 Vont ouvrir devant nous la tombe toute grande.
 Il faudra que le *Sud* ou le *Nord* y descende;
 Il faudra qu'une rue ou l'autre tombe au fond

* Victor Hugo, *l'année terrible*.

De l'abîme, où les rois et les dieux se defont.
Et pensifs, croyant voir venir nous la gloire,
Les chocs comme en ont vus les hommes de la Loire,
Wagram tonnant, Leipzig magnifique et hideux,
Cyrus, Senneherib, César, Frederic Deux,
Nemrod, nous fremissons de ces sombres approches....
Tout à coup nous sentons une main dans nos poches,
Il s'agit de ceci: nous prendre notre argent.

Вотъ и проповѣдники борьбы Востока съ Западомъ могутъ такимъ же образомъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: вмѣсто боя гигантовъ и боговъ, вмѣсто конца свѣта, имъ пришлось бы увидѣть денежное разореніе своего народа. Этимъ оканчивается нынѣ всякая война, и это вѣрнѣйшій ея результатъ.

Какъ бы то ни было, что бы ни готовило намъ будущее, какимы бы элементами,—войны или мира,—ни было суждено взять перевѣсъ, литература какъ представительница умственныхъ и нравственныхъ интересовъ человѣчества, а потому и интересовъ мира, обязана трудиться только въ пользу ихъ. И безъ нея, стихіи войны, національная вражда и рознь, всяческое насилие и животныя инстинкты въ международныхъ отношеніяхъ всегда найдутъ слишкомъ достаточно для себя лица и защитниковъ. Эти стихіи, со всеми дикими человѣческими наклонностями, отличающими первобытное состояніе людей отъ цивилизованнаго, входятъ въ историческій составъ современнаго европейскаго общества, но развитіе нравственныхъ и умственныхъ интересовъ, которымъ служить литература, призвано сдерживать эти дикія стихіи. Не только всѣ абсолютныя, нравственныя вѣрованія человѣчества противны людскимъ отношеніямъ возникающимъ изъ войны, и съ нею теряютъ всякій смыслъ, но предположеніе мирныхъ отношеній между народами есть то условіе безъ котораго невозможно гражданское и экономическое благоустройство нынѣшней Европы. *Въ этомъ только предположеніи* сложились всѣ нынѣшнія гражданскія и экономическія отношенія между людьми; войны, какъ бы онѣ ни были часты, могутъ существовать только какъ пертурбарціи, какъ болѣзненные кризисы въ этихъ отношеніяхъ, и такъ на нихъ смотрятъ всѣ просвѣщенные люди нашего времени. Такого значенія война не имѣла ни въ какія другія времена исторіи, когда внутреннія и вѣшнія от-

ношенія государствъ, всѣ политическія и гражданскія понятія были совѣстѣ иныя, чѣмъ нынѣ. Не только въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка война была однимъ изъ главныхъ условій государственной жизни и историческаго прогресса, но даже весьма недавно, почти до XIX столѣтія, война казалась дѣломъ нормальнымъ и священнымъ. Теперь разсуждать о цѣлительныхъ, отрезвляющихъ свойствахъ процесса войны могутъ только болѣзненно настроенные фанатики; отрезвляющее дѣйствіе она способна производить только на ихъ собственную мысль. Предположеніе мира какъ нормы отношеній между европейскими народами есть краеугольный камень всѣхъ государственныхъ и общественныхъ наукъ нашего времени, которыя могутъ погибнуть развѣ только во всемірномъ катаклизмѣ, мерещущемся въ мистическомъ созерцаніи упомянутыхъ выше прорицателей. Въ этомъ предположеніи мира должны неустанно работать всѣ мыслящіе люди нашего времени, а тѣмъ болѣе представители литературы, которая сдѣлалась нынѣ, вмѣстѣ съ торговлей, главною соединительною связью европейскихъ народовъ,—должны работать чтобы противодѣйствовать всѣмъ элементамъ международной вражды, естественнымъ и напускнымъ, поддерживаемымъ разными чуждыми интересами, живущими еще въ европейскомъ обществѣ! Не можемъ не привести здѣсь словъ сказанныхъ недавно однимъ изъ знаменитѣйшихъ представителей государственныхъ наукъ нашего времени: „Давно наукою (международнаго права) признанное положеніе, говоритъ Блунчли, что только нарушеніе права, а никакъ не простое нарушеніе интереса, можетъ быть справедливою причиною войны, еще не общепринято во всемъ своемъ значеніи и истинѣ, не только въ практической дѣятельности государственныхъ людей, но даже и въ общественномъ сознаніи,—къ безчестію нашего просвѣщенія. Между тѣмъ цивилизованный порядокъ вещей во всемъ мірѣ основанъ на томъ что людямъ не дозволяется употреблять силу и принужденіе противъ другихъ людей, ради выгоды, зависти, ненависти, или всякаго инаго лобужденія страсти; *лишь необходимость охраны права* допускаетъ принужденіе и облагораживаетъ силу. Нѣтъ употребленія силы болѣе ужаснаго, болѣе вредоноснаго для общественнаго благосостоянія, чѣмъ война, которая подвергаетъ опасности жизнь, здоровье, имущество сотенъ тысячъ людей, благоденствіе и самое существованіе цѣлыхъ народовъ. Кто предпринимаетъ войну между образованными народами безъ

крайней необходимости обороны права, изъ властолюбія или мести, или корысти, тотъ совершаетъ величайшее преступленіе противъ человечества, *если даже онъ и стоитъ въ опасности подвергнуться человѣческому суду.*“* Такъ разсуждаетъ ученый Германіи, весьма воодушевленный обще-германскимъ патриотизмомъ, вслѣдствіе за войной въ которой его соотечественники далеко не всегда оставались въ предѣлахъ необходимой обороны права и совершили не мало дѣяній именуемыхъ имъ преступленіями противъ человечества. На такія преступленія онъ впрочемъ самъ отчасти указываетъ, вопреки своему патриотизму, напередъ оговорившись что на почвѣ науки международного права, которой онъ служитъ, могутъ быть только общечеловѣческіе, а не національные интересы. Такъ обязанъ разсуждать каждый выступающій во имя знанія и нравственности, а не грубыхъ человѣческихъ инстинктовъ, хотя бы національныхъ.

Въ этомъ направленіи мысли, принадлежащемъ нынѣ здравымъ политическимъ теоріямъ всей Европы, нѣтъ никакого *идеализма*, въ которомъ обыкновенно упрекаютъ друзей мира; напротивъ, думать что великіе историческіе перевороты производятся силою, *окружаемые громами и молніей*, какъ картинно представляютъ себѣ наши проповѣдники, есть смѣшное заблужденіе, едва терпимое нынѣ даже въ книжкахъ для дѣтскаго чтенія. Эта фантазія не выдерживаетъ критики предъ *реализмомъ* исторіи, какъ она раскрыта всѣми новѣйшими изслѣдованіями науки. Всѣ эти такъ-называемые великіе перевороты въ судьбахъ человечества (каково, напримѣръ, паденіе Римской имперіи и возникновеніе романо-германскихъ государствъ и новой цивилизаціи) совершались медленно, рядомъ вѣковъ, а не годовъ и не дней, какъ они разказывались въ старинныхъ учебникахъ исторіи. Эти перевороты видоизмѣняли высшія формы человѣческаго общежитія почти незамѣтно для глаза современниковъ; начала новой цивилизаціи подтачивали начала старой, новыя понятія прокладывались почти тайкомъ въ сознаніе людей, ложились на старыя понятія и навыки, которые сперва жили вмѣстѣ съ новыми, а потомъ мало-

* Bluntschli, *Völkerrechtliche Betrachtungen über den französisch-deutschen Krieg 1870/71* (Jahrbuch des Deutschen Reichs).

по-малу замирали и гасли. Такъ распространялась христіанская цивилизація, жившая много вѣковъ совокупно съ языческою, которая даже и теперь не совсѣмъ утратила значеніе въ жизни европейскихъ народовъ. Уловить и живописать эти переломы въ осязательныхъ фактахъ и образахъ почти невозможно, за исключеніемъ развѣ аллегорическихъ фигуръ, въ родѣ вышеприведенной съ громами и молніей; предсказывать ихъ немислимо. Когда они заявляютъ себя внѣшними фактами на сценѣ исторіи и дѣлаются такъ называемыми эрами и эпохами, то историческій переломъ собственно уже закончился. *Великія дѣла* въ исторіи совершаются дѣйствіемъ силъ нравственныхъ, умственныхъ, экономическихъ,—дѣйствіемъ не сопровождающимся никакими сценическими представленіями, и всего менѣе совершаются они дѣйствіемъ матеріальной силы, хотя она и имѣетъ свое участіе въ историческихъ событіяхъ; но оно чрезвычайно преувеличивается впечатлѣніями и ощущеніями толпы, для которой дѣйствіе матеріальной силы гораздо понятнѣе чѣмъ всякой иной, а затѣмъ является человѣческая фантазія, готовая идеализировать что угодно, даже человѣческую бойню. Войны и ихъ герои, конечно, примѣшивались ко всѣмъ доселѣ бывшимъ историческимъ переломамъ, и они были самыми рельефными эпизодами и приключеніями во всемірной исторіи, такъ же какъ и внутреннія смуты, междоусобія, бунты и революціи; но всѣ эти проявленія грубой силы все-таки не болѣе какъ эпизоды и приключенія, возведенные на степень великихъ дѣлъ и историческихъ переломовъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе пріемовъ доселѣ господствовавшихъ въ историческихъ сочиненіяхъ и вслѣдствіе скудости иного историческаго матеріала.

Не только изъ мрака отдаленныхъ временъ доходятъ до потомства извѣстія главнымъ образомъ о матеріальныхъ историческихъ фактахъ: о войнахъ, вооруженныхъ народныхъ возстаніяхъ и подвигахъ людей непосредственно замѣшанныхъ въ эти факты, но даже для современниковъ они заслоняютъ собою работу внутреннихъ силъ исторіи. Даже въ наше время, когда важность внутренней исторіи домашнего быта каждаго народа достаточно сознава, трубные военные звуки, революціонные возгласы, правительственныя распоряженія всего скорѣе доходятъ изъ другихъ странъ и заглушаютъ собою внутреннюю, нравственную, умственную и экономическую жизнь каждаго народа, въ которой

собственно и вырабатывается вся исторія и всё ея грядущія событія. Ближе вникая въ ходъ этой жизни, мы увидимъ многое совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ чѣмъ оно кажется намъ открытое шумомъ военныхъ и революціонныхъ кликовъ и вса-ческихъ торжественныхъ демонстрацій. Весь этотъ шумъ въ наше время болѣе чѣмъ когда-либо громокъ и способенъ вводить въ заблужденіе, повторяясь на всѣ лады въ ежедневной печати, умысленно и несумысленно распространяющей ложь на всѣ концы свѣта. Изумившая самыхъ прозорливыхъ политиковъ неожиданность пораженія Франціи, издавѣка подготовленнаго всѣми ея внутренними и вѣшними дѣлами, всего лучше доказываетъ какъ не легко судить по однимъ наружнымъ признакамъ о дѣйствительномъ положеніи государствъ и народовъ. Изучая движенія и вопросы занимающіе нынѣ западную Европу, мы отыщемъ въ нихъ многое совсѣмъ непохожее на военный пылъ и національную вражду. Западная Европа является исполненною ненависти противъ Востока только въ органахъ исключительныхъ партій и ихъ рьяныхъ публицистовъ, такъ же точно какъ вся Россія отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана и Чернаго Моря можетъ представляться исключительно занятою походомъ на Константинополь, если читать нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей... Русская литература болѣе всякой другой обязана, безпристрастно изучая западную Европу, содѣйствовать миролюбивому сближенію между нею и Россіей, такъ какъ дѣйствительно накопилось между ними много предубѣжденій и теперь болѣе чѣмъ когда-либо прежде эти предубѣжденія поддерживаются съ обѣихъ сторонъ суевѣрною и пристрастною публицистикой. Съ нашей стороны мы найдемъ всего болѣе поводовъ къ сближенію, когда убѣдимся что движенія и вопросы озабочивающіе западную Европу намъ нисколько не чужды, и что мы найдемъ въ нихъ гораздо болѣе матеріала для полученія, чѣмъ для самообольщенія нашимъ воображаемымъ превосходствомъ. Говорить свысока о гнѣющемъ Западѣ можно только покидая всякую почву исторической дѣйствительности и удаляясь въ туманную область мечтаній о неизвѣстномъ будущемъ. Но самостоятельныя критическія отношенія нашей литературы къ событіямъ и движеніямъ западной Европы весьма возможны и въ высшей степени важны для нашего умственнаго и гражданскаго преуспѣванія. Свободный голосъ нашъ въ обсужденіи вопросовъ занимающихъ западную Европу,

умственные наши столкновения съ нею на общей европейской культурной почвѣ, скорѣе и вѣрнѣе всякаго вооруженнаго вмѣшательства въ ея дѣла, могутъ поставить насъ къ ней въ отношенія подобающія нашему государственному могуществу и народному самолюбію. Только такая борьба можетъ быть плодотворна для обѣихъ сторонъ, если уже борьба непременно необходима. Любопытно съ какимъ интересомъ и уваженіемъ прислушивалась въ послѣднее десятилѣтіе иностранная публика къ сколько-нибудь свободнымъ мнѣніямъ нашей печати, даже когда они были ей крайне непріятны и не-сочувственны, напримѣръ по Польскому вопросу, Восточному, Остзейскому и т. д.

Къ сожалѣнію, наше текущая литература, отчасти быть-можетъ по обстоятельствамъ и независящимъ отъ нея, представляется еще плохимъ выраженіемъ русскаго общественнаго мнѣнія. Въ большинствѣ случаевъ, когда ею высказываются *общіе взгляды*, она не что иное какъ наивное отраженіе партій, мнѣній и понятій волнующихъ западные европейскія литературы, и къ тому же понятій не самыхъ лучшихъ, а только самыхъ крикливыхъ и наиболѣе осязаемыхъ нашимъ слухомъ. Но общіе политическіе взгляды сдѣлались нынѣ очень рѣдки въ нашей печати.

Мы хорошо знаемъ что наше намѣреніе высказать нѣсколько *общихъ мыслей объ иностранныхъ дѣлахъ* покажется очень смѣлымъ и будетъ въ полномъ разладѣ со вкусами какъ будто господствующими нынѣ въ нашей текущей литературѣ. Она, повидимому, вся поглощена *частностями и домашними дѣлами*; общія мысли, въ особенности общія мысли по иностраннымъ или общеевропейскимъ вопросамъ, а тѣмъ паче политическимъ, стали совсѣмъ чужды нашей печати. Нельзя не видѣть въ этомъ явленіи естественной, хотя и мало сочувственной реакціи противъ отвлеченностей и такъ-называемыхъ иностранныхъ или лучше европейскихъ вопросовъ, сосредоточивавшихъ все вниманіе нашей литературы въ прежнее время. Но изъ одной крайности мы бросились въ другую, которая едва ли не хуже прежней.

Было много смѣшнаго и ребяческаго въ той жадности съ которою наша печать и само общество прежняго времени бросались на малѣйшее происшествіе, собравшее толпу на парижскихъ улицахъ; было много празднаго юношескаго увлеченія или просто умственного тупеядства въ той страстности съ

которую у насъ обсуждались дебаты во французскихъ и английскихъ камерахъ, заслуги и ошибки той или другой политической партіи Англіи и Франціи, съ которою каждый Русскій считалъ своимъ священнымъ долгомъ быть въ дружбѣ или враждѣ. Какимъ празднословіемъ показались бы теперь тѣ пылкіе споры о французской или английской конституціи, французской централизациі или английскомъ самоуправленіи, о самыхъ мелкихъ подробностяхъ въ юрисдикціи английскихъ мировыхъ судей, споры раздѣлявшіе всю литературу и все мыслящее русское общество на два враждебные лагеря. Съ тѣхъ поръ мы значительно созрѣли и перешли съ такимъ же беззаветнымъ пыломъ на *реальную* почву нашихъ отечественныхъ и практическихъ интересовъ. Накому теперь дѣла вѣтъ до этихъ *общихъ* вопросовъ, литературныхъ и политическихъ, которые оказываются, какъ намъ говорятъ, противными современному прогрессу положительнаго знанія и общепринятому будто бы *индуктивному методу мышленія*. Нынѣ требуются не *реальные факты, а частные*, а никакъ не общіе вопросы.

Мы до того умудрились жизненнымъ опытомъ и якобы индуктивными приѣмами что не только не хотимъ ничего знать про общіе вопросы Европы, но даже въ нашихъ отечественныхъ вопросахъ избѣгаемъ всякихъ обобщеній, какъ недуга устарѣлаго *дедуктивнаго* метода, и стараемся сдѣлать каждый вопросъ какъ можно болѣе узкимъ и мелкимъ: такъ напримѣръ когда рѣчь идетъ о податной реформѣ и круговой порукѣ нынѣшней подушной системы, то не только нельзя вообще говорить о финансахъ, а должно самыя послѣдствія круговой поруки обсуждать не вообще, а относительно такой-то деревни, и въ ней главнѣйше разсмотрѣть злоупотребленія такого-то волостнаго старшины, или, еще лучше, еще индуктивнѣе, ближе къ почвѣ, дѣйствія такого-то сельскаго старосты.

Стараясь какъ можно болѣе совлечь съ себя ультра-отвлеченный идеалистическій и космополитическій характеръ стараго времени, литература наша стремилась сдѣлаться какъ можно болѣе мѣстной, дѣловой и практической, и въ этомъ отношеніи достигла замѣчательнаго совершенства: въ своемъ пламенномъ рвеніи къ гласности, не только нѣкоторыя мелкія періодическія изданія превратились въ исключительные органы городскихъ сплетенъ, въ необыкновенномъ обилии посылаемыхъ въ столичныя редакціи изъ всѣхъ концовъ Рос-

сія и едва понятныхъ даже на той улицѣ на которой живутъ сами корреспонденты, но въ весьма видныхъ ежедневныхъ изданіяхъ обличенія разныхъ частныхъ случаевъ повседневной жизни,—мелкаго насилія, обмана, невѣжества, административныхъ пререканій между вѣдомствами и учрежденіями, самыя мелкія новости, въ большинствѣ случаевъ невѣрныя, изъ канцелярскаго и бюрократическаго міра, о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ форменной одеждѣ, въ штатахъ, въ подраздѣленіяхъ должностей, и пр., все это занимаетъ самое главное мѣсто. Это административное, канцелярское и слѣдственное направленіе нашей текущей литературы доходитъ до того что публикуются цѣлые ряды столбцовъ,—этими особенно отличаются провинціальныя корреспонденціи,—гораздо болѣе похожія на уголовныя слѣдствія, на полемическія канцелярскія бумаги, на такъ-называемыя *отношенія* между должностными лицами и присутственными мѣстами, нежели на газетныя статьи. Это направленіе нашей журналистики между прочимъ всего болѣе замѣтно въ той жадности съ которою самыя пустые случаи, мельчайшіе скандалы, способные обратить на себя вниманіе развѣ публики какого-нибудь уѣзднаго города, чахнувшей отъ бездѣля и скуки, быстро переходятъ изъ одной газеты въ другую, проносятся по всей Европейской и Азіатской Россіи. Микроскопическіе факты обыденной жизни, публикуемые въ иностранныхъ газетахъ въ отдѣлѣ объявленій и рекламъ, возводятся въ событія дня. Неужели въ подобномъ реализмѣ, изобличающаго чм большей части не что иное какъ оскуднѣніе умственныхъ силъ на литературномъ поприщѣ, можетъ заключаться призваніе литературы? Въ такомъ случаѣ текущая литература или публицистика не имѣла бы никакого призванія сколько-нибудь отличнаго отъ разныхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности: административной, хозяйственной, судебной, слѣдственной, полицейской и пр. Между тѣмъ самое существенное назначеніе текущей или періодической печати у образованныхъ народовъ нашего времени заключается въ томъ чтобы возвышать умственный уровень массы публики, по необходимости погрязающей въ заботахъ о своихъ грубыхъ насущныхъ потребностяхъ, удовлетворяемыхъ всеми другими, упомянутыми выше сферами. Литература замѣняетъ школу для всѣхъ, а въ особенности для тѣхъ которые были лишены всякой школы; она должна безпрестанно будить высшія умственныя и нравственныя наклонности,

усыпляемая и умерщвляемая дразгами насущнаго существованія, даже у самыхъ образованныхъ людей. Чтобъ эта важная функція современной литературы могла быть ею выполнена, она именно должна подымать всѣ факты и явленія повседневной жизни выше ея дразгъ, то-есть выше тѣхъ личныхъ интересовъ и грубыхъ инстинктовъ, которые эти факты и явленія возбуждаютъ въ обществѣ и которые и безъ помощи литературы слишкомъ достаточно находятъ себѣ удовлетворенія. А для этого печать должна обобщать факты, индуктивно или дедуктивно—это все равно, выводить публику изъ круга непосредственныхъ, матеріальныхъ представленій каждаго изъ нихъ, искать общаго въ нихъ смысла и напоминать людямъ объ этомъ общемъ (мысль, слишкомъ легко затеривающимся посреди личныхъ впечатлѣній и интересовъ).

Единственное исключеніе составляютъ общія воззрѣнія на отечественныя и иностранныя дѣла заявляемая съ разныхъ *эксцентрическихъ* точекъ зрѣнія. Наши эксцентрическіе политическіе мыслители, повидимому, одни устояли противъ общей реакціи, овладѣвшей умами и требующей частностей вмѣсто общихъ вопросовъ. Политическій образъ мыслей свойственный разнымъ отбѣнкамъ этихъ воззрѣній обыкновенно выступаетъ въ нашихъ журналахъ подъ знаменемъ самаго передоваго и самаго прогрессивнаго отбѣнка, * съ мужествомъ и самоотверженіемъ изумительнымъ при условіяхъ нашей политической печати, онъ самъ себя не рѣдко именуетъ даже *радикальнымъ*. Мы однако иначе не умѣемъ квалифицировать политическія и соціальныя понятія распространяемыя у насъ изъ этихъ источниковъ какъ *эксцентрическими*, по отношенію къ успѣхамъ политическихъ и соціальныхъ теорій нашего времени. И изслѣдованія науки о государствѣ и объ естественныхъ законахъ человѣческаго общежитія, такъ быстро подвинувшейся благодаря этимъ положительнымъ методамъ, и практическія политическія испытанія, которымъ подвергалась западная Европа съ конца XVIII столѣтія, и тѣ и другія равно отвергаютъ всѣ эти эксцентрическія ученія, сходныя въ этомъ отношеніи съ упомянутыми нами въ началѣ національными мечтаніями славянскими и антиславянскими. Всѣ эти эксцентрическія ученія возникли посреди внутреннихъ общественныхъ

* См. В. Безобразова, „Наши охранители и наши прогрессисты“, въ *Русск. Вѣстн.* 1869 года.

катаклизмовъ Европы, преимущественно посреди борьбы и ожесточенія ея сословій, какъ болѣзненные отложенія (на медицинскомъ языкѣ эксудаты) посреди развитія и роста государственно-общественныхъ организмовъ западной Европы. Къ намъ они занесены какъ слѣпое подражаніе чужеземнымъ движеніямъ и мыслямъ, на почву исторически совѣмъ имъ чуждую, и занимаютъ довольно значительное мѣсто въ періодической печати единственно вслѣдствіе легкости переводной и компилятивной литературной дѣятельности въ сравненіи съ самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ. Не менѣе эксцентричны политическіе оттѣнки нашей печати предъявляющіе повременамъ свои права на существованіе подъ *консервативнымъ* флагомъ, въ-качествѣ реакціи противъ прогрессивной литературы для спасенія русскаго общества отъ объявшаго де его радикализма. И это теченіе, хотя не имѣющее нынѣ специальныхъ для себя органовъ, * порождено тѣми же недостатками нашего политическаго воспитанія, почерпающаго всѣ свои вдохновенія изъ программъ иностранныхъ политическихъ партій. Консервативныя и аристократическія формы понятій, въ которыхъ рисуются чуждыя наши охринители, такъ же точно какъ и заимствованныя нами съ Запада демократическія и радикальныя формы, создались посреди той же самой политической и социальной его борьбы, безъ которой всѣ онѣ, какъ напримѣръ, прусская феодально-юнкерская партія, французская легитимистская, обще-европейская ультрамонтанская, англійская торійская и т. д., не имѣютъ никакого практическаго политическаго смысла въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, и всѣ эти консервативныя или реакціонерныя, прогрессивныя или радикальныя политическія воззрѣнія отжили свой вѣкъ даже въ западной Европѣ, гдѣ они скорѣе служатъ нынѣ орудіями политической спекуляціи, нежели выражаютъ собою дѣйствительныя движенія современныхъ политическихъ идей.

Посреди дѣловой политической жизни Европы, всѣ эти крайнія политическія программы потеряли всякую силу предъ новыми требованіями времени; во Франціи просвѣщенныя фракціи такъ-называвшихся монархической и республиканской партій подають другъ другу руку въ общемъ дѣлѣ гражданскаго возрожденія; въ Англіи и консервативы и либералы не останавливаются предъ глубокими политическими и экономическими

* Послѣ прекращенія изданія газеты *Вѣстѣ*..

реформами; въ Пруссіи самыя охранительныя аристократическія фракціи соединяются съ демократами для пересмотра таможенныхъ тарифовъ или для отпора притязаніямъ римско-католическаго духовенства. Возникаютъ совсѣмъ новые политическіе союзы для разрѣшенія того или другаго реальнаго вопроса внутреннего государственнаго устройства, подобно тому какъ и во внѣшней политической системѣ Европы не видимъ болѣе глухихъ союзовъ между государствами, въ родѣ Священнаго союза, а по каждому новому дипломатическому вопросу государства соединяются между собою соответственно своимъ интересамъ въ данную минуту. Только отсталые политическіе люди всякаго рода, отъ революціонеровъ и социалистовъ до феодаловъ, упрямо держатся прежнихъ политическихъ программъ, болѣе негодныхъ для нашего времени. Государственная наука уже давно покинула всѣ эти аристократическія и демократическія, консервативныя, прогрессивныя и радикальныя доктрины; не находясь нынѣ въ распоряженіи никакой политической партіи; критически относясь къ каждой, она пользуется результатами положительнаго знанія, къмъ бы они ни были выработаны. Вотъ еще причина для нашей читающей публики ближе знакомиться съ политическими и умственными движеніями западной Европы; всѣ эксцентрическія и крайнія мнѣнія постоянно сылаются у насъ на иностранныя авторитеты и ими запугиваютъ и морочатъ малообразованныхъ читателей.

Въ области мысли и на почвѣ науки насъ не страшатъ никакія самыя крайнія и самыя эксцентрическія мнѣнія; они столько же необходимы для умственныхъ успѣховъ народа, какъ и самыя здравомысленныя мнѣнія. Вездѣ и всегда просвѣщенному взгляду на вещи приходится выдерживать борьбу съ заблужденіями и распространяться только силою самой этой борьбы, если только борьба свободна. Для здравомысленныхъ и умѣренныхъ мнѣній борьба дѣлается невыгодною только въ томъ случаѣ, когда они являются на арену подъ полицейскимъ прикрытіемъ, котораго бывають лишены (если не всегда въ сущности, то съ виду) противоположныя мнѣнія. Въ практическомъ политическомъ отношеніи всѣ наши эксцентрическія журнальныя ученія, по причинамъ вышеуказаннымъ, весьма безобидны, такъ какъ дѣйствительное дѣло на всѣхъ полприцахъ, — законодательномъ, административномъ, промышленномъ, даже научномъ, — почти не имѣетъ съ ними никакихъ точекъ соприкосновенія, и они

развиваются какъ будто только для наполненія досуговъ преимущественно самихъ писателей и отчасти публики, которая главнѣйше изъ этихъ источниковъ снабжается легкимъ чтеніемъ. Положительный и конечно громадный нравственный вредъ вся эта литература наноситъ нашимъ школамъ, но и тутъ благодаря только безсилію самой школы и безпомощности едва возникающаго у насъ педагогическаго міра.

Несмотря на все это, полное господство въ литературѣ всякихъ эксцентрическихъ направленій и отсутствіе обыкновенныхъ здравыхъ понятій по всемъ общимъ современнымъ вопросамъ и событіямъ весьма пагубно. Всѣ практическія сферы народной жизни, даже для непосредственныхъ своихъ задачъ, нуждаются въ живительномъ дѣйствіи литературы; раскрывающей въ частныхъ явленіяхъ жизни ихъ болѣе широкій общій смыслъ, и тѣмъ ихъ облагораживающей, поднимающей духъ каждаго труженика, возбуждающей его энергію мыслью что онъ трудится не только для болѣе близкихъ своихъ цѣлей, но и для болѣе далекихъ цѣлей общаго общественного прогресса.

Когда практическимъ и дѣловымъ людямъ приходится искать этого ободренія и общихъ руководящихъ мыслей только въ эксцентрическихъ литературныхъ источникахъ, осужденныхъ и наукою и здравымъ смысломъ образованныхъ народовъ, тогда положеніе общества весьма печально. Между тѣмъ безъ литературы жить въ наше время невозможно никому, даже самому отъявленному практическому дѣльцу, и потому толпа поневолѣ слушаетъ всѣхъ тѣхъ кто только рѣшается говорить.

Мы предпослали всѣ эти разсужденія чтобъ объяснить наши побужденія говорить о событіяхъ всемъ извѣстныхъ и высказать на нихъ взгляды можетъ-статься также не новые и навѣрное не исключительные. По всемъ указаннымъ обстоятельствамъ нашей эпохи, намъ кажется особенно настоятельнымъ пробуждать въ публикѣ интересъ къ обще-европейскимъ событіямъ и движеніямъ, напоминать объ отношеніяхъ къ западной Европѣ нашего отечественнаго быта, на который уже слишкомъ стали у насъ смотрѣть какъ на какой-то мѣстный, областной, не обще-европейскій. Необходимо чаще говорить о связяхъ со всемірною цивилизаціей всѣхъ нашихъ домашнихъ вопросовъ и наконецъ необходимо чаще разсуждать о политическихъ и общественныхъ

явленіяхъ въ духѣ точныхъ и здравыхъ понятій, выработанныхъ наукою и практическимъ политическимъ смысломъ нашего времени, а потому и въ духѣ умѣренности и терпимости, сдѣлавшихся лучшимъ завоеваніемъ XIX вѣка. Мы не хотимъ вѣрить, какъ полагаютъ иные, чтобъ языкъ умѣренности былъ невозможенъ посреди всяческихъ крайностей нашей печати, къ которымъ будто бы привыкла наша публика; такъ думаютъ только люди не знающіе дѣйствительныхъ ея потребностей и обольщающіе себя сами трескомъ своихъ рѣчей. Большинство настоящей публики, а тѣмъ паче русской, никогда не принадлежитъ къ крайнимъ мнѣніямъ, за исключеніемъ развѣ всеобщихъ увлеченій въ эпохи чрезвычайныхъ внутреннихъ или вѣшнихъ потрясеній. Слава Богу, мы живемъ въ эпоху именно противоположную посреди глубочайшаго внутреннего и вѣшняго мира, хотя бы этого и нельзя было подумать, посреди ожесточенія и непримиримой вражды которыми пылаютъ почти все органы нашей печати.

Чтобы не потеряться посреди противорѣчій въ событіяхъ и движеніяхъ нашего времени, мы будемъ разсматривать отдѣльно каждый крупный вопросъ ими возбуждаемый, оставляя на то время въ сторонѣ все другіе. Но все вопросы въ государственномъ и общественномъ бытѣ Европы между собою вяжутся, ни одинъ крупный вопросъ не ясенъ безъ всѣхъ другихъ. Это и нужно имѣть въ виду, когда говоря объ одномъ явленіи, намъ нельзя будетъ не касаться и многихъ другихъ, которыя стоятъ съ нимъ въ ближайшей связи, но будутъ подробнѣе разсмотрѣны въ послѣдствіи. Поэтому намъ придется неоднократно возвращаться къ тому же самому предмету. Наконецъ мы должны упомянуть что наше изложеніе многихъ явленій и вопросовъ будетъ сперва казаться неполнымъ и одностороннимъ, пока не будутъ разсмотрѣны все другіе вопросы и явленія съ ними связанныя.

2. Франко-Германская война, причины поражения Франціи.

I.

Чтобы составить сужденіе о нынѣшнемъ политическомъ положеніи Европы приходится прежде всего остановиться на войнѣ 1870—71 годовъ, на погромѣ Франціи, на побѣдахъ Германіи. Эти событія были тою трагическою катастрофой въ новѣйшей исторіи Европы въ которой развязались всѣ ея прошедшія и старыя политическія отношенія, и завязались будущія и новыя. Въ этой катастрофѣ пришли въ открытое столкновеніе главныя силы дѣйствовавшія и въ международныхъ связяхъ Европы, и даже въ ея нравственномъ, умственномъ и экономическомъ бытѣ, и тутъ же эти силы получили важныя видоизмѣненія, которыя могутъ остаться въ политической жизни Европы надолго. Поэтому-то такъ важно излѣдованіе этихъ событій, и въ нихъ перваго и главнаго вопроса: о причинахъ погрома Франціи, этого самаго крупнаго факта господствующаго надъ всѣми остальными и обуславливающаго собою все нынѣшнее положеніе вещей въ Европѣ. Быстрота и разрушительность ударовъ нанесенныхъ Германіей Франціи и несостоятельность послѣдней въ своей оборонѣ были такъ велики что положительно обманули всякіе вѣроятные расчеты людей даже близко знавшихъ силы и условія дѣйствія воюющихъ государствъ; это несомнѣнно доказывается журнальными

толками того времени во всѣхъ странахъ, не исключая даже самой Германіи, несмотря на всю значительную и сознательную увѣренность съ которою шли на войну ея вожди. Припомнимъ внутренний трепетъ пробѣгавшій, вслѣдъ за объявленіемъ войны, по всѣмъ нѣмецкимъ сердцамъ, самымъ даже безтрепетнымъ, и отчасти отразившійся въ манифестъ Прусскаго короля, приготовлявшаго подданныхъ къ трудностямъ боя съ могущественнымъ народомъ Европы; затѣмъ крайнія, выходившія изъ всякихъ границъ ликованія Германіи, послѣ ея побѣды, и между прочимъ знаменитую депешу Прусскаго короля къ своей супругѣ послѣ Седана: „Какой поворотъ, съ Божіею милостью“, и т. д. (Welche Wendung mit Gottes Gnaden etc.). Упоеніе побѣдами всего болѣе доказываетъ ихъ неожиданность въ Германіи. Объ ослабленіи предъ войной почти всего французскаго общества, объ изобиліи лавровъ, о прогулкѣ въ Берлинъ и т. п., ожидавшихся во Франціи, о негодованіи съ которымъ слушали самые умные и дальновидные люди мудрыя предостереженія Тьера въ законодательномъ корпусѣ — обо всемъ этомъ и говорить нечего. Даже въ нейтральныхъ странахъ, нисколько не расположенныхъ къ излітніимъ надеждамъ или опасеніямъ, и такъ коротко знакомыхъ съ вѣшнимъ и внутреннимъ положеніемъ обихъ воюющихъ державъ, какъ напримѣръ въ Англіи, военныя пораженія и въ особенности ихъ дѣйствіе на Францію нисколько не были предвидѣны. Общественное мнѣніе въ самыхъ свѣдущихъ европейскихъ кругахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, предполагало такой вѣроятный общій ходъ войны: быстрыя побѣды Франціи, ея неотразимый натискъ и вторженіе въ Германію; затѣмъ единодушный, патріотическій отпоръ послѣдней иноземному нашествію, изгнаніе Французовъ изъ Германіи, и наконецъ восстановление равновѣсія Европы, на основаніи той или другой сдѣлки между Пруссіей и Франціей, какъ между двумя равносильными противниками, — таковы были, если не ошибаемся, въ самыхъ общихъ чертахъ ожиданія всѣхъ благоразумныхъ и не увлекавшихся людей, даже и тѣхъ которые были настроены въ пользу Германіи и къ уваженію ея могущества. Даже и во мнѣніи большинства такихъ людей, за исключеніемъ развѣ самыхъ лыкихъ фанатиковъ пангерманизма, изъ національно-либеральнаго прусскаго лагеря, прусская политика до войны 1870—71 казалась слишкомъ смѣлою и неосторож-

ною, слишком зарвавшимся въ своемъ честолюбіи; большій или меньшій урокъ для прусскаго властолюбія, обузданіе его въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, и въ особенности съ Франціей, представлялись всеѣмъ неизбѣжными. Мы не можемъ забыть разговоръ нашъ (приблизительно въ 1868), съ однимъ весьма извѣстнымъ политическимъ человѣкомъ, заклятымъ врагомъ Наполеона III и имперіи, находившимся въ постоянныхъ сношеніяхъ со всеѣми политическими сферами Германіи и Франціи: съ глубокою сердечною горечью онъ признавался намъ что, вопреки всеѣмъ самымъ пламеннымъ своимъ желаніямъ, онъ не можетъ сомнѣваться въ блистательныхъ побѣдахъ французскаго оружія и въ неминуемомъ упроченіи имперіи посредствомъ побѣды Франціи надъ Пруссіей! Все враги Пруссіи, ея династіи и ея правительствующихъ лицъ, какихъ было несмѣтное множество во всеѣхъ политическихъ партіяхъ, во всеѣхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ даже и въ самой Германіи, желали Франко-Германской войны, какъ единственнаго способа ограниченія замысловъ Пруссіи и восстановленія нарушеннаго ею равновѣсія Европы. Правда, многіе прусскіе государственные люди, лучше всеѣхъ въ Европѣ знавшіе относительныя военныя силы Германіи и Франціи, были безъ сомнѣнія давно увѣрены въ благополучномъ для себя исходѣ войны, но только при счастливомъ для Пруссіи стеченіи всеѣхъ прочихъ, не военныхъ, обстоятельствъ, между прочимъ въ особенности при нейтралитетѣ Россіи и Австріи, и при единодушіи Южной Германіи съ Сѣвѣрною. Предъ вопросомъ о такомъ счастливомъ стеченіи всеѣхъ этихъ обстоятельствъ многіе, самые самоувѣренныя сѣверо-германскіе дѣятели останавливались въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Даже послѣ самыхъ убійственныхъ поражений Франціи, нѣсколько разъ во время войны, напримѣръ посреди трудностей осады Парижа, предъ сдачею Меца, послѣ мелкихъ успѣховъ французской арміи на Луарѣ, мнѣніе въ Европѣ объ окончательномъ исходѣ войны колебалось. Естественная историческая необходимость случившагося исхода не была ни для кого столь ясною, какъ она сдѣлалась въ послѣдствіи для позднѣйшихъ толкователей этихъ событій и такъ-называемаго историческаго закона паденія романской расы предъ всемогуществомъ германской.

Итакъ предъ дѣйствительными результатами Франко-Гер-

манской войны всякія предположенія, со всѣхъ сторонъ и со всякихъ точекъ зрѣнія, оказались болѣе или менѣе ошибочными. Мы припоминали все это лишь для того чтобы показать какими еще заблужденіями полна оцѣнка государственныхъ и народныхъ силъ, несмотря на всю гласность которою окружены малѣйшія ихъ проявленія въ Европѣ и на безчисленныя изслѣдованія которымъ онѣ подвергаются во всѣхъ отношеніяхъ. А потому-то, чтобы сократить сколько-нибудь предѣлы подобныхъ ошибокъ на будущее время, такъ важенъ безпристрастный анализъ причинъ погрома Франціи, когда всѣ событія уже завершились на нашихъ глазахъ, и въ особенности когда иныя увлеченія волнующагося общественаго мнѣнія могутъ быть такъ же односторонни, и живы какъ и прежнія.

Крайній успѣхъ, какъ и крайняя неудача, въ политическихъ предпріятіяхъ самые страшные источники заблужденій въ оцѣнкѣ людей и событій. Всего менѣе внушаетъ намъ довѣрія то упорство съ какимъ теперь стали разсуждать объ естественной и очевидной исторической необходимости погрома Франціи, когда эта непреложность была конечно всего менѣе предвидѣна тѣми которые теперь съ наибольшою самоуверенностью разсуждаютъ, après coup, въ этомъ направленіи. * Политическое могущество сокрушительно дѣйствуетъ на человѣческіе умы, даже самые независимые, лишая ихъ свободы критики. Самъ творецъ теоріи исторической необходимости или такъ-называемой разумности всего сущаго, прославленный философъ Германіи, Гегель, былъ ослѣпленъ торжествомъ Франціи въ 1806 году въ собственномъ его отечествѣ, и предавался, послѣ Іенскаго сраженія, восторженнымъ истолкованіямъ всемірно-исторической просвѣтительной мысли Наполеона I, чуть-чуть не угодобаяя его духу вселенной (Weltgeist). Въ подобномъ же настроеніи находился и величайшій поэтъ Германіи Гёте, который даже позже, во время самаго разгара войны за освобожденіе и посреди всеобщаго патріотическаго воодушевленія Германіи, не видѣлъ возможности низвергнуть могущество На-

* Преувеличеннымъ толкамъ о неизбежности военныхъ поражений Франціи полезно противопоставить трезвыя и осторожныя сужденія въ *Исторіи войны 1870—1871 годовъ* изданной прусскимъ Генеральнымъ Штабомъ.

полеона и Франціи: „Какъ бы они (Нѣмцы) ни потрясали своими цѣпями, они ихъ не сломаютъ; этотъ человѣкъ слишкомъ великъ въ сравненіи съ ними“, говорилъ Гёте въ 1813 году. * Все это не мѣшаетъ теперь припомнить крутыя историческія превратности, и въ особенности такъ еще недалекія событія начала XIX столѣтія, когда Франція побѣдоносно прошла по всей Европѣ и полновластно распоряжалась въ Германіи. Всѣ эти воспоминанія должны были бы нынѣ нѣсколько воздержать отъ поспѣшныхъ приговоровъ надъ конечнымъ паденіемъ Франціи и конечнымъ господствомъ Германіи въ будущей исторіи Европы. Но въ политическомъ мірѣ слишкомъ много интересовъ и страстей искажающихъ здравое человѣческое сужденіе.

Послѣ побѣдъ Германіи, мнѣнія объ ихъ причинахъ повсемѣстно раздѣлились на два крайніе и противоположные лагеря, которые мы иначе не можемъ назвать, какъ германофильскимъ (или лучше пруссофильскимъ) и франкофильскимъ. Къ этимъ двумъ различнымъ точкамъ зрѣнія на результаты войны примыкаютъ теперь и господствующія въ образованномъ мірѣ воззрѣнія на политическія и соціальныя движенія Европы и даже на условія ея цивилизаціи. Потому-то въ особенности и приобрѣли такой живой интересъ различные взгляды на причины пораженій Франціи. Одни видятъ въ военномъ и политическомъ торжествѣ Пруссіи не только торжество германской цивилизаціи надъ французскою или всею романскою, но начало государственнаго и общественнаго разложенія Франціи; говорятъ объ неизлѣимой болѣзненности организма, зараженнаго всѣми нравственными, умственными и соціальными недугами, о безпримѣрномъ развращеніи высшихъ классовъ французскаго народонаселенія, о грубомъ невѣжествѣ низшихъ, о гибели всякихъ гражданскихъ доблестей въ этомъ народѣ, въ томъ числѣ даже патріотизма, наконецъ о полномъ упадкѣ въ немъ наукъ и всей образованности. Съ этой точки зрѣнія, Франція представляется нынѣ въ томъ періодѣ въ какомъ, по разказамъ исторіи, находимъ, вслѣдствіе развращенія нравовъ, разныя

* Cherbuliez, *l'Allemagne contemporaine* (*Revue de Deux Mondes* 1872, 15 мая).

восточныя царства, Ассиро-Вавилонское, Мидійское, внезапно павшія подъ персидскимъ оружіемъ, или Западную Римскую имперію въ вѣка вторженія германскихъ полчищъ. Иные и очень многіе, между ними даже сами Французы и очень замѣчательные, * прямо сравниваютъ положеніе Франціи съ Польшей, и повторяютъ: „*finis patriae*“. Ученые Нѣмцы открыли теперь другое, болѣе глубокомысленное историческое улодобленіе: они сравниваютъ нынѣшнюю Францію съ Греціей послѣ Александра Македонскаго. Совершенно поверхностное вліяніе Греціи на европейскую культуру продолжалось, по ихъ словамъ, очень долго, когда она уже утратила свое дѣйствительное значеніе въ политической исторіи и цивилизаціи, а между тѣмъ образованные люди другихъ странъ еще по старой привычкѣ продолжали говорить на ея языкѣ и пользоваться прсизведеніями ея роскоши и искусствъ. Заодно съ такими понятіями объ историческомъ паденіи Франціи и съ нею всѣхъ романскихъ націй, проповѣдуется ученіе о цивилизаторской миссіи Германіи въ новѣйшей исторіи, о превосходствѣ всѣхъ нравственныхъ и просвѣтительныхъ началъ ея культуры, вступающей нынѣ, подѣ политическимъ водительствоиъ Пруссіи, на апогей своей всемірно-исторической роли. Собирая своихъ разсѣянныхъ по всему земному шару сыновъ ** подѣ одну державу, всюду распространяя цивилизацію, которой она носительница въ новѣйшемъ историческомъ мірѣ, подчиняя своему неотразимому нравственному и умственному вліянію всѣ осужденныя исторіей племена, и исторически изжившія, романскія, и исторически мертворожденные (славянскія), она по необходимости должна расширять и государственные свои предѣлы на западъ и на востокъ, на югъ и на сѣверъ; уже теперь по праву своего историческаго и географическаго положенія между всѣми европейскими народами,—по историческому праву заявленному два тысячелѣтія тому назадъ, когда германская раса появилась въ Европѣ для ея обновленія, и по праву географическому какъ срединное государство, — Германія должна располагать миромъ и войной въ Европѣ, а для испол-

* Напримѣръ Джонъ-Лемманъ.

** *Wo ist Deutschland? Überall wo die deutsche Sprache klingt* (Германія вездѣ гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь).

ненія этой великой миссиі, ко благу всего образованнаго человечества, должна быть достаточно могущественна. Такимъ образомъ побѣды германскаго оружія объясняются, какъ великая историческая необходимость, какъ начало историческаго конца Франціи и начало историческаго первенства Германіи въ Европѣ; одна цивилизація—прошедшаго—уступаетъ мѣсто другой—будущаго. Все совершившееся какъ нельзя болѣе необходимо и разумно; въ немъ проявляется самое нормальное движеніе европейской исторіи. Безусловное господство германской культуры въ образованномъ мірѣ и постепенное вымираніе всякихъ другихъ культуръ будутъ неизбѣжнымъ конечнымъ результатомъ этого движенія.

Если относительно изгнанія Славянъ изъ Европы фанатики пангерманизма стали нѣсколько молчаливѣе и осторожнѣе въ послѣднее время, то тѣмъ съ большимъ остервененіемъ требуютъ они избіенія романскаго племени, стоящаго пока на первой очереди ихъ заботъ. Оставляя пока въ покоѣ другихъ, менѣе опасныхъ представителей этого племени, они прямо называютъ Французовъ Гуннами и Вандалами (sic) * новѣйшей исторіи, и доказываютъ необходимость совокупнаго дѣйствія всей Европы для окончательнаго ихъ усмиренія.

Этому пангерманскому воззрѣнію на причины и послѣдствія войны 1870—71 годовъ діаметрально противоположенъ другой взглядъ, ненавистниковъ германской націи, которые приписываютъ всѣ побѣды германскаго оружія никакъ не превосходству германскихъ національныхъ силъ надъ французскими, а чисто случайнымъ обстоятельствамъ, стеченію разныхъ проходящихъ, неблагоприятныхъ для Франціи вѣшнихъ и внутреннихъ условій веденія войны, въ томъ числѣ въ особенности преступленіямъ и ошибкамъ императорскаго режима, его дипломатической и военной бездарности, продажности, или измѣнѣ всѣхъ служителей Наполеоновской партіи, наконецъ случайной талантливости людей поставленныхъ во главѣ прусскаго правительства и германскаго войска, предательству прусской политики и безпощадной жестокости и лживости Нѣмцевъ, съ которыми, какъ говорятъ, честный, европейскій бой невозможенъ. Отсюда выводъ совсѣмъ противо-

* См. между прочимъ руководящую статью въ *National-Zeitung*, органъ прусской либеральной партіи (въ сентябрѣ 1872 года).

положный предыдущему взгляду: причина мгновеннаго господства Германіи—въ ея порокахъ, въ ея враждебныхъ цивилизаціи наклонностяхъ. Сѣверное варварство совершило грубое насиліе надъ тонкою цивилизаціей Юга, надъ чистѣйшею представительницей европеизма, покрыло развалинами лучшія средоточія всемірной интеллигенціи. Въ этомъ духѣ любимѣйшій поэтъ Франціи, самый пламенный ея патріотъ демократическаго закала, провозгласилъ на всю Европу что вступленіе Нѣмцевъ въ Парижъ, въ святилище вселенной, будетъ святотатствомъ, за которое вся она обязана вступиться! Людямъ мыслящимъ въ этомъ направленіи всѣ успѣхи Германіи кажутся не болѣе какъ временнымъ торжествомъ грубой силы надъ образованностію, захваченною въ расплохъ, посредствомъ измѣны и предательства. Скептики этого порядка мыслей, недоумѣвая когда можетъ настать конецъ этому разгулу дикой силы въ просвѣщенной Европѣ, предугадываютъ близкую кончину всей ея цивилизаціи, погибающей будто бы въ лицѣ Франціи. Люди наименѣе враждебные въ этомъ лагерѣ къ германской народности (напримѣръ Ренанъ) и преисполненные уваженія къ ея наукѣ и литературѣ признаютъ прежнюю ученую и трудолюбивую Германію погибшею подъ игомъ Боруссіи, и сравниваютъ наставшій для нея періодъ прусскаго владычества съ Македонскимъ періодомъ въ исторіи Греціи. Безъ возрожденія Франціи, говорятъ они, невозможно продолженіе европейскаго просвѣщенія; она одна, благодаря своей самоотверженной отвагѣ, экспансивности и симпатичности своего національнаго генія, способна пропагандировать прогрессъ всѣмъ племенамъ человѣческаго рода.

Вдохновившись этимъ міровоззрѣніемъ, и воспѣвая ужасы войны, французскій поэтъ обращается къ своему отечеству съ такими словами:

Heïss! qu'as tu donc fait aux nations? Tu vins
Vers celles qui pleuraient, avec ces mots divins:
Joie et paix! Tu criais: *Espérance, allégresse!*
Sois puissante, Amérique, et toi sois libre, ô Grèce!
L'Italie était grande; elle doit l'être encore:
Je le veux! — Tu donnas à celle-ci ton or,
A celle-là ton sang, à toutes la lumière. *

* Victor Hugo, *l'Année terrible*.

Незѣлыя крайности тѣхъ и другихъ воззрѣній на результаты войны 1870 — 71 годовъ лучше всего изобличаютъ ихъ ошибочность, еслибъ и не было иныхъ соображеній, воспрепятствующихъ относиться подобнымъ образомъ къ историческимъ событіямъ. Само-собою разумѣется что съ обѣихъ сторонъ мнѣнія не всегда высказываются въ тѣхъ рѣзкихъ формахъ въ какихъ мы ихъ представили, хотя эти формы нисколько не изобрѣтены нами, а взяты съ натуры; даже почти всѣ выраженія буквально извлечены нами изъ литературы того и другаго лагеря. Люди болѣе умѣренные и спокойные выражаются нѣсколько мягче, хотя сущность ихъ коренныхъ понятій о Франціи или Германіи нисколько отъ этого не измѣняется.

Вся политическая печать въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ только одной англійской, раздѣлилась теперь на эти два лагеря, разсуждающіе обо всѣхъ событіяхъ въ духѣ вражды къ Франціи, ко всей романской расѣ, или къ Германіи. То же самое мы замѣчаемъ отчасти и у насъ. Во всемъ виновною и за все осужденною оказывается или Франція или Германія. Разумѣется одинъ изъ этихъ двухъ токовъ понятій принадлежитъ по преимуществу побѣдителямъ, а другой—побѣжденнымъ; однако и тутъ имѣются исключенія: во Франціи и въ Германіи есть люди, вопреки общему настроенію, безусловно осуждающіе свое отечество и безусловно оправдывающіе противную сторону. Такихъ людей много во Франціи, и это конечно самое печальное явленіе въ ея нынѣшнихъ судьбахъ; сюда принадлежатъ всѣ обезкураженные, разочарованные и утратившіе всякую вѣру въ будущность своего народа. Между ними много самыхъ почтенныхъ, честныхъ, высоко образованныхъ личностей, горячо любящихъ свое отечество, и ему преданныхъ всѣмъ сердцемъ. Безотрадные мысли этого рода мало высказываются въ печати, хотя уже проникали и въ нее; мы бы никогда не повѣрили чтобъ эта страшная болѣзнь безвѣрія въ силы своего народа могла быть такъ распространена между Французами, еслибы не имѣли случаевъ сами лично въ томъ убѣдиться.

Періодическая печать, вездѣ искусственно организованная, недостаточно выражаетъ собою дѣйствительное настроеніе каждой страны. Всего очевиднѣе было это для насъ, когда мы за границей встрѣчались съ Французами разныхъ званій и поло-

женій, и слышали отъ нихъ такія сужденія о какихъ мы ни когда не имѣли бы понятія по однимъ французскимъ газетамъ. Вообще они относились гораздо строже къ своему народу и гораздо снисходительнѣе къ дѣйствіямъ Германіи во время войны, чѣмъ мы могли бы это вообразать. Въ этомъ нельзя было бы еще видѣть ничего печальнаго, еслибы не было между ними людей серіозныхъ, зараженныхъ самымъ мрачнымъ уныніемъ относительно возрожденія Франціи; главная опасность та что въ этомъ уныніи, весьма извинительномъ послѣ событий 1870—71 годовъ, можетъ быть воспитано молодое поколѣніе. Въ Германіи хотя также есть люди отрицательно относящіеся къ подвигамъ своего народа и превозносящіе противоположную сторону, но ихъ очень немного; иначе и быть не можетъ въ станѣ побѣдителей. Всѣ Нѣмцы песимистически смотрящіе на побѣды Германіи и усиленіе Пруссіи теперь исключительно принадлежатъ къ самой крайней партіи, соціально-демократической и революціонной. Во время войны только самые ярые представители этой партіи не поддавались воинственному пылу, охватившему всю Германскую націю, и говорили о необходимости братства и мира между народами; всѣ безъ изыятія иные политическіе отгѣнки были преисполнены самаго крайняго ожесточенія противъ Французовъ. Это также явленіе довольно печальное: проповѣдниками великодушія къ врагу были только люди пропагандировавшіе въ то же время гражданскую смуту и заподозрѣнные въ національной измѣнѣ. Мнѣнія соціально-демократической партіи не пользуются пока никакимъ уваженіемъ въ высшихъ и просвѣщенныхъ сферахъ Германіи. Въ нынѣшней нѣмецкой періодической печати, сколько-нибудь вліятельной, нѣтъ почти слѣдовъ отрицательныхъ отношеній къ результатамъ германскихъ побѣдъ; вся она поетъ теперь только одну побѣдную пѣсню. Если и существуютъ иныя воззрѣнія на будущность новой имперіи подъ водительствомъ Пруссіи, то они слишкомъ подавлены громомъ побѣдъ и могуществомъ побѣдителей, чтобы могли, до поры до времени, высказываться.

Однако невозможно же оставаться исключительно при этихъ двухъ противоположныхъ взглядахъ на войну 1870—71 годовъ и на воюющія стороны; невозможно же быть вынужденнымъ непремѣнно выбирать одинъ изъ нихъ, когда оба они очевидно односторонни и пристрастны. Крайностямъ ихъ тѣмъ не-

обходимоѣ противоѣствовать что онѣ заявляются не въ однихъ непросвѣщенныхъ массахъ, разглашаются на всѣ тоны не одними фанатиками и всякими посредственностями, готовыми всегда примкнуть къ каждому трескучему мифу и къ каждой силѣ; такія же воззрѣнія выражаются самыми образованными людьми. Одностороннія понятія о всемирной роли то Франціи, то Германіи и взаимная ненависть между этими двумя передовыми націями континентальной Европы были до того вскормлены войною 1870—71 годовъ, что ихъ не стыдятся проповѣдывать нынѣ самые замѣчательные представители умственныхъ интересовъ и науки нашего времени. Въ видѣ чрезвычайно любопытнаго примѣра мы можемъ указать на недавно изданную книгу французскаго ученаго Целлера: *Origines de l'Allemagne* и въ особенности на статью не менѣе извѣстнаго писателя Фюстель-де-Куланжа объ этой книгѣ. * Оба эти писателя, отличавшіеся до сихъ поръ значительными добросовѣстными историческими трудами, стали теперь доказывать самымъ серіознымъ и ученымъ образомъ что съ первыхъ временъ вступленія германской націи въ европейскую исторію до настоящаго времени, она ничего другаго, въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ, не внесла въ Европу, кромѣ варварства и опустошенія; всѣ начала цивилизаціи Германія заимствовала, говорятъ они, отъ романскихъ народовъ, не имѣя сама способности ничего къ нимъ прибавить, и дѣйствуя всегда только къ разрушенію просвѣщенія и свободы въ другихъ странахъ. Отличный и обширный трудъ Целлера, ** основанный на десятилѣтнихъ изслѣдованіяхъ, искаженъ непрерывными выходками противъ современной Германіи; погружаясь въ самую первобытную эпоху появленія германской расы въ исторію, авторъ пользуется всякимъ поводомъ чтобы сдѣлать какой-нибудь выводъ о пагубныхъ для цивилизаціи свойствахъ этой расы. Фюстель-де-Куланжъ въ своемъ остервененіи противъ Германіи (иначе мы не умѣемъ этого назвать) утверждаетъ что она

* *La manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne* (Revue des Deux Mondes, 1 septembre, 1872).

** Безъ политическаго озлобленія, воодушевляющаго автора, его трудъ могъ бы быть образцовымъ; ко всѣмъ блестящимъ сторонамъ французскаго изложенія, присоединяются у него лучшія качества немедкой учености (авторъ по происхожденію Альзасецъ).

не имѣть никакого понятія о настоящей наукѣ, что наука никогда не имѣла для Нѣмцевъ другого смысла какъ служить орудіемъ для политическихъ цѣлей, что она была всегда дисциплинирована въ Германіи подобно арміи, что свободы критики и разнообразія мнѣній германская наука будто бы не вѣдаетъ, что даже сама прославленная реформа XVI столѣтія не только не содѣйствовала освобожденію человѣческаго разума отъ гнета церковной власти, но напротивъ остановила реформаторскія религіозныя движенія, начавшіяся предъ этимъ во всей Европѣ! Ученый авторъ, осуждая излишнее уваженіе Французовъ къ другимъ народамъ и пренебреженіе къ своему, давно будто бы заразившія всю французскую литературу, совѣтуетъ французскимъ историкамъ вооружиться противъ германскаго патріотизма и пристрастія нѣмецкихъ историковъ, искавшихъ будто бы всю исторію Европы французскимъ патріотизмомъ и пристрастіемъ; онъ чистосердечно высказываетъ такое заключеніе о задачѣ науки въ наше время: „Мы живемъ теперь въ эпоху войны. Почти невозможно чтобы наука сохранила свое спокойствіе прежняго времени. Все вокругъ насъ и противъ насъ имѣетъ характеръ борьбы; нельзя избѣжать чтобы и сама эрудиція не вооружилась щитомъ и мечомъ.“ Возражать противъ подобныхъ мыслей нѣтъ никакой надобности; онѣ интересны только какъ нравственные результаты войны между образованными народами Европы; въ этихъ результатахъ несравненно болѣе ущербовъ для европейской цивилизаціи, для самой Франціи и Германіи, чѣмъ во всѣхъ вещественныхъ опустошеніяхъ произведенныхъ войною. Справедливость требуетъ напомнить что въ настоящемъ случаѣ, первый примѣръ подобныхъ страстныхъ и фанатическихъ отношеній къ международнымъ вопросамъ со стороны людей науки былъ поданъ въ Германіи; во время самаго разгара войны, разлива военной страсти, многіе замѣчательнѣйшіе представители германской науки подливали только масло въ огонь, вмѣсто того чтобы заботиться объ отрезвленіи и успокоеніи умовъ, къ чему болѣе всего призваны служители умственныхъ интересовъ человѣчества. Припомнимъ между прочимъ полеміку Ренана со Штраусомъ. Увлеченіе военною славой и національная ненависть съ которою ринулись въ воинственную литературу многіе нѣмецкіе ученые, окруженные уваженіемъ всего свѣта, тѣмъ менѣе были простительны что на

ихъ сторонѣ была побѣда и отъ нихъ первыхъ слѣдовало ожидать снисхожденія къ раздраженію побѣжденныхъ. Но всего изумительнѣе, и это одинъ изъ куріознѣйшихъ психическихъ фактовъ въ современной политической жизни Германіи, что Нѣмцы никакъ не допускаютъ естественности и законности раздраженія Французовъ послѣ ихъ поражений и послѣ присоединенія двухъ французскихъ провинцій къ Германіи; это раздраженіе всего менѣе прощается Французамъ, которые, по самому искреннему и наивному убѣжденію нѣмецкихъ патріотовъ, обязаны быть преисполнены глубочайшаго миролюбія къ Германіи! Все что совершилось было де какъ нельзя болѣе исторически разумно и цѣлесообразно (*geschichtlich vernünftig und zweckmässig*), и только легкомысленные Французы, неспособные къ историческому пониманію вещей, идеологи не имѣющіе никакихъ инстинктовъ къ *реальной политикѣ* нашего времени (*Realpolitik*) могутъ не примиряться съ дѣйствительностью! Такъ разсуждаютъ очень многіе. *

Однако, къ чести нашего времени, далеко не всѣ разсуждаютъ такимъ образомъ. Съ обѣихъ сторонъ поднимаются безпристрастные голоса, различающіе достоинства и пороки противника и свои собственные. Въ послѣднее время замѣтно возрастаетъ и въ Германіи и во Франціи число людей безъ предубѣжденія и страсти относящихся къ войнѣ 1870—71 и къ дѣйствіямъ каждой изъ воюющихъ націй. Въ просвѣщенныхъ сферахъ обѣихъ странъ уже чувствуется необходимость смотрѣть на недавнее прошлое и въ особенности на будущее въ духѣ миролюбія и свободной критики событій. Въ Германіи начинаютъ понимать что безусловное презрѣніе къ безсилію Франціи, окончательный историческій приговоръ надъ нею, какъ надъ страной изжившеюся, могутъ сдѣлаться самою серьезною опасностью для побѣдителя; вмѣстѣ съ тѣмъ и во Франціи лучшіе умы сознаютъ безплодность и нелѣпость какъ національнаго самообольщенія, объяснявшаго всѣ пораженія случайностію и измѣною, такъ и мрачнаго безвѣрія въ будущность страны. Къ несчастію такое безпристрастіе въ сужденіяхъ

* Въ видѣ обращика нѣмецкой литературы воодушевленной крайнею ненавистью къ Франціи, мы можемъ указать на книгу Шерра: *Hammerschläge und Historien*, 1872, Zürich.

далеко еще не господствует и не дает тона общественному мнѣнію у обоихъ народовъ; тѣмъ болѣе надо ему сочувствовать и его поддерживать, въ особенности на почвѣ нейтральныхъ литературъ.

Въ видѣ примѣра такого безпристрастнаго взгляда на событія и на Французскій народъ въ нѣмецкой литературѣ можемъ мы указать на статью гейдельбергскаго профессора Блунчли объ отношеніяхъ международнаго права въ войнѣ 1870—71. * Знаменитый ученый давно примкнулъ къ объединительному движенію Германіи, проникнуть жаромъ обще-германскаго патріотизма, и несмотря на это онъ въ самомъ началѣ своей статьи предупреждаетъ что будетъ разсматривать вопросы международнаго права съ научной, общечеловѣческой, а никакъ не національной и узко-патріотической точки зрѣнія. Дѣйствительно онъ отмѣчаетъ всѣ нарушенія международнаго права во время военныхъ дѣйствій столько же со стороны Германіи, какъ и Франціи. Еще болѣе заслуживаетъ въ настоящемъ случаѣ вниманія рѣчь Гейнриха Зибеля, произнесенная въ Боннѣ и изданная недавно въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: *Чему мы можемъ научиться у Французовъ*. Г. Зибель своею замѣчательною исторіей французской революціи всего болѣе содѣйствовалъ къ обнаруженію дѣйствительнаго хода внутреннихъ событій этого времени во Франціи и къ очищенію ихъ отъ фантастическихъ представленій, нагроможденныхъ идеализмомъ французскихъ писателей; поэтому-то онъ возбудилъ противъ себя озлобленіе французской журналистики, руководствующейся такъ-называемыми великими принципами 89го года. На Зибеля, разоблачившаго тайны террора девяностыхъ годовъ, легкомысленные публицисты смотрѣли какъ на врага Французскаго народа. Тѣмъ болѣею заслугой должно признать его нынѣшній энергическій протестъ противъ пренебреженія съ которымъ его соотечественники стали говорить о Франціи послѣ своихъ побѣдъ. „У насъ есть особаго рода патріотическое воодушевленіе, которое относится враждебно уже къ самому заявленію нашего намѣренія (сказать доброе слово о Франціи)“, такъ начинается свою рѣчь г. Зибель. „Чему можно

* *Völkerrechtliche Betrachtungen über den Französisch-deutschen Krieg 1870—71, von Dr. Bluntschli. (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege des deutschen Reichs.).*

научиться у Франціи, у этой погибшей страны, говорят намъ, у этого изболтавшагося народа, который такъ заслуженно и окончательно любить нашими войсками? Уже прежде всего, не говоря ни о чемъ другомъ, отвѣчу я, мы можемъ узнать во Франціи причины низводящія могущественное государство съ высоты его величія. Мы стоимъ теперь на вершинѣ счастья: вслѣдствіе этого одного, если только мы не хотимъ сдѣлаться смѣшными шутами, мы должны строго изслѣдовать, нѣтъ ли и у насъ зачатковъ всѣхъ тѣхъ дурныхъ наклонностей и стремленій отъ которыхъ заболѣла и сокрушилась Франція, когда-то не менѣе счастливая. Но кромѣ того, совершенно несправедливо и противно дѣйствительности думать что мы теперь во всѣхъ отношеніяхъ выше и могущественнѣе нашего западнаго сосѣда..." Затѣмъ г. Зибель дѣлаетъ весьма точный и безпристрастный анализъ всѣхъ самыхъ характеристическихъ національных свойствъ Французскаго народа въ сравненіи съ Германскимъ, перечисляетъ относительныя преимущества того и другаго, и съ настойчивостью указываетъ на многія первостепенныя достоинства отличающія Французовъ, между прочимъ ихъ благовоспитанность, важныя для цивилизаціи и совсѣмъ недостающія Нѣмцамъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ: „Было бы чрезвычайно неправильно, было бы въ высшей степени опасно для насъ самихъ, низко цѣнить Французовъ или презирать ихъ какъ падшій народъ. Они трудолюбивы, богаты интеллигенціей, изящнымъ вкусомъ, и даже до сихъ поръ выше насъ въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческой дѣятельности; они совсѣмъ иныя чѣмъ мы, но они столько же одарены отъ природы какъ и мы; было бы величайшимъ благодѣяніемъ для міра, *еслибы они одружились для насъ возможными* тотъ взаимный обмѣнъ нашихъ относительныхъ преимуществъ на мирной почвѣ труда и нравственнаго соревнованія, какой былъ между ними и нами до войны. Но до тѣхъ поръ пока они остаются къ намъ враждебны, было бы съ нашей стороны самоубійственной глупостью, еслибы мы, съ собранными и напряженными силами, на одну минуту забыли нашу обязанность въ отношеніи къ этой враждѣ. Самый большой недостатокъ для Французовъ заключается въ ихъ учрежденіяхъ и въ ихъ воззрѣніяхъ на государство и церковь, въ которыхъ они не умѣли примирить государственное могущество съ личною самостоятельностью и непрерывно колебались во все сто-

роны между произволомъ и революціей. Хотимъ мы дѣйствительно стать выше ихъ, мы должны обратить всѣ наши силы въ эту сторону. Мы можемъ стать самымъ дѣльнымъ (tüchtigste) народомъ на землѣ, если мы обучимся лучшимъ качествамъ Французовъ въ человѣческомъ общежитіи, въ промышленности, земледѣліи, торговлѣ, въ наукѣ и искусствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не поддадимся соблазнамъ вовлекшимъ Французовъ въ ихъ пороки и ошибки въ сферахъ политики и религіи. Такии свѣтлыми улованіями заканчиваетъ ученый авторъ и пламенный германо-прусскій патріотъ свои назиданія на пользу своихъ соотечественниковъ и враговъ. Каждый посторонній другъ челоѣчества и устѣховъ европейской цивилизаціи не можетъ не сочувствовать всѣмъ этимъ благимъ желаніямъ, и въ особенности долженъ радоваться движенію къ признанію несомнѣнныхъ достоинствъ Французской націи и ихъ необходимости для европейскаго просвѣщенія, когда это движеніе возникаетъ въ той самой средѣ которая еще такъ недавно была вся объята упоеніемъ побѣдъ и чужда всякому духу примиренія. Изъ какого бы источника ни происходило это движеніе, изъ дѣйствительнаго ли сознанія ложности и нравственнаго вреда національнаго самообольщенія, или только изъ опасеній мести со стороны Франціи, это все равно; въ томъ и другомъ случаѣ уваженіе къ врагу можетъ быть только плодотворно и для самой Германіи и для всей Европы. Нельзя только не замѣтить здѣсь кстати что послѣ войны замѣреніе національной вражды зависѣло гораздо болѣе отъ Германіи чѣмъ отъ Франціи, отъ великодушія побѣдителя, нежели отъ побѣжденныхъ; тяжкими условіями мира, въ особенности раздробленіемъ французской территоріи, Нѣмцы конечно всего болѣе посвяали сѣмянъ постоянной противъ себя злобы Французовъ. Если Германія недовольна что она поставлена нынѣ въ печальную необходимость держать себя съ напряженными силами противъ сосѣда, какъ жалуется на это г. Зибель, то всего менѣе слѣдуетъ ей винить въ этомъ Францію. Если Германія дѣйствительно нуждается въ миролюбіи Франціи, то она могла вслѣдъ за войною употребить гораздо болѣе къ тому способовъ, нежели это было ею сдѣлано.

Со стороны многихъ представителей французскаго образованнаго общества безпристрастіе въ обсужденіи событій 1870—71 годовъ высказывается еще болѣе рѣшительнымъ

образомъ, чѣмъ со стороны нѣмецкой интеллигенціи; весьма естественно что послѣднее и не имѣетъ вовсе тѣхъ побужденій къ самобичеванію какія не могутъ не быть сознаваемы каждымъ разумнымъ и просвѣщеннымъ Французомъ, не зараженнымъ дикимъ шовинизмомъ стараго времени. Нельзя ожидать чтобы побѣдитель, на высотѣ своего могущества, былъ такъ же строгъ къ себѣ какъ побѣжденный, только-что испытавшій всю горечь своихъ заблужденій. Если и бессмысленно говорить о пораженіяхъ Франціи какъ объ ея окончательномъ историческомъ паденіи, и приписывать ихъ полному разложенію Французской націи, то невозможно отказать Германіи въ нравственномъ, умственномъ и политическомъ превосходствѣ въ данномъ случаѣ. Это хорошо понимаютъ мыслящіе люди во Франціи, но для большинства Французовъ, даже самыхъ образованныхъ, всего труднѣе примириться съ мыслию что Франція побѣдима, была побѣждена, и даже была разбита на голову, не вслѣдствіе случайнаго стеченія неблагоприятныхъ и скоро преходящихъ обстоятельствъ, а вслѣдствіе цѣлой совокупности національных пороковъ, преступленій и ошибокъ, которые принадлежатъ если и не всей исторіи Франціи, то весьма значительному ея періоду. Заподозрить въ какихъ бы то нибыло, хотя бы немногихъ и самыхъ малыхъ, но *коренныхъ* неправильностяхъ все историческое развитіе, всю политическую организацію, все государственное міровоззрѣніе начавшіяся послѣ великой революціи, на это способны только весьма немногіе Французы. А между тѣмъ чтобы понять нынѣшнее бѣдственное положеніе Франціи, необходимо взойти къ самому устью того потока который привелъ ее къ этому положенію; событія и идеи революціи, переходя изъ одной фазы въ другую, создали это положеніе. Тотъ или другой взглядъ на причины политическихъ и военныхъ неудачъ Французскаго народа въ борьбѣ съ Германскимъ прямо зависитъ отъ того или другаго взгляда на самую революцію. Это отлично сознается Французами всѣхъ партій; они никогда не разсуждаютъ иначе о событіяхъ 1870—71 годовъ какъ совокупно съ событіями 1789—1800 годовъ. Большинство образованныхъ людей Франціи до сихъ поръ склонно обвинять за всѣ несчастія войны правительство Наполеона III, Англію, не подавшую де руку помощи своей прежней союзницѣ, звѣрство Нѣмцевъ и т. д. Самое обыкновенное дѣло для Французовъ взваливать всю ви-

ну на Седанскаго героя, какъ они называютъ эскъ-императора, и умывать себѣ руки въ его преступленіяхъ. Вообще по особенному складу французскихъ политическихъ понятій, во всемъ виновато всегда одно правительство; признать историческую солидарность правительства и народа есть величайшая логическая трудность для политическихъ людей Франціи. Известно до какой степени, какъ наивао, были изумлены Французы, даже государственные люди 4го сентября, считавшіе себя лучшею интеллигенціей страны, что война, начатая императоромъ не окончилась со взятіемъ его въ плѣвъ, и что за него могла быть призвана къ расчету сама Франція. Даже люди совсѣмъ падшіе духомъ, отчаивающіеся въ будущности Французскаго народа, даже и такіе большею частію склонны обвинять во всемъ только правителей, критиковать только ихъ дѣйствія, а не недостатки самого общества, какъ будто мыслимо чтобы правительственная система могла быть въ теченіи продолжительнаго періода времени въ полномъ разладѣ или противорѣчіи съ характеромъ и наклонностями самого народа. Однако болѣе глубокое пониманіе болѣзненныхъ историческихъ и бытовыхъ условій въ которыя поставлена Франція съ конца прошедшаго столѣтія, и которыя парализуютъ развитіе необычайно богатыхъ силъ ея природы и народнаго генія уже началось во французской мыслящей средѣ, хотя оно и не пользуется еще популярностью въ самой Франціи. За Токвилемъ и Ланфре послѣдовали многіе на пути противодѣйствія слѣпому поклоненію революціоннымъ идоламъ: между прочимъ въ послѣднее время даже такіе люди какъ Кине, Мишле, Ренанъ. Свободное, чуждое прежней французской исторической рутины и демократическихъ суевѣрій обращеніе трехъ послѣднихъ писателей съ революціей въ высшей степени важно для отрезвленія французскаго общества, въ особенности подрастающаго поколѣнія, такъ какъ всѣ эти писатели имѣли прежде большой авторитетъ въ демократическихъ и радикальныхъ лагеряхъ. Надо думать что послѣ изданія своей послѣдней книги, * Ренанъ утратитъ всякую популярность въ этихъ лагеряхъ, всего менѣе допускающихъ свободу мыслей и критики, и не позволяющихъ отказываться отъ рабскаго поклоненія ихъ знаменамъ. Ренанъ самымъ рѣшительнымъ

* Ernest Renan, *La Réforme intellectuelle et morale*. Paris. 1872.

образомъ, со свойственною ему страстностью и отвагой, осуждаетъ Францію за то что она съ конца прошедшаго столѣтія разсталась со своею древнею монархіею, съ аристократіею и съ религіею; въ крайнемъ развитіи демократическаго духа онъ видитъ главное зло современнаго французскаго общества, причины всѣхъ его недуговъ, и посреди своего строгаго осужденія всего порядка вещей установившагося послѣ революціи, онъ почти не надѣется на исцѣленіе. Не можемъ не привести здѣсь хотя нѣсколько строкъ изъ предисловія автора къ своей книгѣ, которая составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ нынѣшней французской литературѣ, если и заключаетъ въ себѣ много парадоксальныхъ выводовъ и противорѣчій, какъ всѣ произведенія Ренана: „Роль писателей — которымъ выпадаетъ на долю высказывать непріятныя истины“, говоритъ Э. Ренанъ, „немногимъ отличается отъ судьбы іерусалимскаго пророка, который безпрестанно скитался по стѣнамъ города, предназначеннаго къ разрушенію, и кричалъ: „Слышите вы голосъ Востока, голосъ Запада, голосъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ! Горе Іерусалиму и его храму!“ Никто не хотѣлъ его слушать... Очень немногія лица которыя слѣдовали въ политикѣ пути избранному нами не ради личнаго интереса и честолюбія, а только ради общей пользы, совсѣмъ побиты въ злополучномъ переворотѣ совершившемся на нашихъ глазахъ; но я болѣе всего хотѣлъ бы избѣгнуть упрека что не обращаю того вниманія на дѣла моего времени и моего отечества къ какому обязанъ каждый гражданинъ. Въ томъ положеніи въ какое пришли человѣческія общества, нельзя уважать людей жаждущихъ принять на себя отвѣтственность въ дѣлахъ своего времени и своей страны. Честолюбцы въ старинномъ духѣ, полагавшій все свое счастье, честь и надежды своей жизни въ государственной дѣятельности, были бы почти бессмысленнымъ человѣкомъ въ наши дни; еслибы въ настоящую минуту мы видѣли молодого человѣка выступающаго на поприще публичной жизни съ тою равностію, нѣсколько тщеславною, съ тѣмъ сердечнымъ жаромъ и съ тѣмъ наивнымъ оптимизмомъ какими отличалась, на примѣръ, эпоха реставрацій, то мы не могли бы удержаться отъ улыбки и не предсказать ему жестокихъ разочарованій. Одно изъ худшихъ послѣдствій демократіи это то что она превращаетъ общественное дѣло въ добычу цѣлаго класса *политикановъ*, посредственностей и завистниковъ, не внушающихъ должнаго уваженія

толпѣ, которая видѣла своего сегодняшняго избранника унижавшимся предъ нею вчера, и знаетъ посредствомъ какого шарлатанства пріобрѣтены были ея голоса. Какъ бы то ни было, мудрецъ (*se sage*), прежде чѣмъ покориться въ этихъ обстоятельствахъ необходимости запереться въ сферѣ своего чистаго мышленія, долженъ быть убѣжденъ что онъ истощилъ все средства заставить выслушать голосъ разума. Когда мы испытаемъ десять поражений, когда десять разъ толпа предпочтетъ нашимъ сужденіямъ болтовню своихъ угодниковъ или фанатиковъ, когда будетъ доказано что, предлагая наши мнѣнія законнымъ образомъ, мы были оттолкнуты, презрѣны, тогда только мы будемъ имѣть право отойти въ сторону, спокойные въ нашей совѣсти и гордые, громко крича о нашихъ пораженіяхъ. Никто не обязанъ имѣть успѣхъ, никто не обязанъ вступать въ состязаніе со способами дѣйствія позволительными только для площаднаго честолюбія; но каждый обязанъ быть искреннимъ. Еслибы Тюрго достаточно прожилъ чтобы видѣть революцію, онъ почти одинъ имѣлъ бы право оставаться спокойнымъ, потому что онъ одинъ указалъ на то что надо было дѣлать чтобы ее предупредить.“ Уже изъ этого отрывка можно видѣть какимъ уныніемъ преисполненъ авторъ; это уныніе онъ переноситъ съ Франціи на всю Европу, пораженный ужасами войны и ненависти между двумя самыми цивилизованными націями континентальной Европы. Раздраженный до нелзя противъ Германіи за суровыя условія мира, онъ однакоже не можетъ, подобно многимъ легкомысленнымъ публицистамъ и политическимъ людямъ своей страны, обвинять за все военныя и политическія неудачи одну вторую имперію, а ищетъ причины бѣдствій Франціи въ общихъ условіяхъ государственнаго строя, послѣ великой революціи, въ общемъ направленіи умовъ всехъ дѣйствующихъ партій и въ особенности въ умственной и научной ея отсталости.

Мрачное настроеніе Ренана, его крайній скептицизмъ относительно французскаго общества, распространившійся послѣ войны на всю современную европейскую цивилизацію, и сверхъ всего этого противорѣчія въ которыя онъ непрерывно впадалъ въ теченіи всей своей литературной дѣятельности, все это значительно уменьшаетъ силу и вліяніе его сужденій о послѣднихъ событіяхъ и о положеніи Франціи.

Въ самое недавнее время, обратило на себя общее вниманіе всего читающаго европейскаго міра сочиненіе графа

де-Гаспаренъ: *La France, nos fautes, nos perils, notre avenir.* Эта книга есть въ самомъ дѣлѣ цѣлое событіе, которое хотя и не осталось незамѣченнымъ во Франціи, но къ сожалѣнію далеко, кажется, не имѣетъ въ ней самой столько читателей какъ въ другихъ странахъ. Иначе и быть не можетъ. Авторъ, недавно умершій, — протестантъ; и вносить во всѣ свои взгляды на политическіе вопросы тотъ элементъ протестантскаго либерализма и строгой религіозной нравственности, который столько же противоположенъ римско-католическому клерикализму, какъ и грубому матеріализму, раздѣлившимъ между собою власть, или лучше самовластіе надъ всѣми французскими политическими умами. Графъ Гаспаренъ не принадлежалъ ни къ какой политической партіи; ко всѣмъ правительствамъ, и къ ладшему и къ нынѣшнему, и ко всѣмъ лагерямъ онъ относится съ безусловною независимостію своего личнаго мнѣнія; эта особенность, столь рѣдкая между людьми съ политическимъ воспитаніемъ, конечно пренятствуетъ блестящему успѣху его сочиненій во Франціи, но она придаетъ ему тѣмъ большій интересъ въ глазахъ каждаго кто не желаетъ изучать современное положеніе дѣлъ подъ угломъ зрѣнія партіи. Книга графа Гаспарена есть жестокій приговоръ произнесенный имъ надъ своимъ отечествомъ, можетъ-быть слишкомъ жестокій, но тѣмъ не менѣе большею частію справедливый. Нужно было имѣть необычайное мужество и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайную любовь къ своему народу, чтобы рѣшиться во всеуслышаніе сказать ему все то что сказано авторомъ; онъ безъ сомнѣнія будетъ проклятъ за свое чистосердечіе всѣми крайними, а крайніе,—крайніе всякаго оттѣнка: клерикальнаго и легитимистскаго, демократическаго и революціоннаго, конституціонно-доктринерскаго,—господствуютъ во всѣхъ сферахъ политической жизни Франціи. Графъ Гаспаренъ выступаетъ въ своихъ сужденіяхъ о причинахъ пораженій Франціи, объ ея нынѣшнихъ недугахъ и о способахъ ихъ лѣченія, не какъ монархистъ и не какъ республиканецъ, а просто какъ пламенный патріотъ, не какъ католикъ и не какъ невѣрующій, а какъ христіанинъ, неограниченно преданный духу евангельской истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ свободно мыслящій въ предѣлахъ этой истины. Уже всего этого достаточно чтобы быть побитымъ камнями изъ-всѣхъ угловъ французскаго политическаго міра. Авторъ, при всей своей вѣрѣ въ великую будущность Франціи, въ самомъ дѣлѣ безпощаденъ въ своихъ обви-

неніяхъ противъ нея, за всѣ бѣдствія послѣдней войны. Можетъ-быть даже онъ переступаетъ иногда предѣлы справедливости, оправдывая и возвеличивая всѣ дѣйствія Германіи и прусскаго правительства въ отношеніи къ Франціи, до и во время войны. Въ положительномъ пристрастіи къ германской культурѣ сказались неизбѣжныя протестантскія симпатіи автора. Онъ однако неоднократно заявляетъ свое полное несочувствіе къ способамъ дѣйствія новѣйшей прусской политики, порицаетъ многіе ея приемы, въ томъ числѣ присоединеніе Альзаса и Лотарингіи къ Германіи. Этого достаточно чтобъ освободить автора отъ обвиненія въ измѣнѣ, которое такъ легко расточается всѣми партіями въ эпохи политическаго возбужденія. Графъ Гаспаренъ въ свое время предлагалъ нейтрализацію рейнскихъ провинцій, признавая эту мѣру съ одной стороны полезною для огражденія Германіи отъ честолюбивыхъ замысловъ Франціи, а съ другой стороны, справедливою какъ возмездіе за ея безпокойный воинственный нравъ. Въ этомъ нравѣ видитъ онъ одинъ изъ главныхъ источниковъ злополучій Франціи, и старается доказать что вся отвѣтственность за войну предъ исторіей и потомствомъ должна оставаться на ней, а не на Пруссіи и не на Наполеонѣ III, который былъ только исполнителемъ грубыхъ влеченій и преданій, воодушевляющихъ издавна значительнѣйшую часть политической Франціи. Такъ же какъ Э. Ренанъ и другіе здравомысленные его соотечественники, онъ приписываетъ побѣды Германіи главнѣйше умственной и нравственной скудости правительствующихъ классовъ Франціи въ сравненіи съ тѣми же классами въ Германіи.

Мы указали здѣсь только на самыя крупныя произведенія французской литературы, знаменующія собою крутой, но здоровый поворотъ въ ея политическихъ идеяхъ и въ особенностяхъ въ понятіяхъ о значеніи и роли Франціи въ новѣйшей исторіи Европы. Этотъ поворотъ не можетъ быстро сообщиться всей массѣ образованнаго французскаго общества, которое слишкомъ закоренѣло въ предрассудкахъ, съ незапамятныхъ временъ передающихся какъ нѣчто священное отъ одного поколѣнія къ другому, и приобрѣтшихъ особенную силу послѣ революціи и Наполеона I. Главный изъ этихъ предрассудковъ есть слѣпая вѣра въ призваніе Франціи идти впереди историческаго прогресса Европы, руководить имъ, и спасти всѣ европейскіе народы отъ деспотовъ и тирановъ

становящихся на пути прогресса и свободы; поэтому Франція, по предопредѣленію Провидѣнія, должна быть непобѣдима, она одна способна вести войну и жертвовать собою *для идеи*; всѣ другіе народы воюють ради своихъ матеріальныхъ интересовъ, ради завоеваній и добычи, поэтому историческая справедливость требуетъ чтобы всѣ они были побиваемы Франціей. Такія понятія, безъ малѣйшаго преувеличенія, распространены между самыми образованными Французами, и высказываются ими буквально въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ, и соединяютъ въ одинъ патріотическій порывъ всѣ безъ изъятія партіи, разбѣденныя, до самой смертельной взаимной ненависти, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Эти понятія глубоко потрясены войной и ея послѣдствіями, однако не на столько чтобы большинство французскихъ патріотовъ не смотрѣло на побѣды Германіи какъ на совсѣмъ исключительный эпизодъ, капризъ всемірной исторіи, именно предназначенный къ пробужденію Франціи изъ ея минутнаго усыпленія, для возведенія ея вновь на всю высоту ея призванія заправлять судьбами Европы. * Свобода и просвѣщеніе не могутъ же долго оставаться подъ угнетеніемъ сѣвернаго варварства; придетъ скоро *revanche* и съ нею освобожденіе Европы! Понятно въ какомъ крайнемъ противорѣчій съ такими коеными вѣрованіями находятся мысли людей которые, подобно выше нами названнымъ, говорятъ своимъ соотечественникамъ что торжество Германіи не случайно и не скоропреходяще, что оно обусловлено умственной отсталостью Франціи и въ особенности отсталостью въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ о политической свободѣ; что роль Германіи въ современной Европѣ далеко не ограничивается варварскими опустошеніями на почвѣ цивилизаціи, что инстинктомъ свободы и независимости человѣческой личности отличается германская раса во всемірной исторіи, что, наконецъ, Французамъ нужно много и долго учиться чтобы догнать нынѣшнее образованіе Нѣмцевъ. Все это хотя излагается людьми пользующимися несомнѣннымъ авторитетомъ и всеобщимъ уваженіемъ во Франціи, находить однако въ ней пока мало отголоска, и не имѣетъ еще почти никакого практическа-

* Въ этомъ духѣ разсуждаютъ напримѣръ такіе умѣренные писатели какъ Sudre (см. его предисловіе къ книгѣ: *Qui est responsable de la guerre*).

го вліянія на дѣла. Во Франціи всегда было не мало людей совершенно чуждыхъ національному самообольщенію, нисколько не отуманенныхъ политическими суевѣріями, руководившими государственныхъ людей всѣхъ ея правительствъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, и не скрывавшихъ отъ Франціи ея язвы; но всѣ они оставались въ сторонѣ отъ дѣлъ. И нынѣ сверхъ вышеупомянутыхъ произведеній, не мало можно указать сочиненій и статей въ томъ же духѣ безпристрастія, какъ къ лавшему правительству, такъ и къ Германіи. Съ разныхъ сторонъ, писатели, гораздо болѣе искренно любящіе свой народъ чѣмъ ораторы и вѣжаки дѣйствующихъ партій, усиливались противодѣйствовать господствующей наклонности дѣлать Наполеона III искупительною жертвою всѣхъ бѣдъ, и призывали Францію къ истинному покаянію, то-есть къ покаванію въ своихъ собственныхъ, а не въ чужихъ грѣхахъ. Въ числѣ множества такихъ сочиненій укажемъ на болѣе выдающіяся статьи гг. Ламе-Флѣри, М. Шевалье, А. Клемана, Леруа-Болье* и др. Еще до войны лучшіе французскіе писатели старались знакомить свою публику съ положеніемъ политики и съ успѣхами наукъ въ Германіи, и въ особенности со значеніемъ которое пріобрѣтаетъ въ ней Пруссія; французской публнкѣ было не мало толковано самими почтенными и патріотическими личностями что ея традиціонное пренебреженіе къ Германіи и невѣжество относительно всего что въ Франціи не только недостойно великой націи, но и крайне для нея опасно. ** Послѣ кровавыхъ уроковъ войны и парижской коммуны, здравомысленныя сужденія въ

* Lamé-Fleury, *Principes et conclusions psychologiques de la guerre 1870—1871*; его же, *La révolution et la guerre* (все это въ *Journ. des Economistes*). A. Leroy-Bolieu, *La politique du second empire* (*Rev. des Deux Mondes*). M. Chevalier, *Comment une nation retablit sa prospérité* (*J. des Econom.* 1871). A. Clément, *La situation de la France* (тамъ же).

** Въ *Revue des Deux Mondes* безпрестанно помѣщались статьи о Германіи. Въ особенности замѣчательны были труды В. Шербюлье; но крайняя злоба какою онъ послѣ войны воодушевился противъ Германіи много портитъ его новѣйшія произведенія. Вообще большая часть статей публикуемыхъ нынѣ въ этомъ журналѣ преисполнены систематической вражды къ Нѣмцамъ и лишены безпристрастія, которое можетъ быть соединено съ самымъ горячимъ патріотизмомъ.

духъ враждебномъ старинному французскому шовинизму, самомнѣнію и тщеславію могутъ несравненно болѣе разчитывать на успѣхъ во французской публикѣ чѣмъ прежде; ихъ во всякомъ случаѣ уже не считаютъ болѣе непозволительными для патріота или для добраго Француза. Обличительный тонъ извѣстнаго рода сдѣлался даже самымъ моднымъ. Извѣстно что разговоръ о необходимости для Франціи взять примѣръ съ Пруссіи послѣ 1806 года или въ особенности съ Россіи послѣ Восточной войны сдѣлался теперь тамъ самымъ общимъ; *la France doit se recueillir*, говорятъ Французы, припоминая слова князя Горчакова. При этомъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду огромной разницы между самообличеніемъ и самобичеваніемъ объявшими всю Россію послѣ Парижскаго мира, и всѣхъ правительственныхъ нашихъ сферъ, и всѣхъ слоевъ общества, и настроеніемъ преобладающимъ нынѣ во Франціи. Россія дѣйствительно до нельзя каялась, въ ту незабвенную эпоху, обвиняя себя, недостатки своей правительственной системы и своего общественного быта, обвиняя все и всѣхъ у себя въ неудачахъ Восточной войны, лорда до нельзя себя и до нельзя восхваляя Западную Европу. Во Франціи совсѣмъ не то; въ глазахъ огромнаго большинства не только народа, но образованнаго класса, сама она еще ни въ чемъ не виновата. Съ точки зрѣнія каждой партіи, виноваты въ бѣдствіяхъ войны всѣ прочія партіи: бонапартисты посылаютъ проклятіе радикаламъ, орлеанистамъ и легитимистамъ, связывавшимъ руки правительству и оплетавшимъ его интригами, республиканцы или радикалы казнятъ всѣ монархическія партіи, парализовавшія въ теченіи 80 лѣтъ развитіе революціи и водвореніе республики, легитимисты призываютъ къ суду всѣ остальные партіи за перерывъ законной монархіи и т. д. Вотъ характеръ обличеній господствующій во Франціи, и мы совершенно согласны съ Мазадомъ, говорившимъ не такъ давно что пора Франціи положить конецъ самобичеванію, если только подъ этимъ разумѣть безплодныя обличенія этого рода. Со всѣмъ этимъ не имѣетъ однако ничего общаго тотъ дѣйствительно критическій духъ о которомъ мы говорили выше, который уже начался и созрѣваетъ во Франціи, который одинаково безпристрастно относится ко всѣмъ фазамъ ея новѣйшей исторіи, ко всѣмъ партіямъ и правительствамъ, къ своему отечеству и къ его врагамъ. Возможно большее развитіе этого духа въ

высшей степени плодотворно и желательна для Франціи, какъ и для всякой страны; онъ противенъ патріотизму только по словамъ близорукихъ или нечестныхъ патріотовъ.

Все нами сказанное о поворотѣ здравомысленныхъ умовъ во Франціи къ безпристрастному обсужденію ея несчастій будетъ не безынтересно дополнить мнѣніемъ челоѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго и стоящаго внѣ всякихъ дѣйствующихъ политическихъ партій, по вопросу о такъ-называемомъ историческомъ паденіи (*décadence*) Франціи, будто бы доказанномъ войною 1870—71 годовъ. Этотъ вопросъ весьма безпристрастно, хотя и въ положительно оптимистическомъ направленіи, отличномъ отъ всѣхъ выше упомянутыхъ писателей, разсматривается г. Литтре, въ его статьѣ: *De la situation de la France en 1872 (Revue de philosophie positive)*. Можно не соглашаться съ соціально-политическими и нравственными воззрѣніями г. Литтре, но ему нельзя отказать въ политической честности и независимости и въ совершенно нейтральныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ французскимъ правительствамъ и партіямъ. Вотъ между прочимъ что онъ говоритъ: „Послѣ нашихъ бѣдствій, много было говорено во Франціи объ ея паденіи; эта идея нашла даже мало возражателей. Въ нашемъ паденіи видятъ причину нашихъ пораженій, и очень расположены говорить: *mea culpa*. Для признанія своей вины есть конечно у насъ основаніе; но это еще не значитъ признать за собою предполагаемое паденіе, котораго я не замѣчаю нигдѣ. Беранже сказалъ въ одной своей пѣснѣ что онъ поетъ, чтобъ утѣшить свое несчастное отечество: „*Pour consoler son malheureux pays.*“ Утѣшать можетъ быть призваніемъ поэта, но никакъ не мыслителя, обязаннаго точно наблюдать дѣйствительность. Поэтому я основываю мое мнѣніе на фактахъ, а никакъ не на чувствахъ; эти факты для всѣхъ очевидны, я только ихъ припомню. Я начну съ того, что всего яснѣе и безспорнѣе, съ производительности, промышленности, торговли, богатства Франціи. Въ этомъ кругѣ фактовъ не только нѣтъ никакого уладка, но есть значительный успѣхъ. Даже теперь, несмотря на опустошенія войны, несмотря на два миллиарда заплаченныхъ Германіи, французскій кредитъ остался не затронутымъ; въ финансовомъ положеніи Франція располагаетъ первокласснымъ могуществомъ, хотя ея политическое и военное

могущество сломано, и она не имѣетъ пока никакого значенія въ Европѣ. Теперь разсудите: производство, промышленность, торговля предполагаютъ трудъ постоянный, энергическій, посвященный, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ безпрерывнаго приложенія самыхъ усовершенствованныхъ знаній науки. Послѣ этого возможно ли говорить объ уладкѣ Франціи во всей этой сферѣ народной дѣятельности? Наше богатство велико; возможность противостоять всему нашему разоренію и загладить всѣ убытки достаточно это доказываетъ. Другія отрасли дѣятельности не выражаются столь же точнымъ (математическимъ) образомъ; я попробую однако указать на нѣкоторые ихъ признаки, не оставляющіе сомнѣнія относительно ихъ процвѣтанія или упадка. Въ литературѣ и искусствахъ Франція издавна занимала высокое мѣсто; съ самаго начала среднихъ вѣковъ, рыцарская эпопея, ею созданная, восхищала всю Европу того времени. Отдѣлка современной литературы, современного искусства, всегда сопряжена съ значительными ошибками, потому что потомство далеко не подтверждаетъ восторговъ современниковъ. Но для нашего сужденія достаточно имѣть здѣсь относительно вѣрное основаніе; для этого достаточно сравнить нашу литературу и искусство съ иностранными. Это сравненіе не будетъ для насъ неблагоприятно; на всѣхъ поприщахъ произведенія нашей литературы и нашего искусства стоятъ въ ряду самыхъ высокихъ произведеній Европы. А науки? Тутъ я долженъ также воздержаться входить въ подробности, не желая слишкомъ возвышать, или слишкомъ унижать дѣятелей. Всего менѣе расположенъ я подражать Нѣмцамъ, которые на дняхъ забросали грязью Лавуазье; напротивъ я отдалъ всю дань справедливости современнымъ знаменитостямъ науки въ Германіи. Обязаны ли къ такому уваженію въ отношеніи къ намъ наши сосѣди, наши соперники? Мы имѣемъ ученую корпорацію, Институтъ, который, далеко не заключая въ себѣ всей французской науки, служитъ для нея однако весьма значительнымъ представителемъ. Что эта корпорація пользуется большимъ уваженіемъ въ Европѣ, въ этомъ никто не сомнѣвается: знаменитые иностранные ученые считаютъ за большую для себя честь быть приобщенными къ этому учрежденію. Это продолжается до сихъ поръ, несмотря на погромъ Франціи, и доказываетъ что насъ не считаютъ ладшими, когда не пренебрегаютъ скромными почетами оказываемыми между учеными...“ Далѣе, въ другомъ мѣстѣ, авторъ замѣчаетъ: „Если

властители наши отвѣтственны за свои ошибки, то націи отвѣтственны за властителей которыхъ они выбираютъ. Нельзя обвинять Францію за то что она имѣла во главѣ своей Людовика XV, такъ хотѣлъ древній монархическій порядокъ. Но она совершенно виновата что сдѣлала императоромъ другаго Бонапарта, послѣ того что уже испытала одного. Я говорю что Франція еще не пала, что она богата, трудолюбива и умна, не менѣе чѣмъ прежде; но политическая жизнь Франціи составляетъ изъ этого исключеніе. Тутъ все въ разстройствѣ и упадкѣ.“

Можетъ-статься что во всемъ этомъ сужденіи слишкомъ много оптимизма, котораго далеко не раздѣляютъ даже всѣ Французы; во всякомъ случаѣ его нельзя игнорировать, какъ сужденіе человѣка стоящаго на высотѣ современной европейской науки, снискавшаго къ себѣ уваженіе образованныхъ людей всѣхъ націй и не имѣющаго никакихъ побужденій потворствовать національнымъ слабостямъ и предрасудкамъ Французовъ. Независимо отъ положительныхъ научныхъ заслугъ г. Литтре въ языковѣдѣніи, можно думать что угодно о томъ особенномъ направленіи въ сферѣ социальныхъ и политическихъ вопросовъ которое онъ представляетъ своею литературною дѣятельностью, но всего менѣе можетъ его направленіе заслуживать упрекъ въ національной исключительности и въ узкомъ патріотизмѣ. Литтре конечно слишкомъ легко обходится съ вопросомъ о признакахъ процвѣтанія или упадка цивилизаціи, который, по собственному его сознанію, не подлежитъ никакому точному изслѣдованію со стороны современниковъ; на этомъ и нужно бы остановиться, потому что въ этомъ вся сущность дѣла въ настоящемъ случаѣ. Когда имѣются налицо всѣ самыя безспорныя свидѣтельства матеріальнаго благосостоянія и богатства страны, когда они находятся въ очевидномъ движеніи и-возрастаніи, какъ это было во Франціи по самый день ея погрома, когда движеніе труда и капиталовъ внезапно возродилось послѣ почти двухлѣтняго опустошенія и анархіи, когда *продолжительное постоянное* промышленныхъ успѣховъ положительно немислимо при оскудѣніи нравственныхъ и умственныхъ силъ народа, то говорить серьезно объ его окончательномъ историческомъ упадкѣ непозволительно. На это скажутъ что матеріальное или промышленное развитіе можетъ продолжаться нѣкоторое время послѣ оскудѣнія духовныхъ силъ цивилизаціи; но что мы

знаемъ о предѣлахъ такого періода, гдѣ затѣмъ ясная черта различія между духовными и матеріальными силами народной дѣятельности, и т. д.? Все это туманные, гадательные вопросы, на которые возможны лишь столь же туманные и гадательные отвѣты. Бываетъ временный застой, также какъ и усиленное движеніе, въ той или другой отдѣльной области народной дѣятельности, болѣе быстрые успѣхи или значительная отсталость то въ одной, то въ другой области знаній; можетъ быть даже временное замедленіе движенія во всѣхъ; но отъ всего этого до общаго, *неукоснительнаго* историческаго паденія, или истощенія культуры, еще далеко. Впрочемъ быстрота съ которою устроился порядокъ во Франціи послѣ войны и возможность продолженія его теперь, *при безусловномъ отсутствіи всякихъ законныхъ формъ правленія*, доказываетъ живучесть страны. Есть, кажется намъ, одинъ достовѣрный признакъ по которому современники могутъ судить объ общемъ упадкѣ или возвышеніи страны и народа въ кругу всемірной цивилизаціи, хотя этотъ признакъ почти неосозаемъ и неуловимъ, ибо онъ не заявляетъ себя почти никакими внѣшними фактами, и познается только внутреннимъ нравственнымъ инстинктомъ современниковъ. Этотъ признакъ представляется намъ въ той степени умственного интереса какой возбуждаютъ у иностранцевъ внутреннія, домашнія дѣла даннаго государства. Франція, несмотря на свое пораженіе, несмотря на свое нынѣшнее политическое ничтожество какъ европейская держава, несмотря въ особенности на всеобщее безошибочное убѣжденіе что она не скоро воспрянетъ отъ этого ничточества, Франція привлекаетъ къ своимъ внутреннимъ, чисто національнымъ заботамъ и вопросамъ, къ каждой мелочи своей домашней политической жизни, вниманіе всего свѣта. Это ли народъ исторически ладшій? Достаточно сравнить въ этомъ отношеніи Францію съ Испаніей, или даже съ Италіей, чтобы убѣдиться въ неизмѣримомъ историческомъ разстояніи раздѣляющемъ эти страны отъ Франціи въ сознаніи всего образованнаго міра. Испанія, при всѣхъ своихъ ежечасныхъ крутыхъ переворотахъ, никого не интересуетъ, за исключеніемъ развѣ специалистовъ, имѣющихъ тотъ или другой специальный интересъ слѣдить за ходомъ ея дѣлъ; самый образованный человѣкъ нашего времени никогда не замѣтитъ никакого пробѣла въ своихъ понятіяхъ о современной жизни образованныхъ народовъ, если онъ рѣшительно ничего не бу-

детъ знать о текущихъ событіяхъ въ Испаніи. Между ними и движеніями въ остальномъ мірѣ не ощущается ниѣмъ никакой нравственной связи; эту-то связь съ самымъ ничтожнымъ вопросомъ въ Парижѣ, съ самымъ пустымъ французскимъ вопросомъ предполагаетъ каждый въ Европѣ. Почти то же что объ Испаніи можно сказать объ Италиі, за исключеніемъ явленій соприкасающихся къ папской власти, которая, по самому существу общеевропейскихъ интересовъ ею возбуждаемыхъ, нисколько не принадлежитъ къ сферѣ италіанской политической и нравственной жизни. Еще поразительнѣе, со взятой нами точки зрѣнія, сравненіе Франціи, разбитой на голову и раздробленной, съ ея торжествующимъ побѣдителемъ. И самые коварные и самые честные политическіе замыслы французскаго правительства противъ другихъ государствъ, при его нынѣшнихъ средствахъ, при его сомнительномъ положеніи внутри страны, не могутъ быть опасны ни для кого въ мірѣ; напротивъ германское правительство располагаетъ нынѣ самыми громадными средствами наступленія, а относительно безвредности его политики для другихъ государствъ искушены, кажется, всѣ европейскіе государственные люди. А между тѣмъ, чѣмъ внутренними, національными дѣлами даже нынѣ интересуются болѣе всѣ образованные люди Европы, французскими или нѣмецкими? Очевидно первыми, насколько бы ни возросъ въ послѣдніе годы (и будетъ ежедневно возрастать) общеевропейскій интересъ къ дѣламъ Германіи. Франція до сихъ поръ сохраняетъ за собою то явное преимущество предъ всѣми народами Европы что всѣ ея внутренніе, національные вопросы имѣютъ наиболѣе общечеловѣчскій, космополитическій, вселенскій характеръ, они наиболѣе близки и ясны сердцу и уму всякаго иностранца, въ сравненіи съ мѣстными вопросами всѣхъ другихъ національностей. Этотъ фактъ было бы смѣшно объяснять одною модою или предрасудкомъ, какъ это дѣлается нынѣ не рѣдко въ Германіи, гдѣ иные патріоты никакъ не допускаютъ чтобы Берлинъ не былъ теперь болѣе Weltstadt, чѣмъ Парижъ. Но одною бомбардировкою и взятіемъ Парижа его еще нельзя было низвергнуть съ высоты его всемірнаго положенія, какъ общеевропейской столицы. Вопросы этого рода рѣшаются не побѣдами и трактатами, а цѣлою исторіей, и пока они еще не рѣшены ею, надо обождать говорить объ

историческомъ паденіи Франціи и заступленіи ея мѣста Пруссіей въ ходѣ всемірной цивилизаціи.

Нѣтъ никакихъ способовъ точнаго разрѣшенія вопросовъ объ упадкѣ, выживаніи и возвышеніи народовъ во всемірной исторіи,—пока эти вопросы относятся къ явленіямъ настоящаго и будущаго; они существуютъ для исторической науки только въ давно прошедшемъ. Исторія цивилизаціи каждаго народа и всего міра идетъ, какъ мы знаемъ, изъ прошедшаго, такими зигзагами, имѣетъ посреди своего непрерывнаго поступательнаго движенія такіе продолжительные періоды зстоя, даже попятнаго хода, что невозможно говорить объ оскудѣніи силъ историческаго развитія какой-либо націи, на основаніи временныхъ замедленій въ ихъ движеніи. Такія замедленія могутъ продолжаться десятки, даже сотни лѣтъ. Далѣе, все представленіе о преемственномъ господствѣ въ исторіи европейской цивилизаціи одной національности или одной расы за другою, о замѣщеніи въ этомъ господствѣ романской расы германскою, будто бы заявившемъ себя во Франко-Германской войнѣ, противорѣчитъ всему, что мы положительно знаемъ объ исторіи и о свойствахъ европейской цивилизаціи. Всѣ три національные элемента которые нынѣ господствуютъ въ составѣ европейскаго образованнаго міра, романо-кельтическій, германскій и славянскій, принадлежали къ нему съ самыхъ первобытныхъ временъ его исторіи, до и послѣ паденія такъ-называемаго античнаго, или греко-латинскаго міра; каждый изъ этихъ трехъ элементовъ, развиваясь то въ однихъ, то въ другихъ формахъ, никогда не переставалъ обуславливать собою такъ или иначе исторію Европы. Значеніе каждаго изъ этихъ трехъ основныхъ элементовъ европейскаго народонаселенія, какъ общекультурное, въ развитіи христіанской религіи и нравственности, наукъ, искусствъ, промышленности, такъ и политическое, въ развитіи относительнаго могущества государствъ, могло быть меньше или больше, могло временно возрасти или падать. За все прошедшее время, значеніе одной изъ этихъ расъ, а именно славянской, и въ политической и въ культурной исторіи Европы было гораздо слабѣе двухъ остальныхъ. Между націями романо-кельтической расы и германской первенство политическое и умственное неоднократно смѣнялось. Тѣмъ не менѣе смѣло можно признать самую характеристическою особенностью новѣйшей европейской цивилизаціи и также европейскаго политическаго міра, разнообра-

зіе челоуѣческихъ расъ, племенныхъ типовъ въ нихъ дѣйствующихъ, и даже въ кругу каждой расы разнообразіе политическихъ національностей; ни одна раса, и ни одна національность не даетъ, и никогда не давала своего національнаго типа всей европейской цивилизаціи. Въ соединеніи самыхъ разнообразныхъ племенныхъ типовъ заключается духъ новѣйшей или христіанской европейской культуры. Также точно совместное, болѣе или менѣе гармоническое сожитіе многихъ государствъ, самыхъ разнообразныхъ свойствъ и величинъ, есть основное начало европейскаго политическаго міра. Ничего подобнаго никогда не было прежде въ исторіи челоуѣчества, насколько она намъ извѣстна. Въ этомъ преимущественно смыслъ, всего болѣе кажутся намъ странными и неправильными всякія политическія воззрѣнія исходящія изъ понятій объ исторической необходимости старшинства или первенства одной европейской расы надъ другими, первенства политическаго или только умственнаго, это все равно. И вотъ почему намъ кажется невозможнымъ довольствоваться объясненіемъ причинъ недавнихъ пораженій Франціи историческимъ паденіемъ въ ея лицъ романской расы и наступленіемъ господства германской культуры въ европейской исторіи, какъ проповѣдуютъ это иные германскіе и не германскіе глашатае пангерманизма. *Послѣдовательное* осуществленіе идеаловъ пангерманизма было бы концомъ европейскаго просвѣщенія и европейской политической жизни, столько же, впрочемъ, какъ и осуществленіе идеаловъ панроманизма и панславизма.

Поклонники подобныхъ идеаловъ дѣйствительно и мечтаютъ о наступленіи совсѣмъ новой эры въ развитіи европейской цивилизаціи; однако въ ближайшемъ будущемъ, насколько мы можемъ судить по всѣмъ нынѣшнимъ умственнымъ и соціальнымъ движеніямъ Европы, она имѣетъ предъ собою, на первой очереди, совсѣмъ иные, далеко даже не національныя задачи...

Намъ, Русскимъ, поставленнымъ пока счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ въ сторону отъ этой борьбы, воспламенившей снова и надолго многовѣковую національную ненависть между Германіей и Франціей, намъ всего легче сохранить наше нейтральное положеніе, не только въ политикѣ, но и въ самомъ обсужденіи событій; для насъ можетъ быть всего менѣе побужденій, и нравственныхъ и политическихъ, дѣлаться непрощеными сторонами страстей и несправедливыхъ

притязаній какой-либо из двух враждующих національностей. Наша полная независимость относительно той и другой всего лучше можетъ удовлетворить и нашему нравственному національному достоинству, и нашимъ истиннымъ національнымъ интересамъ, умственнымъ и политическимъ. Какія бы ни существовали симпатическія связи между высшимъ французскимъ и русскимъ обществомъ, политическая мудрость заставляетъ Россію быть крайне осмотрительною въ политической дружбѣ со страной которая въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, можно сказать въ теченіи всего текущаго періода своей исторіи, поддерживала всѣ враждебныя Россіи политическія стихіи, и на Востокъ и на Западъ, и даже становилась всегда волею или неволею во главѣ всякихъ направленныхъ противъ насъ комбинацій въ Европѣ; таково было направление правительственной политики Франціи и настроеніе большинства ея лучшихъ политическихъ писателей, избравшихъ главною своею темой запугивать Европу варварскими замыслами сѣвернаго колосса, и все это послѣ необычайнаго великодушія Россіи въ 1815 году, при постоянномъ съ тѣхъ поръ поклоненіи русскаго образованнаго общества предъ Франціей! Даже и нынѣ одна изъ любимѣйшихъ идей развиваемыхъ во французской печати, когда она разсуждаетъ о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ Франко-Германской войны, это доказать что главный ея вредъ для всей Европы — усиленіе междоусобіемъ Запада самаго опаснаго врага цивилизаціи, Россіи, и ослабленіе англо-французскаго союза, сдерживавшаго будто бы наше ненасытное честолюбіе. Такъ продолжаютъ говорить замѣчательнѣйшіе публицисты Франціи,* не вѣдая конечно что творять. Всего любопытнѣе что иные изъ нихъ съ неслыханнымъ легкомысліемъ русскимъ союзомъ угрожаютъ нейтральной Европѣ, если она окончательно покинетъ Францію, которой де болѣе не останется ничего дѣлать, въ крайности самосохраненія, хотя бы и въ явный ущербъ европейскому просвѣщенію, какъ скрѣпя сердце протянуть руку варварской Россіи! Въ виду этихъ фактовъ едва ли можно считать всѣ столкновения Франціи съ Россіей случайными *недоразумѣніями* французскихъ правителей, не понимавшихъ по ослѣпленію истинные національные интересы своей страны; эти недоразумѣнія были слишкомъ продолжительны и упорны, чтобъ ихъ

* Напр. Ренанъ.

можно было называть случайными. Но отсюда не слѣдуетъ чтобы мы шли въ крестовый походъ противъ Франціи и романскихъ племенъ, и становились подъ священное знамя пангерманизма. Правда что въ интересахъ всеобщаго мира и внутренняго преуспѣянія, каждое государство должно всего болѣе дорожить дружбою съ своими сосѣдними народами, и что враждебныя къ нимъ отношенія всего болѣе способны возгорѣться до національной вражды. Правда также что Россія сверхъ того пользуется благами европейскаго просвѣщенія и промышленности главнымъ образомъ черезъ посредство Германіи. Далѣе, прусское правительство не принимало до сихъ поръ участія въ союзахъ состоявшихся въ Европѣ противъ Россіи, оказывалось въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія наиболѣе дружественнымъ къ Россіи, несмотря на всякія враждебныя противъ нея демонстраціи въ инымъ слухѣ сѣверо-германскаго общества; наконецъ, тѣсныя родственныя связи соединяють династіи царствующія въ обоихъ государствахъ. Все это позволяетъ намъ разчитывать на скрѣпленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей, не опасаться объединенія Германіи подъ ея владычествомъ. Однако все это нисколько не обязываетъ Россію дѣлаться служебною политическою силой для новаго Германскаго государства, тѣмъ болѣе что оба государства нынѣ совершенно въ разчетѣ: за всѣ свои не только прошедшія, но и будущія услуги, Пруссія до нельзя вознаграждена со стороны Россіи положеніемъ принятымъ русскимъ правительствомъ въ послѣдней войнѣ. Это положеніе стоило цѣлой арміи... Въ ближайшемъ же будущемъ Пруссія въ политическомъ отношеніи будетъ гораздо болѣе нуждаться въ Россіи, чѣмъ Россія въ Пруссіи, насколько можно судить по нынѣшнимъ обстоятельствамъ Европы. Безусловная политическая независимость, какою теперь можетъ пользоваться Россія относительно обѣихъ враждующихъ державъ, чрезвычайно облегчаетъ нашу нравственную независимость и свободу нашего общественнаго мнѣнія въ ихъ разсрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ умственный нейтралитетъ въ этой борьбѣ въ высшей степени полезенъ для нашего собственнаго преуспѣянія: у обѣихъ народовъ, безпристрастно изслѣдуя ихъ достоинства и пороки, такъ рѣзко изобличаемые и событіями и взаимною критикой, есть намъ чему научиться. Намъ, столь еще бѣднымъ

въ политической опытности, приходится много узнать, безнаказанно пользуясь чужими уроками.

Всего менѣе можетъ пристать намъ произносить заодно съ крайними врагами Франціи мрачные приговоры надъ ея будущностью и говорить о паденіи страны такъ далеко опередившей насъ на всѣхъ путяхъ цивилизаціи. Это было бы болѣе чѣмъ смѣшно.

Замѣтимъ кстати что объяснять всѣ неслыханныя пораженія Франціи просто-на-просто ея историческимъ упадкомъ очень удобно; это освобождаетъ отъ затруднительнаго изслѣдованія причинъ явленій превзошедшихъ всякія предвидѣнія и до сихъ поръ не совсѣмъ понятныхъ во многихъ отношеніяхъ. Но если даже и допустить этотъ внутренній культурный упадокъ народа, до сихъ поръ невиданный посреди всѣхъ вѣдшихъ признаковъ могущества и богатства, то все же нужно знать ближайшія причины полного безсилія страны предъ ея врагомъ, вызвавшими ея упадокъ; одно это слово *упадокъ* само по себѣ ничего еще не объясняетъ и ничего не доказываетъ.

Обращаемся теперь къ этому вопросу, послѣ нашего длиннаго и невольнаго отступленія. Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ необходимо прежде знать самыя причины войны, такъ какъ ими были болѣе всего обусловлены ея результаты. Отъ побужденій воодушевлявшихъ къ борьбѣ каждую сторону зависѣли ихъ боевыя силы и успѣхъ ихъ употребленія.

II.

Въ каждомъ историческомъ событіи нужно различать непосредственныя его причины, поводы, и отдаленныя, или настоящія историческія причины, неизбѣжно подготовлявшія событіе, которое подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, — ближайшихъ причинъ, — могло проявиться въ весьма разнообразныхъ формахъ. Отъ неразличенія этихъ двухъ категорій причинъ, или двухъ разнородныхъ историческихъ элементовъ каждаго факта, бываетъ не мало недоразумѣній.

Ближайшіе поводы къ войнѣ 1870—1871 годовъ слишкомъ извѣстны. Съ обѣихъ воюющихъ сторонъ было обнародовано столько документовъ и свѣдѣній, официальныхъ и частныхъ, относительно переговоровъ предшествовавшихъ войнѣ, въ томъ числѣ

сдѣлаю самими участниками ихъ* столько откровеній, что вся дипломатическая кампанія, открывшая военную, со всѣми своими даже закулисными тайнами, предъ нами налицо. При этомъ замѣчательно усердіе съ которымъ обѣ стороны старались оправдать себя предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и перебросить одна на другую отвѣтственность за войну; невозможно оставить безъ вниманія этотъ утѣшительный фактъ, свидѣтельствующій о могуществѣ интересовъ мира въ нынѣшнемъ военномъ періодѣ европейской исторіи. Съ ними обязаны считаться самыя воинственныя державы; этой заботы не было у завоевателей стараго времени. Въ особенности интересны въ этомъ отношеніи тщательныя оправданія со стороны прусскаго правительства; если въ его лицѣ, какъ говорятъ враги Германіи, должны явиться завоеватели Европы новаго времени, то невозможно же не согласиться что ихъ политическіе приемы не имѣютъ ничего общаго съ предводителями древнихъ германскихъ дружинъ, къ которымъ возводятъ нынѣ, въ пылу своего ожесточенія, французскіе писатели династію Гогенцоллерновъ. Если въ раздраженномъ воображеніи иныхъ Французовъ послѣдняя война непремѣнно должна быть ничѣмъ инымъ какъ продолженіемъ борьбы латинской цивилизаціи (?) съ сѣвернымъ варварствомъ,** то нельзя же не сознаться что предварительныя дѣйствія съ той и другой стороны въ обоихъ случаяхъ діаметрально противоположны: наступленіе началось на этотъ разъ со стороны Галліи. Этотъ фактъ конечно оспаривается въ публицистикѣ дружественной къ падшему французскому правительству и враждебной къ прусскому,*** но едва ли возможно думать чтобы когда-нибудь безпристрастное

* Въ особенности съ французской стороны. См. Duc de Gramont: *La France et la Prusse avant la guerre*, Paris, 1872; Benedetti: *Mission en Prusse*.

** См. J. Zeller: *Origine de l'Allemagne* (между прочимъ т. II, ch. IV).

*** Во всей обширной полемикѣ возбужденной этимъ вопросомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія брошюра: *Qui est responsable de la guerre*, par Scrutator. Она заключаетъ въ себѣ статьи этого анонимнаго автора печатавшіяся въ *Times* и произведшія во время войны сильное впечатлѣніе. Мы упоминаемъ объ этой брошюрѣ въ особенности потому что, не имѣя (сколько извѣстно) французскаго происхожденія, она исключительно обвиняетъ за войну прусское правительство; она вызвала много споровъ въ европейской литературѣ, и между

мѣнѣе обвинило Пруссію, а не Францію, въ *формальномъ или международномъ юридическомъ* поводѣ къ войнѣ. Съ точки зрѣнія международного права, Пруссія должна быть безусловно оправдана въ возбужденіи войны 1870—1871 годовъ, какъ это прекрасно доказано первостепеннымъ авторитетомъ науки международного права, г. Блунчли, который исчерпывающимъ образомъ разсмотрѣлъ эту сторону войны 1870—1871 годовъ. * Само собою разумѣется что предъ судомъ международного права, какъ оно понимается нынѣ и въ теоріи, и въ практикѣ, одно объявленіе войны Франціей само по себѣ еще не составляло бы причины обвинять ее за войну; къ несчастію для образованнаго человѣчества, и наука международного права, и практическое пользованіе ею допускаютъ во многихъ случаяхъ *право государства идти войною* противъ другаго, давашаго ему *законный къ тому поводъ, casus belli*. Чтобы не было никакихъ недоразумѣній, мы приведемъ этотъ casus belli, это право на войну, какъ они были заявлены самимъ французскимъ правительствомъ. Вотъ достопамятныя слова сказанныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Грамономъ, въ законодательномъ собраніи 6го іюля 1870 года, и самымъ опредѣлительнымъ образомъ объяснявшія всѣ причины неудовольствія французскаго правительства противъ прусскаго: „Мы не думаемъ чтобы наше уваженіе къ правамъ сосѣднаго народа насъ обязывало *терпѣть* чтобы другая держава (Пруссія) могла возводить одного изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V и чрезъ это *разстраивала бы, къ нашему ущербу, нынѣшнее равновѣсіе Европы и нарушала интересы и честь Франціи*. Этого не будетъ, въ этомъ мы вполне увѣрены. Мы столько же разчитываемъ на мудрость Германскаго народа, какъ и на дружбу Испанскаго, что этого не случится. Еслибы мы ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ, то сильныя поддержкою вашею и всей Французской націи, мы сумѣемъ исполнить нашу обязанность безъ колебанія и безъ слабости (*продолжительныя рукоплесканія*).“ Самая поразительная черта, какъ въ этихъ первыхъ словахъ которыми французское правительство открыло свою дипломатическую кам-

прочимъ защиту Пруссіи со стороны извѣстнаго германскаго ученаго Макса Мюллера (также въ *Times*).

* См. *Völkerrechtliche Betrachtungen über den französisch-deutschen Krieg*, von Dr. Bluntschli.

ланію, такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ его переговорахъ, это право, которое оно за собою признавало, вмѣшиваться въ избраніе себѣ государя Испанскимъ народомъ, тогда какъ именно Наполеонъ III и вся политическая система Французской имперіи считали краеугольнымъ камнемъ государственнаго права свободное избраніе народомъ своего монарха. Это основаніе монархической власти есть конечно самый основной догматъ новѣйшихъ Наполеонидовъ, до сихъ поръ ими проповѣдуемый; онъ придуманъ въ созвучіе съ французскимъ ученіемъ о народномъ самодержавіи, *souveraineté du peuple*, исповѣдуемымъ всѣми либеральными и демократическими партіями Франціи и составляющимъ плоть и кровь каждого добраго Француза. Нѣтъ, кажется, понятія болѣе національнаго во французскихъ политическихъ идеяхъ какъ это. И вотъ французское правительство, посреди громкихъ одобреній огромнаго большинства представителей Французской націи, заявляетъ себя въ правѣ, даже обязаннымъ, наложить свое veto на это священнѣйшее право другаго сосѣдняго народа? Въ официальномъ разговорѣ съ великобританскимъ посломъ лордомъ Лайонсомъ герцогъ Грамонъ выражается что „намѣреніе возложить испанскую корону на прусскую голову есть оскорбленіе для Франціи (*une insulte à la France*). Съ полнымъ сознаніемъ послѣдствій такого заявленія, императорское правительство заявляетъ что „Франція не допуститъ этого“ (депеша лорда Лайонса къ лорду Гранвиллю, 5го іюля). Возведеніе Гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ не могло же совершиться иначе какъ волею Испанскаго народа, такъ или иначе выраженною. Франція всегда боролась за свободу другихъ народовъ; въ этомъ ея историческое призваніе, по словамъ всѣхъ, и демократическихъ и недемократическихъ, французскихъ публицистовъ. Но подобныхъ противорѣчій найдемъ мы не мало въ исторіи этой страны, и приведенный нами фактъ составляетъ, по нашимъ понятіямъ, самую слабую сторону во всей французской дипломатической аргументаціи предшествовавшей объявленію войны. Власть не имѣющая сама иного права на существованіе какъ принципъ свободнаго народнаго избранія во всеуслышаніе признаетъ этотъ же самый принципъ несомнѣстимымъ въ политической жизни Европы съ ея равновѣсіемъ, спокойствіемъ и порядкомъ, съ честью Франціи, признаетъ пользованіе этимъ правомъ со стороны дружественнаго народа поводомъ къ европейской войнѣ! Но можетъ-быть

скажутъ: въ настоящемъ случаѣ воля Испанскаго народа не была свободна, его самодержавіе было нарушено происками и интригами прусскаго правительства. Такъ могли разсуждать и разсуждали во Франціи. Оставляя совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ въ какой степени возможно допустить въ принципѣ искаженіе народнаго самодержавія посторонними происками и интригами въ родѣ подставныхъ кандидатуръ, и въ какихъ случаяхъ воля самодержавнаго народа можетъ быть считаема не свободною,—вопросъ слишкомъ щекотливый именно для падшей имперіи,—мы только спросимъ: можетъ ли предположеніе, даже достовѣрность интригъ, хотя бы самыхъ враждебныхъ, со стороны какого-либо правительства давать право на объявленіе ему войны? Въ такомъ случаѣ, едва ли не всѣ правительства вынуждены были бы непрерывно объявлять другъ другу войны. Почти такъ и было когда война считалась главнымъ призваніемъ правительствъ; но такъ не можетъ быть, если мы становимся на почву международнаго права и желаемъ искать на ней оправданія нашихъ дѣйствій. Наконецъ, могутъ замѣтить, Франція, при всемъ своемъ култѣ народнаго самодержавія, не была ли вынуждена дѣйствовать какъ она дѣйствовала въ силу верховной необходимости самообороны. Спасенію государства отъ явной опасности не должны ли быть принесены въ жертву справедливость и отвлеченная буква теоретическаго права? И этого извиненія не могло быть для французскаго правительства. Герцогъ Грамонъ дѣйствительно ссылается на *интересы* Франціи. Но очевидно что тѣхъ высшихъ интересовъ которымъ былъ бы нанесенъ ущербъ съ возведеніемъ на испанскій престолъ Гогендоллернскаго принца и которые бы, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти, оправдывали внимательство французскаго правительства, тутъ рѣшительно не было. Уже въ то время было совсѣмъ ясно что безчисленное множество совсѣмъ другихъ обстоятельствъ, несравненно болѣе чѣмъ выборъ того или другаго монарха въ Испаніи, хотя бы и подручный Пруссіи, угрожали благополучію и самой Франціи, и императорскаго ея дома. Вотъ эти-то обстоятельства, лишь самымъ косвеннымъ образомъ связанныя съ испанскимъ престолонаслѣдіемъ, и вынудили рѣшимость Французскаго императора, какъ мы это увидимъ въ послѣдствіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія что прусскій принцъ на сосѣднемъ престолѣ, хотя бы и на весьма шаткомъ, но напущенный и постоянно поддерживаемый мудрыми

инструкціями изъ Берлина, не могъ быть пріятенъ и даже удобенъ для интересовъ Франціи. Если не верховные интересы государства, то второстепенные *интересы* такъ-называемаго *вліянія*, относительнаго международнаго могущества и значенія Франціи, въ особенности въ средѣ романскихъ государствъ, гдѣ она всегда особенно дорожила своимъ обаяніемъ и блескомъ, и затѣмъ въ европейской системѣ вообще, терпѣли отъ этого событія. Но нарушеніе такихъ интересовъ никогда не можетъ быть признано за сколько-нибудь правомѣрный поводъ къ войнѣ, какъ это весьма справедливо замѣчаетъ Блунчли; * только *необходимая оборона*, и въ этомъ случаѣ всегда возникающее со стороны другаго государства *нарушеніе* какого-либо права, а не интереса, можетъ быть признано поводомъ къ войнѣ съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, только нарушеніе права можетъ оправдать предъ здравымъ общественнымъ мнѣніемъ современниковъ и предъ судомъ исторіи возмущеніе европейскаго мира и обреченіе своего собственнаго народа на страданія. Права на политическое вліяніе, на обаяніе, или на могущество въ средѣ другихъ державъ, такого права которое бы слѣдовало защищать съ оружіемъ въ рукахъ, не можетъ имѣть никакое государство; не можетъ имѣть его и Франція, хотя бы ея политики и были самымъ искреннимъ образомъ убѣждены что въ такомъ правѣ заключается *честь* Франціи. Такую честь государства не призвано охранять никакое международное право, и никакое правительство не имѣетъ права требовать отъ своихъ подданныхъ жертвъ для такой чести. Понятіе о *вліяніи* или *обаяніи*, какъ о правѣ, очевидно, несостоятельно. Политическое могущество всякаго государства и вліяніе его на другія создаются исторически, а не тракатами и дипломатическими переговорами; могущество и вліяніе въ кругу другихъ народовъ зависятъ прежде всего отъ внутренняго преуспѣянія страны, отъ всѣхъ условій внутренняго мира и благосостоянія, отъ исторической и національной прочности ея правительства и всѣхъ государственныхъ учреждений, и сверхъ всего этого отъ партіотизма, энергіи и талантовъ правителей, которые также не падаютъ съ неба, а воспитываются и созрѣваютъ подъ дѣйствіемъ всей образованности народа и всей его внутренней политической жизни.

* См. вышеприведенное сочиненіе.

Относительное могущество государствъ и съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ международное значеніе измѣняются отъ ихъ собственнаго внутренняго роста; нынѣшнее могущество Пруссіи не есть послѣдствіе ея побѣдъ, а наоборотъ, побѣды послѣдствіе ея могущества, которое могло бы заявить себя и иначе чѣмъ войною. Международные интересы могущества государства конечно страдаютъ, когда оно не растетъ, а другіе народы растутъ, или даже когда оно только медленно растетъ, чѣмъ другіе; но неужели во всѣхъ этихъ случаяхъ дано право войны, или неужели война можетъ сколько-нибудь измѣнить такое положеніе вещей? неужели какъ только народъ богатѣетъ, образовывается, политически созрѣваетъ, такъ слѣдуетъ идти на него войною, или задерживать его развитіе угрозою войны, чтобы возстановить равновѣсіе Европы? Мы хорошо знаемъ что не мало государственныхъ людей прежняго времени вдохновлялись такими мыслями, онѣ отчасти входили въ практическій международный кодексъ господствовавшій послѣ Вѣнскаго конгресса, и съ ними еще не такъ давно относились въ Западной Европѣ къ нашему отечеству, когда реформы нынѣшняго царствованія стали внушать опасенія что грубая сила можетъ сдѣлаться цивилизованною. Но о такомъ равновѣсіи Европы, если оно и грѣзилось инымъ политикамъ Меттерниховской школы, нельзя серьезно разсуждать; это было бы не равновѣсіе, а умерщвленіе историческаго движенія европейскихъ народовъ. Подъ такъ-называемымъ политическимъ равновѣсіемъ Европы нельзя ничего иного разумѣть, въ наше время, какъ обезпеченіе слабѣйшихъ государствъ могуществомъ сильнѣйшихъ державъ противъ всякихъ нарушеній ихъ формальныхъ международныхъ правъ, и въ томъ числѣ обезпеченіе противъ всякаго вмѣшательства одного государства во внутреннія дѣла другаго; такое равновѣсіе, которое конечно только отчасти существуетъ въ Европѣ, можетъ быть охранено трактатами, оно въ высшей степени благотворно для благоденствія и историческаго развитія всѣхъ народовъ, и вполнѣ заслуживаетъ сдѣлаться идеаломъ ихъ международной системы. Но этотъ порядокъ, существующій въ Европѣ если еще не какъ дѣйствительность, то какъ принципъ, былъ въ настоящемъ случаѣ нарушенъ именно Франціей, которая вознамѣрилась ограничить своимъ вмѣшательствомъ самое неотъемлемое право Испанскаго народа на

устройство своего правленія. Это вмѣшательство всего болѣе потрясало равновѣсіе Европы, на нарушеніе котораго, со стороны Пруссіи, непрерывно ссылалось французское правительство во всѣхъ своихъ переговорахъ и объясненіяхъ; Франція, и только Франція, могла быть остановлена приговоромъ великихъ державъ, блюстительницъ европейскаго равновѣсія, на равнодушіе и невмѣшательство которыхъ она стала потому только жаловаться. По мнѣнію многихъ писателей, въ томъ числѣ даже нѣкоторыхъ Французовъ, осуждающихъ французское правительство за войну, такъ и слѣдовало поступить Европѣ и тѣмъ охранить миръ.

Послѣ всего нами сказаннаго ясно что еслибы даже кандидатура принца Леопольда и оставалась въ своей силѣ, то и тогда не было для Франціи правомѣрнаго повода къ войнѣ, *casus belli*. Но принцъ Леопольдъ отказался отъ предложеннаго ему престола, отказался формально, хотя и не прямо подъ угрозою французскаго правительства и не по его требованію, однако вслѣдъ за этимъ требованіемъ, и въ сущности вслѣдствіе его. Этотъ отказъ былъ сообщенъ прусскимъ правительствомъ французскому (даже лично королемъ французскому послу) въ качествѣ отвѣта на французскій запросъ, такъ что отказъ могъ быть принятъ удовлетвореніемъ требованія Франціи. При этомъ между прочимъ прусскій посолъ особенно настаивалъ въ своихъ переговорахъ въ Парижѣ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ разказываетъ самъ герцогъ Грамонъ, что „король, уполномочивая принца Гогенцоллернскаго принять кандидатуру, не имѣлъ никогда никакой мысли обидѣть (*de blesser*) императора, и никогда не предполагалъ что эта комбинація можетъ быть не-пріятна Франціи“. Уже изъ этихъ официальныхъ словъ можно было заключить что когда кандидатура оказалась непріятною для Франціи, тогда она была уничтожена. Со стороны испанскаго правительства были даны императору Французовъ самыя успокоительныя объясненія: кандидатура принца Гогенцоллернскаго была до обсужденія въ кортесахъ не окончательная, избраніе его не могло бы совершиться безъ вѣдома Французскаго императора, и т. д. Наконецъ отецъ принца Леопольда прямо сообщаетъ испанскому правительству что онъ отказывается за сына отъ кандидатуры, *вслѣдствіе возбужденнаго ею компликацій*. Казалось бы чего же болѣе; дипломатическій походъ Франціи заканчивается успѣхомъ,

самое щепетильное самолюбіе удовлетворено. Не удивительно что всѣ въ Европѣ, не исключая самыхъ дальновидныхъ политиковъ, были увѣрены что тучи разсѣялись. Ко всему этому надо присовокупить что вслѣдъ за заявленіемъ французскаго правительства прусскому, со стороны всѣхъ другихъ европейскихъ державъ были употреблены усилія къ устраненію гогенцоллернской кандидатуры, посредствомъ дѣйствія на Пруссію и Испанію. Судя по опубликованнымъ документамъ, немедленно вошли въ дружественные переговоры въ этомъ направленіи Россія и Англія съ Пруссіей, Италія съ Испаніей, и т. д. * Въ этомъ обстоятельствѣ крайніе защитники французскихъ притязаній видятъ признаніе со стороны всей Европы неправильности гогенцоллернской кандидатуры и справедливости требованій Франціи. ** Толковать въ этомъ смыслѣ миролюбивое посредничество нейтральныхъ для охраненія европейскаго мира и къ удовлетворенію, ради мира, хотя бы и излишней щекотливости Франціи, невозможно, тѣмъ болѣе что это посредничество совсѣмъ не имѣло характера какого-либо требованія обращеннаго къ Пруссіи и Испаніи. Напротивъ того возбужденіе всеобщаго дипломатическаго движенія, въ томъ числѣ даже личной внимательной заботливости Русскаго Императора къ устраненію недоразумѣній, согласно желанію французскаго правительства, *** должно было съ избыткомъ удовлетворить самое

* См. между прочимъ дипломатическую переписку по этому предмету въ брошюрѣ: *Qui est responsable de la guerre*, par Scrutator.

** Въ особенности настаиваетъ на этомъ анонимный авторъ названной брошюры, стараясь доказать правоту Франціи, которая была будто бы въ извѣстной степени подстрекаема дѣйствіями нейтральныхъ.

*** Въ депешѣ лорда Лайонса къ лорду Гранвиллю отъ 13го іюля 1870 года между прочимъ сказано: „Г. де-Грамонтъ прочиталъ мнѣ телеграмму генерала Флёрі, въ которой сообщается что Императоръ Александръ писалъ къ Прусскому королю прося его дѣйствовать на принца Гоенцоллернскаго, чтобы тотъ отказался отъ короны, и сверхъ того Императоръ выражался самымъ дружественнымъ образомъ къ Франціи, заявляя свое самое серьезное желаніе предотвратить войну: (*Qui est responsable etc* р. 27). Уже опираясь на этотъ фактъ, почерпнутый къ тому же изъ французскаго источника, можно видѣть какъ несправедливо такъ часто повторяемое съ

щепетильное его самолюбіе и польстить французскому національному чувству, которое, если не со стороны Англіи, то со стороны Россіи, всего менѣе имѣло право, послѣ Польскаго вопроса, разчитывать на сочувствіе и содѣйствіе своимъ пылкимъ порывамъ.

Въ то время какъ всѣ были увѣрены что дѣло окончено, и къ тому же съ полнымъ успѣхомъ для Франціи, настоянія французскаго правительства предъ прусскимъ дворомъ продолжались, и дѣлались съ каждымъ днемъ суровѣе; отъ Прусскаго монарха требовалось уже болѣе отказа Гогенцоллернскаго принца отъ испанскаго престола, требовалось *формальное обязательство предъ Франціей* что подобная кандидатура никогда не будетъ имъ допущена на будущее время, и это требованіе, въ самыхъ рѣзкихъ, заносчивыхъ, противныхъ дипломатическимъ обычаямъ формахъ было обращено черезъ французскаго посла лично къ королю Вильгельму. Это требованіе ставилось какъ ультиматумъ, вслѣдъ за которымъ и послѣдовало объявленіе войны. Едва ли возможно оспаривать что не только прусское, но всякое правительство, располагающее какими-нибудь матеріальными средствами защиты своей самостоятельности и независимости противъ другаго государства, не могло согласиться исполнить такое требованіе. Германское и прусское національное чувство, при такомъ натискѣ чужеземнаго государя на Прусскаго монарха, возмущилось, и не могло не возмутиться, что бы ни говорили о подстрекательствахъ со стороны офиціозной нѣмецкой прессы. Замѣтимъ здѣсь одну очень важную, по нашему мнѣнію, сторону всего этого дипломатическаго дѣла, всего лучше характеризующую положеніе принятое въ немъ французскимъ правительствомъ и международныя политическія понятія господствующія вообще во Франціи. Въ той или другой формѣ, письменное * и стало.

французской стороны обвиненіе въ стачкѣ Россіи съ Пруссіей къ возбужденію войны.

* Съ французской стороны было неоднократно объявляемо что это обязательство не должно было заключать въ себѣ ничего обиднаго для чести Пруссіи и ея монарха, что требовалось не извиненіе послѣдняго (какъ говорилось въ Германіи) а только какое-нибудь *engagement par écrit*. Но намъ кажется что совсѣмъ не въ этомъ вопросъ, не въ формѣ, а въ сущности какого бы то ни было подобнаго международнаго акта.

быть документальное *обязательство* со стороны главы Гогенцоллернского дома, Прусскаго государя, главы Сѣверо-Германскаго Союза и монарха первенствовавшаго уже въ то время во всей Германіи, требовалось *на имя французскаго правительства*, которое ставило это требованіе *для охраны равновѣсія Европы*. На необходимости именно этой охраны, независимо отъ чести и достоинства Франціи въ юго-западной Европѣ, всего болѣе настаивало французское правительство и всѣ его агенты и публицисты, оправдывая дѣйствіе Франціи. Такимъ образомъ, съ исполненіемъ упомянутаго требованія, являлся бы совсѣмъ новый, почти неслышанный международный актъ; Франція, безъ всякаго соглашенія съ другими европейскими державами, являлась бы единично, вопреки всѣмъ понятіямъ о равновѣсіи Европы, его блюстительницей и установительницей. Такая роль могла бы принадлежать только развѣ государству и государю располагающимъ судьбами Европы, подобно тому какъ распоряжался ею на апогее своего величія Наполеонъ I.

Когда составлялись такіе международные акты, и именно относительно воспрещенія престолонаслѣдія (Греція), то они составлялись не иначе какъ въслѣдствіе добровольнаго взаимнаго соглашенія всѣхъ великихъ державъ. Французское правительство съ самаго начала и до самаго конца дѣйствовало, ради охраны европейскаго равновѣсія, отъ своего имени, совсѣмъ *отождествляя свое личное дѣло съ общими европейскими дѣлами, свой интересъ съ общеевропейскими интересомъ*. Этотъ характеръ всего предпріятія Наполеона III лучше всего явствуетъ изъ самыхъ словъ сдѣланнаго имъ формальнаго объявленія войны прусскому правительству. Вотъ эти слова: „Правительство его величества императора Французовъ не можетъ иначе смотрѣть на планъ возвести прусскаго принца на испанскій престолъ какъ на предпріятіе направленное противъ территоріальной безопасности Франціи, и потому сочло себя въ правѣ потребовать отъ его величества короля Пруссіи удостовѣреніе что такая мысль никогда не можетъ осуществиться съ его согласія. Какъ его величество король Пруссіи отказался дать это удостовѣреніе, а напротивъ объявилъ послѣ его величества императора Французовъ что онъ предоставляетъ себѣ и въ этомъ случаѣ и въ другихъ подобныхъ ево-
боду дѣйствовать по обстоятельствамъ, то императорское

правительство должно было видѣть въ этомъ объясненіи короля заднюю мысль (*arrière pensée*), которая угрожаетъ Франціи и равновѣсію Европы. Это объясненіе было еще усилено сообщеніемъ прусскаго правительства другимъ державамъ что французскому послу было отказано королемъ въ приѣмъ и въ дальнѣйшемъ продолженіи переговоровъ. Вслѣдствіе всего этого французское правительство признало себя обязаннымъ немедленно озаботиться охраною своего достоинства и своихъ нарушенныхъ интересовъ, и принятіемъ всѣхъ необходимыхъ къ тому мѣръ, и считаетъ себя въ войнѣ съ Пруссіей. "Воздерживаемся отъ всякой дальнѣйшей критики этого акта; слабость его мотивовъ очевидна. Мы привели его только въ подтвержденіе выше высказанной мысли о своеобразномъ характерѣ приданномъ всей кампаніи французскимъ правительствомъ въ самомъ ея началѣ. Если другія великія державы и приглашались имъ къ посредничеству въ этомъ дѣлѣ, то только къ посредничеству въ чисто французскомъ дѣлѣ, которое однакоже предпринималось ради общеевропейскаго вопроса; онѣ нисколько не приглашались къ участию въ разрѣшеніи этого вопроса, по праву имъ принадлежащаго столько же какъ и Франціи. Сѣтованія что Франція была покинута Европой на съѣдѣніе Пруссіи наполняютъ до сихъ поръ всю французскую печать всѣхъ безъ изыятія политическихъ отгѣнковъ. Совершенно изолированное положеніе Франціи, лишенной не только союзниковъ, но даже всякихъ вполнѣ дружественныхъ и преданныхъ ей нейтральныхъ силъ, было конечно одною изъ существенныхъ причинъ ея страшныхъ пораженій, и въ особенности обусловило весь дальнѣйшій бѣдственный ходъ войны и переговоровъ о мирѣ. Точно также и внутри Франціи вопросъ о войнѣ не былъ подвергнутъ обсужденію народнаго представительства. Направляя дипломатическіе переговоры къ войнѣ съ неумовною лоспѣшностью, французскіе министры всячески старались избѣгнуть участія въ нихъ палаты, хотя уже тогда предпріятіе не могло не представиться громаднымъ и національнымъ.

Но императорское правительство затѣяло все это дѣло на свой страхъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ своего полного дипломатическаго торжества или же побѣды на войнѣ, оно могло вкушать одно и безраздѣльно все ихъ плоды, какъ внутри самого

государства, такъ и въ Европѣ. Стремиться къ этой именно цѣли было вынуждено императорское правительство всѣми обстоятельствами своего политическаго положенія, какъ вѣшняго, такъ и внутренняго. Это положеніе сложилось издавна, и такимъ образомъ мы должны перейти къ дальнѣйшимъ или первоначальнымъ причинамъ войны, сдѣлавшимъ ее неизбежною.

Весь ходъ данный французскимъ правительствомъ переговоровъ о Гогенцоллернскомъ вопросѣ, ихъ рѣшительность и рѣзкость съ самой первой минуты, неслыханная въ дѣтописяхъ дипломатіи и ничѣмъ не вынужденная послѣдствіемъ, быстрая замѣна одного требованія другимъ, все это производитъ впечатлѣніе что оно искало повода къ войнѣ и всячески придиралось для этого къ Пруссіи, что оно *cherchait querelle*, какъ и выражались объ его дѣйствіяхъ въ Берлинѣ въ то время и въ послѣдствіи. Мы никакъ не хотимъ этимъ сказать чтобъ императоръ Наполеонъ III непременно, во что бы то ни стало, желалъ войны; въ этомъ и не было для него никакой политической необходимости, и мы даже убѣждены въ чистосердечіи императорскаго правительства, когда оно энергически удостоверяло другія державы (въ особенности Англію) въ своемъ горячемъ желаніи мира и мирнаго исхода дипломатической кампаніи. Едва ли не правы его защитники, доказывающіе что война возникла вопреки желаніямъ императора и его министровъ. * Но императорское правительство желало во что бы то ни стало, и не могло не желать, необычайно блистательнаго дипломатическаго успѣха надъ Пруссіей, успѣха совсѣмъ выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ дипломатическихъ удачъ, связаннаго съ униженіемъ Пруссіи въ глазахъ всей Европы и затѣмъ въ особенности въ глазахъ всей Франціи, вознаграждающаго за Садовую и разомъ восстанавливающаго весь омраченный ореолъ могущества императора, его *prestige*, какъ въ Европѣ, такъ и въ особенности во Франціи. Для такого успѣха было недостаточно того удовлетворенія какое получалось Франціей съ отказомъ Гогенцоллернскаго принца и какимъ могло удовольствоваться всякое другое правительство, въ обыкновенныхъ условіяхъ своего внутренняго положенія. Въ случаѣ недостиженія этой цѣли дипломатическимъ путемъ, на

* Между прочимъ не разъ упомянутый анонимный авторъ, *Scrator*, приписывающій положительно желаніе войны Пруссіи, а не Франціи.

что надѣялось императорское правительство, но на что оно, конечно, не могло вполнѣ разчитывать, оно рѣшалось и на войну, которую, безъ сомнѣнія, не считало столь для себя опасною какъ она сдѣлалась. Колебанія между рѣшимостью на войну и страхомъ ея, въ эти дни не могли не быть очень велики. Кто возьмется уловить и опредѣлить всѣ необычайно разнообразныя и сложныя психическія движенія которыя въ это время могли волновать правительственную среду имперіи и самого императора? Могли быть минуты и даже дни когда желаніе мира господствовало надъ всѣмъ остальнымъ, ибо внутреннія великія опасности, сопряженныя съ военными неудачами, не могли же не представляться соображеніямъ императора. Одно кажется несомнѣнно, что въроятія неудачи и шансы побѣды нисколько не были взвѣшены съ тою зрѣlostью какаѧ требовалась въ этомъ случаѣ; война доказала до послѣдней очевидности что какъ боевыя силы противника, такъ въ особенно-сти свои собственныя, не были достаточно извѣстны императорскому правительству. Надежда на содѣйствіе Южной Германіи доказываетъ полное невѣжество относительно политическаго положенія Германіи. Къ недостатку свѣдѣній о Германіи, обусловленному всѣмъ образованіемъ и характеромъ французскихъ государственныхъ людей вообще, присоединялись, отчасти случайное, по своей исключительности, индивидуальное легкомысліе людей первенствовавшихъ въ то время въ правительствѣ Наполеона III и нисколько не случайная государственная неопытность большинства его совѣтниковъ, поставленныхъ подлѣ него парламентскимъ движеніемъ и реформою конституціи. Затѣмъ вѣтренность съ которою большинство законодательнаго корпуса вторило задорнымъ рѣчамъ министровъ и приняло войну безъ малѣйшаго серіознаго обсужденія должна быть поставлена въ упрекъ уже не однимъ правительственнымъ лицамъ, а всей націи, избирающей подобныхъ представителей; искусственная организація выборовъ со стороны правительства только въ весьма слабой степени можетъ извинить народъ въ небрежности къ своимъ важнѣйшимъ гражданскимъ обязанностямъ. Вѣтренность съ которою была рѣшена война нѣсколько оправдывается только всеобщимъ невѣжествомъ Франціи относительно силъ Германіи; оно слишкомъ рельефно высказалось въ крикахъ о promenade à Berlin или, въ томъ вертопрашествѣ съ которыми, если вѣрить разказамъ,

и некоторые французские министры предполагали окончить всю кампанию въ 20 дней и говорили о прусской армии: „il suffit de souffler dessus“. Ко всему этому нужно присовокупить личный характер самого императора, до сих пор далеко не разгаданный и наполненный самыми крайними противорѣчіями; колеблемость чувствъ, соединяющихъ въ себѣ чрезвычайную нерѣшительность съ чрезвычайною отвагою, колеблемость мыслей, соединяющихъ самыя противоположныя политическія стремленія, въ томъ числѣ и самыя туманныя, всегда отличали этотъ странный характеръ, и въ высшей степени усилились со старческимъ возрастомъ. Этотъ возрастъ и утомленіе самой исключительной политической карьеры требовали отдыха и покоя, которые съ каждымъ годомъ царствованія дѣлались для Наполеона III все менѣе и менѣе возможными, а предъ войною — совсѣмъ невозможными. Всѣ эти обстоятельства, отчасти и исторически необходимыя, отчасти не необходимыя, содѣйствовали той чрезвычайно изумительной легкости и поспѣшности съ которыми императорское правительство, не бывъ приготовлено къ войнѣ, готово было рискнуть въ случаѣ недостиженія своей дипломатической цѣли; тѣ же обстоятельства, приведя къ войнѣ, значительно обусловили ея плачевные результаты. Но фактомъ господствующимъ надъ всѣмъ остальнымъ была все-таки та роковая необходимость въ которую поставлена была Французская имперія непремѣнно выбирать между оглушительнымъ дипломатическимъ успѣхомъ, предложеніемъ Пруссіи условій которыхъ послѣдняя принять никоимъ образомъ не хотѣла и не могла, и войною! Эта роковая необходимость сложилась всѣми историческими условіями внутренняго и внѣшняго бытія второй Французской имперіи, съ одной стороны, и такими же условіями возникновенія Германской имперіи, съ другой. Не можемъ не припомнить здѣсь весьма характеристическихъ словъ сказанныхъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ послу Великобританіи, на замѣчаніе лорда Лайонса о неприличной рѣзкости тона герцога Грамона въ законодательномъ собраніи относительно переговоровъ съ Пруссіей предъ войною: „Моя рѣчь, говорилъ герцогъ Грамонъ, была совершенно необходима по отношенію ко внутреннему положенію Франціи (къ возбужденію ея національнаго чувства), и дипломатическія соображенія должны были совсѣмъ уступить вопросу о спасеніи государства внутри

(du salut public à l'intérieur)". Такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ, становился для императорскаго правительства вопросъ о спасеніи государства, то-есть *имперіи*, предъ которымъ должны были смолкнуть всякія иныя соображенія международнаго права, годныя для обыкновенныхъ обстоятельствъ, а не для тѣхъ исключительныхъ въ которыхъ находилась тогда Франція по отношенію къ самой себѣ и къ Германіи. Не вникнувъ въ эти обстоятельства, разумѣется, нельзя усмотрѣть таковаго вопроса изъ одного дипломатическаго хода дѣла.

Война между Франціей и Германіей давно дѣлалась неизбежною, вслѣдствіе внутреннихъ политическихъ условій каждой изъ нихъ и ихъ взаимныхъ отношеній; она могла быть предотвращена только исключительною мудростью совѣтниковъ императора Французовъ. По стеченію всѣхъ обстоятельствъ, такой мудрости правителямъ имперіи 1870 года не достало.

Сдѣлаемъ самый бѣглый очеркъ этихъ историческихъ условій, сдѣлавшихъ столкновеніе обоихъ народовъ неизбежнымъ, предоставляя себѣ въ будущемъ вернуться къ болѣе подробному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ сторонъ въ современной жизни Франціи и Германіи; мы ихъ коснемся теперь лишь настолько насколько это необходимо для объясненія причинъ войны и ея послѣдствій.

Можетъ казаться страннымъ что Наполеонъ III вынужденъ былъ рисковать войною для спасенія имперіи, когда, съ одной стороны, незадолго предъ тѣмъ Французскій народъ, семью милліонами голосовъ, снова благословилъ его на царство (плебисцитъ о реформѣ конституціи), и огромное большинство народнаго представительства всецѣло принадлежало имперіи, при самой ничтожной цифрѣ оппозиціи, и когда, съ другой стороны, какъ теперь извѣстно, большая часть, почти всѣ префекты, спрошенные предъ войною относительно настроенія народонаселеній, отвѣчали въ пользу мира. Эти два факта — прочность имперіи и миролюбіе провинціальныхъ населеній — казалось бы противорѣчатъ необходимости войны для благополучія императорской власти, и можно изумляться какимъ образомъ столь прозорливый человѣкъ, каковъ былъ Наполеонъ III, могъ признать себя къ ней вынужденнымъ? Всѣ указанныя факты однако находятъ только въ наружномъ противорѣчій съ тѣмъ критическимъ положеніемъ Франціи для котораго война представлялась единственнымъ исходомъ. Что

касается до мирнаго настроенія большинства французскаго народонаселенія, въ особенности сельскаго, то мы охотно ему вѣримъ, хотя и считаемъ чрезвычайно преувеличеннымъ мнѣнiе писателей полагающихъ будто *вся* Францiя давно разсталась съ своимъ военнoлюбивъмъ и ничего инаго не желаетъ для себя въ послѣднее время, какъ мирнаго развитiя своей промышленности. * Дѣйствительно промышленные и вообще матеріальныя интересы, противныя духу войны, ея самоотверженiю и ея тревогамъ, возымѣли большую силу во Францiи, въ особенности при второй имперiи; прiобрѣтенiе поземельной собственности и спокойное пользованiе ею въ крестьянскомъ народонаселенiи, высокіе заработки, нажива, спекуляція, покупка рентъ на старость, и веселая, легкая жизнь въ городскомъ рабочемъ народонаселенiи и во всемъ среднемъ, были господствующими стремленiями, по свидѣтельству всѣхъ писателей и людеи знавшихъ Францiю въ послѣднее время. Всѣ эти невоинственныя наклонности и заявили себя къ ея пагубѣ, когда пламя войны разгорѣлось и потребовало отъ страны необычайныхъ напряженiй, къ какимъ она далеко не была расположена и способна. Но дѣло въ томъ что это пламя можетъ быть какъ нельзя легче зажжено во Францiи! Совѣсть исключительная политическая особенность этой страны, которую мы постараемся объяснить въ послѣдствiи, заключается въ томъ что величайшіе и глубочайшіе перевороты могутъ быть совершаемы въ ней весьма небольшими кучками людей, самыми ничтожными меньшинствами, такъ-называемыми политическими партiями, имѣющими во Францiи организацию совѣсть отличную отъ другихъ странъ,—совершаемы вопреки самымъ положительнымъ желанiямъ большинства народонаселенія, которое остается безгласнымъ, безмолвнымъ и безсильнымъ, въ самыя критическія минуты политической жизни государства.

* См. преимущественно Ренана *La réforme*. Авторъ до того преувеличиваетъ мирное промышленное направленiе Французскаго народа, что военныя наклонности его объясняетъ германскими примѣсами, которыя постепенно сглаживались подъ господствомъ кельтическихъ элементовъ. Воинственность Французскаго народа сравнительно съ Германскимъ въ послѣдніе вѣка не подлежитъ сомнѣнiю; а въ давно прошедшія времена всѣ расы были воинственны (кромѣ развѣ Славянъ), и Германцы, и Галлы, и Романы, а будущее еще неизвѣстно. Судить о воинственности германскаго племени по однимъ послѣднимъ войнамъ еще нельзя.

Съ конца XVIII столѣтія, ничтожныя по числу политическія партіи распоряжались судьбами народа и его терроризировали, эксплуатируя его инстинкты и непрерывно производя надъ пассивною народною массою самые отважные государственные эксперименты. Террористы 90хъ годовъ, республиканцы февральской революціи и послѣдней сентябрьской, люди парижской коммуны составляли самое незначительное меньшинство націи. И Франція нерѣдко являлась воинственною въ то время когда огромное большинство ея внутреннихъ жителей мечтало только о мирѣ. Преобладанію воинственной партіи способствуетъ то обстоятельство что нигдѣ армія такъ не обособлена въ своемъ бытѣ отъ мирнаго населенія какъ во Франціи и нигдѣ не играетъ такой значительной политической роли какъ тамъ. Но не одно французское войско и военная партія военнлюбивы во Франціи. Можно спорить о степени воинственности Французскаго народа, и сильно сомнѣваться, особенно теперь, въ боевыхъ его качествахъ, но можно ли сомнѣваться въ страсти къ военной славѣ, *ко gloire, почти* всѣхъ политическихъ партій Франціи, заправляющихъ, каждая въ своемъ районѣ дѣйствія, умами населеній. Теперь очень легко говорить что вся Франція не хотѣла войны въ 1870 году. Конечно была отгѣнки политическихъ мнѣній настроенные противъ войны, и выставяющіе это теперь за особенную свою заслугу; таковы были всѣ партіи болѣе или менѣе примыкавшія къ радикаламъ и социалистамъ, вообще къ парламентской оппозиціи. Но даже и они были такъ настроены скорѣе по своей враждѣ къ имперіи, которую предполагали торжествующею на войнѣ, нежели *по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ*. Политическіе люди склонные къ миру по внутреннему убѣжденію составляютъ рѣдкое исключеніе во Франціи, и они никогда не пользуются въ ней никакимъ значеніемъ, не только вліяніемъ. Лучшимъ тому примѣромъ служатъ французскіе экономисты. Относительно выраженія *воинственность* нужно устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, чтобы понять справедливость всюду существующаго мнѣнія объ отличительномъ воинлюбіи Франціи. Мнѣніе это остается справедливымъ, хотя большею частью только инстинктивно сознается общественнымъ мнѣніемъ, и должно быть нѣсколько очищено критикою. Людей воинственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, любящихъ войну по ремеслу, въ техническомъ, матеріальномъ смыслѣ

этого слова, очень мало теперь въ образованной Европѣ, — во Франціи не болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, какъ доказала это послѣдняя война. Но совсѣмъ не въ этомъ вопросъ чтобы судить о степени воинственности страны въ политическомъ отношеніи. Сущность воинственности Франціи состоитъ въ томъ что для выполненія программы всѣхъ наиболѣе дѣйствующихъ въ ней и произвольно распоряжающихся Французскимъ народомъ политическихъ партій война есть неизбежное условіе. Такъ или иначе, но каждая изъ нихъ хочетъ, или лучше хотѣла внимательства Франціи въ европейскія дѣла, — внимательства не равносильнаго съ другими великими державами, а преимущественно, *à la tête de l'Europe et de la civilisation du monde*. Далѣе, это внимательство предполагается не тайное, не путемъ дипломатическихъ интригъ и вліянія, — на подобіе иныхъ англійскихъ политиковъ, а открытое, *à la face du monde*. Въ этомъ поставляется, или по крайней мѣрѣ поставлялась до сихъ поръ великая цивилизаторская миссія Франціи, и ея слава, *gloire*, ея національная честь. Радикальныя партіи, хотя бы и по-своему, нисколько не менѣе, а еще болѣе расположены работать въ этомъ направленіи, требуя освобожденія, подъ эгидою Франціи, всѣхъ народовъ земнаго шара, — не только отъ всякой чужеземной власти, но даже отъ всяческой домашней тиранніи. Французское правительство не можетъ довольствоваться заботами о государственномъ и общественномъ благополучіи одной Франціи, нѣтъ, оно обязано освобождать, просвѣщать, благоустроить всѣ человѣческія племена, и даже не въ одной Европѣ, а во всѣхъ частяхъ свѣта; всѣ правительства должны считаться съ Франціей за счастье подвластныхъ имъ народовъ, въ этомъ ея *prestige*, въ этомъ ея обаяніе, отъ котораго она отказываться не можетъ, какихъ бы жертвъ это ни стоило для Французскаго народа. Вотъ понятія которыя соединяють между собою всѣ до нельзя разьединенныя политическія партіи и образованные классы Франціи. Очевидно что война такъ или иначе, война за все и противъ всѣхъ, — война за Турцію, за Италію, за Польшу, за Мексику, за Южныя Американскіе Штаты, за Южную Германію, за свѣтскую власть и непогрѣшимость папы, или за европейскій пролетаріатъ и всесвѣтную революцію, — но война необходимо истекаетъ изъ подобныхъ понятій. Одна Франція спо-

собна и должна вести *войну за идею*, таково общее убѣжденіе и гордость каждаго Француза. Но какая бы доблесть въ томъ ни полагалась, для международнаго мира ничто не можетъ быть опаснѣе войнъ за идею. Такихъ идей безконечное множество, да и партій захватывающихъ себѣ правительственную власть подъ знаменемъ то одной, то другой идеи, также не мало во Франціи. Всякая война ради государственныхъ и національных *интересовъ*, хотя бы самыхъ своекорыстныхъ и алчныхъ, несравненно менѣе страшна для мира Европы, чѣмъ война за идею; ибо всякіе интересы ограничены и ясны, а идеи безконечны и неопредѣленны. Война за интересъ носитъ въ себѣ самой, по своей сущности, свое самоограниченіе, и по необходимости требуетъ признанія чужихъ интересовъ, а война за идею такъ же безгранична какъ фанатизмъ, который она вызываетъ и которымъ отличаются всѣ безъ изыятія политическія партіи во Франціи. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о воинственности Французскаго народа, массы котораго съ такою изумительною наивностью готовы нести диктатуру всякаго рода, будь ли то диктатура чиновниковъ и агентовъ правительственной партіи, или политическихъ агитаторовъ и вожаковъ революціонной оппозиціи. Вовлечь Францію въ войну за идею, какую бы то ни было, за восточную, польскую, римскую, социалистическую идею, не встрѣтивъ серіознаго сопротивленія въ народныхъ массахъ и въ образованномъ обществѣ, какъ бы миролюбиво они ни были настроены,—всегда очень легко. Независимо отъ идеи, военная слава сама по себѣ, даже въ тѣсномъ смыслѣ, имѣетъ особую прелесть для Франціи, для всѣхъ ея политическихъ людей и даже для народныхъ массъ, чуждыхъ всякой политики; исключеніе составляютъ философы и отвлеченные мыслители, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Относительно наиболѣе популярныя (въ общей сложности) общественныя слои—это военные, войско; наиболѣе популярныя люди—это военные; наиболѣе популярныя въ исторіи правленія — военныя (конвентъ, первая имперія, и вторая въ теченіи перваго своего періода). Къ арміи всѣ общественныя классы и всѣ партіи, раздраемыя ожесточенными междоусобіями и кровавою взаимною ненавистью, относятся все-таки съ наибольшимъ почтеніемъ и съ наибольшею любовью. Каждое правительство во Франціи должно прежде всего заботиться о томъ чтобы

быть въ дружбѣ съ войскомъ. Наименѣе популярное правленіе во Франціи было царствованіе Лудовика-Филиппа, отличавшееся отъ всѣхъ правительствъ преимущественно своимъ гражданскимъ, не военнымъ, характеромъ и политическимъ невмѣшательствомъ въ чужія дѣла. Нынешній правитель Франціи, изощренный опытомъ государственныхъ дѣлъ, изучившій французскіе нравы до послѣдней тонкости, очень хорошо знаетъ что онъ дѣлаетъ, когда онъ старается какъ можно болѣе окружить себя, въ глазахъ народа, военными атрибутами и снискать себѣ расположеніе арміи. Въ настроеніи всѣхъ французскихъ умовъ, господствующемъ съ войны и до сихъ поръ, не заявляетъ ли себя до нелзя духъ военной славы? Всякій Французъ сколько-нибудь сознательно любящій свое отечество долженъ сознаться что бѣдствія войны, какъ они ни были велики, ничтожны въ сравненіи съ внутренними общественными язвами Франціи, которыя раскрылись до такихъ ужасающихъ размѣровъ во время парижскаго возстанія и которыя были главною причиною самыхъ поражений. Это отлично понимаютъ и высказываютъ сами Французы. Между тѣмъ чѣмъ болѣе всего болѣетъ всякое французское сердце? Омраченіемъ военной славы Франціи и упадкомъ ея значенія въ Европѣ. Какой вопросъ непрерывно заглушаетъ всѣ остальные, посреди развалинъ всего государственнаго зданія? Вопросъ о мести, о возвращеніи утраченной военной славы!

Мы могли бы привести на это много доказательствъ, еслибъ это не было слишкомъ всемъ извѣстно. Укажемъ здѣсь въ видѣ разительнаго примѣра на воинственное раздраженіе противъ Германіи со стороны самыхъ умѣренныхъ и самыхъ миролюбивыхъ писателей; сверхъ всѣхъ уже прежде нами названныхъ сочиненій и статей упомянемъ здѣсь о недавней статьѣ г. Сюдра, какъ самой характеристической. Сюдръ экономистъ и врагъ всѣхъ крайнихъ мнѣній; между тѣмъ онъ говоритъ что Франціи не остается теперь ничего болѣе какъ бросить всякіе труды мира и сдѣлаться *народомъ-солдатомъ* (*peuple-soldat*)!

Изъ описанныхъ нами наклонностей Французской націи прежде всего возникло то исключительное положеніе вещей въ которомъ вторая имперія вынуждена была рѣшиться на войну, какъ на свое спасеніе, а Германія считать войну съ

Франціей неизбѣжною. Но всего этого было бы еще недостаточно чтобы произвести взрывъ въ 1870 году, еслибы не было другихъ обстоятельствъ дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи.

Мы никакъ не хотимъ оспаривать что интересы промышленности и мира получили значительное развитіе во Франціи, преимущественно въ царствованіе Наполеона III, и стали сильно противодѣйствовать всякимъ инымъ національнымъ порывамъ; * борьба между потребностями мира и стремленіями къ первенству въ Европѣ долго задерживала взрывъ войны съ Германіей, и причиняла, какъ надо полагать, не мало колебаній въ колеблющейся душѣ императора. Но въ общемъ настроеніи тѣхъ нравственныхъ силъ французскаго общества которыя опредѣляли собою внутреннее политическое положеніе имперіи, наклонности къ войнѣ и интересы съ нею связанные болѣе и болѣе получали верхъ надъ интересами мира. Припомнимъ сперва тотъ несомнѣнный фактъ что во всѣхъ своихъ сколько-нибудь вліятельныхъ политическихъ сферахъ, правительственныхъ и оппозиционныхъ, Франція не могла примириться съ торжествомъ Пруссіи въ Германіи, съ усиленіемъ могущества Пруссіи и, подъ ея главенствомъ, Германіи въ Европѣ. Со всѣхъ сторонъ требовалось возмездіе за Сadowу (*revanche pour Sadowa*), возстановленіе европейскаго равновѣсія, поколебленнаго совсѣмъ измѣнившимся положеніемъ Пруссіи, и какое-либо вознагражденіе за ущербъ нанесенный международному могуществу Франціи. То въ силу искренняго убѣжденія, по французскимъ шовинистскимъ традиціямъ, то какъ оружіе политической борьбы противъ правительства, такъ или иначе, во всѣхъ политическихъ кругахъ указывалось императорскому правительству на побѣдную Пруссію, какъ на посрамленіе, какъ на черную точку второй имперіи. Если всякое другое правительство должно считаться съ такимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, то для второй имперіи оно составляло вопросъ жизни: и безъ Германіи, собралось къ срединѣ 1870 года на горизонтѣ имперіи уже не мало зловѣщихъ черныхъ точекъ.

Вся власть Наполеона III во Франціи основана была на двухъ элементахъ: на легендѣ великаго императора и на

* См. E. Renan, *La Réforme*.

ланическомъ страхѣ красной революціи во всѣхъ слояхъ французскаго общества, видѣвшаго во второмъ императорѣ спасителя отъ междоусобій и анархіи, ежедневно готовой снова разразиться. Къ этому, если угодно, присоединялся третій элементъ могущества Наполеона III, истекавшій изъ двухъ первыхъ: убѣжденіе низшихъ рабочихъ массъ, раздраженныхъ во Франціи, какъ нигдѣ, противъ имущихъ и высшихъ классовъ, что императоръ ихъ покровитель, олекутъ, печальникъ, противъ козней аристократіи и буржуазіи. Городскія рабочія массы, самыя опасныя для порядка, разчитывали на работу и высокіе заработки, доставляемые имперіей, которая къ тому же переманивалась съ социалистами и съ вожаками революціонныхъ рабочихъ бандъ, * а крестьяне питали болѣе платоническую вѣру въ легенду, въ наслѣдника великаго человѣка, посланнаго когда-то Провидѣніемъ водворить земскій миръ въ несчастной Франціи, возстановить низверженные алтари (*les autels renversés*), оттолкнуть нашествіе всей Европы и возвеличить Францію во всемъ мірѣ до египетскихъ пирамидъ и Московскаго кремля. Наконецъ въ связи со всѣмъ этимъ была сильная поддержка для императорской власти со стороны духовенства, могущественнаго общественнаго слоя во Франціи; оно видѣло въ имперіи правленіе наиболѣе благопріятное для всѣхъ церковныхъ и религіозныхъ интересовъ, и сверхъ того находило даже подлѣ трона (въ императрицѣ) болѣе прямое покровительство для своихъ личныхъ интересовъ. Во всѣхъ этихъ силахъ второй Французской имперіи были конечно нѣкоторые проблески тѣхъ здоровыхъ и дѣйствительныхъ силъ которыми держится всякая монархія, но настоящихъ основъ исторической монархической власти она не имѣла: она была въ основаніи своемъ все-таки узурпаціей, захватомъ власти нагло совершеннымъ среди бѣлаго дня, на глазахъ всѣхъ подданныхъ (а не во мракѣ давно прошедшихъ временъ исторіи, какъ случалось со многими монархіями). Сверхъ того сама нравственная личность узурпатора и всѣ его сподвижники не внушали никому уваженія. Могущество второй имперіи было совсѣмъ отрицательнаго свойства: на нее смотрѣли, и въ образованномъ обществѣ и въ народныхъ массахъ, какъ на единственную охрану противъ вра-

* Объ этомъ будемъ говорить въ послѣдствіи, по поводу рабочаго вопроса.

говъ, какъ на временное перемиріе въ междоусобицѣхъ, какъ на оружіе страха противъ самой Франціи и противъ Европы; и терпѣли какъ *необходимое зло*, и иначе никто къ ней не относился. Никакихъ положительныхъ силъ исторической монархіи она около себя не сосредоточивала: ни любви, ни преданности, ни самоотверженія. Подобное царствованіе, чтобы держаться, должно быть необыкновеннымъ, чего вовсе не требуется отъ монархической власти въ нормальныхъ условіяхъ ея существованія, а царствованіе Наполеона III все болѣе и болѣе падало и дѣлалось ниже посредственности.

Всѣ упомянутыя выше весьма искусственныя и шаткія основы второй имперіи были значительно потрясены предъ ея концомъ. Въ силу легенды, она обязана была окружить Францію величіемъ, во всемъ мірѣ и постоянно держать въ рѣшлѣхъ всю Европу,—требовалось смыть пятно Ватерлоо и Вѣнскихъ трактатовъ, возжечь новое сіяніе около памяти великаго предка! Первая половина царствованія Наполеона III совершенно соответствовала этимъ чаяніямъ; она, казалось, возвела Францію на высоту лучшихъ дней первой имперіи; но затѣмъ во второй половинѣ все болѣе и болѣе меркла звѣзда императора и блескъ Франціи въ Европѣ: рушились одно за другимъ всѣ вѣншія его предпріятія (мексиканское, польское, итальянско-римское) и вмѣсто поклоненія Парижу, послѣ всемірной выставки 1867 года (апогея царствованія), Европа какъ будто призывалась поклоняться Берлину.

На всѣхъ театрахъ дипломатическаго дѣйствія Франція оказывалась обойденною и почти обыгранною. Ни въ Испаніи, ни въ Италіи французскому вліянію не удавалось дать рѣшительнаго направленія дѣламъ: все устраивалось безъ Франціи и даже вопреки ея замысламъ и интересамъ.

Послѣднія надежды на территоріальное пріобрѣтеніе посредствомъ издавна и хитро задуманныхъ разчетовъ на союзъ съ Пруссіей разлетались во прахъ. Совсѣмъ не входить въ границы нашего труда разбирать всѣ эти запутанныя закулисные переговоры, длившіеся многіе годы между императоромъ и нынѣшнимъ вождемъ прусско-германской политики, и искать оправданій или осужденій для того или другаго. Про дипломатію можно сказать: *à la guerre comme à la guerre*, это своего рода война, и даже хуже, потому что, по общепринятымъ понятіямъ, въ области дипломатіи самыя коварныя способы дѣйствія считаются позволенными,

неискренность признается высочайшею мудростью, и о благороднѣйшихъ сторонахъ военныхъ доблестей тутъ не можетъ быть и рѣчи. Относительно многолѣтнихъ переговоровъ между главою Французской имперіи и главою прусской политики, начавшихся когда-то подъ самыми нѣжными впечатлѣніями морскихъ купаній въ Біаррицѣ, продолжавшихся въ послѣдствіи въ Берлинѣ, въ кабинетахъ г. Бенедетти и князя Бисмарка, и закончившихся такимъ страшнымъ фіаско для императорскаго правительства, мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, совсѣмъ нейтральное и чуждое всякому желанію обвинять ту или другую сторону за недобросовѣстность этихъ переговоровъ. Европейская публицистика слишкомъ переполнена этого рода обвиненіями, совсѣмъ безплодными въ смыслѣ нравственнаго назиданія, чтобы стоило къ нимъ возвращаться. Замѣтимъ только одно, что если, къ стыду цивилизованнаго человѣчества, успѣхъ въ дипломатіи увѣнчиваетъ всякое дѣло, и цѣль оправдываетъ всякія средства, то въ настоящемъ случаѣ цѣли съ обѣихъ сторонъ были далеко не одинаковы, и въ нравственномъ отношеніи не равносильны. Интересъ французскаго правительства заключался только въ расширеніи французской территоріи, въ новыхъ приобрѣтеніяхъ, никакъ не необходимыхъ для безопасности государства, въ польщеніи національному честолюбію и тщеславію. Для прусскаго правительства, ставшаго во главѣ Германіи, дѣло шло объ охранѣ неприкосновенности германской земли, о недопущеніи ея раздробленія (лѣвый берегъ Рейна), и объ отвращеніи алчности сосѣда къ какой-либо иной добычѣ въ другихъ государствахъ. Едва ли какъ нравственная такъ и государственная сторона французской цѣли можетъ служить сама по себѣ къ оправданію потраченныхъ на нее способовъ дѣйствія, еслибъ и признать цѣль оправдывающею средства. И едва ли не очевидно нравственное и государственное превосходство мотивовъ со стороны Пруссіи. Крушеніе всѣхъ дипломатическихъ видовъ императора Наполеона III на Пруссію было окончательнымъ урономъ въ его внѣшней политикѣ, *coup de grâce* для нея, совсѣмъ обнажившимъ ея несостоятельность предъ внутренними врагами, и безъ сомнѣнія долженствовавшимъ чрезвычайно содѣйствовать его личному раздраженію, при всемъ флегматическомъ спокойствіи его темперамента. Этими послѣдними личными психическими элементами событій невозможно пренебрегать. Къ по-

литической необходимости колоссальнаго дипломатическаго успѣха надъ Пруссіей въ 1870 году примѣшивалась огромная доза личнаго самолюбія императора, оскорбленнаго и можно сказать одураченнаго прусскою дипломатіей. Раздраженіе императора должно было быть тѣмъ больше что въ его отношеніяхъ къ Германіи была минута торжества,—и даже такого торжества предъ лицомъ всего свѣта что казалось prestige его самого и всей Франціи предъ лицомъ Европы возсіялъ новымъ блескомъ. Участіе французскаго правительства въ условіяхъ Никольбургскаго мира въ 1866 году имѣло такой видъ что Наполеонъ III, оставаясь сперва совѣтъ постороннимъ свидѣтелемъ борьбы Пруссіи и Италіи съ Австріей, являлся всемогущимъ рѣшителемъ ея результатовъ и всего новаго положенія вещей возникавшаго изъ нея въ Европѣ: изъ его рукъ Италія получала Венецію, его рукою проводилась Майнская черта между Сѣвѣрною и Южною Германіей, одною этою рукою указывались предѣлы видамъ Пруссіи въ Германіи, устанавливался по указаніямъ Франціи новый порядокъ во внутреннемъ устройствѣ Германіи, и однимъ могущественнымъ словомъ Французскаго императора воздвигался въ Европѣ оплотъ противъ непомятаго честолюбія Пруссіи. Но именно это-то мгновенное торжество и было всего опаснѣе для императорскаго правительства, вводя его въ страшные соблазны и заблужденія относительно права вмѣшательства въ дѣла Германіи, и вообще относительно степени своего могущества въ распоряженіи картою Европы. Прусское правительство совершило подвигъ необычайнаго политическаго благоразумія оставившись въ 1866 году на Майнской линіи и Сѣверо-Германскомъ Союзѣ въ дѣлѣ объединенія Германіи, не простирая далѣе своихъ ударовъ и требованій противъ Австріи и Юго-Германіи и воздержавшись до времени отъ борьбы съ Франціей, которая была неизбежна для довершенія этого дѣла. Пруссія нисколько не думала останавливаться на своемъ пути; усиливала свои средства и болѣе и болѣе приобрѣтала увѣренность окончательнаго своего торжества въ недалекомъ будущемъ. Все это, кажется, было мало сознано во французской правительственной средѣ, и совѣтъ не понято во французскомъ обществѣ, большинство котораго продолжало жаловаться на усиленіе Пруссіи и объединеніе Германіи, и никакъ не примирялось съ этимъ фактомъ, какъ съ фактомъ неотразимымъ, и въ особенности неотразимымъ силами одной

Франціи. Голоса о необходимости приобрѣтенія всего лѣваго берега Рейна, какъ естественной границы между Франціей и Германіей, не только не прекращались послѣ 1866 года, а даже усиливались въ то самое время когда такое приобрѣтеніе сдѣлалось менѣе чѣмъ когда-либо возможнымъ для Франціи. Точно также было невозможно всякое вознагражденіе за расширение Пруссіи, — въ Бельгіи, въ Швейцаріи, куда никогда не переставали обращаться взоры французскихъ дипломатовъ, и куда они снова были направлены переговорами съ Пруссіей. Едва ли можно сомнѣваться что самъ императоръ Наполеонъ III удовольствовался бы всякимъ вознагражденіемъ, сколько-нибудь блистательнымъ образомъ становившимъ его европейскій prestige въ глазахъ его народа; но отыскать такое вознагражденіе безъ войны было трудно при нынѣшнихъ условіяхъ политической жизни европейскихъ народовъ. Это напимѣръ доказалъ Люксембургскій вопросъ, который невозможно было разрѣшить въ пользу Франціи, вопреки желаніямъ люксембургскаго народонаселенія. Во всякомъ случаѣ нельзя было ожидать чтобы прусское правительство было расположено напрягать особенныя свои старанія къ усиленію Франціи, при полномъ сознаніи своего могущества и при своей увѣренности въ раннемъ или позднемъ съ нею столкновеніи. Къ усиленію Франціи не были впрочемъ расположены и всѣ другія правительства Европы, изъ которыхъ не было ни одного не потерпѣвшаго такъ или иначе отъ безпокойной политики второй имперіи; исключеніе изъ этого составляетъ только одна Англія, но и та уже давно признала болѣе выгоднымъ для своихъ интересовъ усиленіе на континентѣ Европы могущества Пруссіи, чѣмъ Франціи. Впрочемъ значеніе дружественнаго союза Англіи съ Франціей, составлявшаго наибольшую дипломатическую силу второй имперіи, заключалось главнѣйшее въ томъ что онъ служилъ для Англіи средствомъ сдерживать враждебные миру Европы замыслы императорской политики, и наиболѣе выгоднымъ для себя образомъ руководить воинственными традиціями императорской политики, которыя были всего болѣе враждебны въ отношеніи къ Англіи и съ которыми она менѣе всякой другой страны могла ужиться. Французы жалуются что въ Европѣ не нашлось ни одного государства которое бы пришло имъ на помощь въ ихъ борьбѣ съ Пруссіей за европейское равновѣсіе, нарушенное послѣдствіемъ; но они страннымъ образомъ забыва-

ють что установленіе второй французской имперіи было первымъ крупнымъ нарушеніемъ этого равновѣсія, какъ оно было опредѣлено Вѣнскимъ конгрессомъ; само существованіе этой имперіи, за которое была предпринята война 1870—71 годовъ, было самымъ волюющимъ поруганіемъ Вѣнскихъ трактатовъ, необходимость разорванія которыхъ впрочемъ была неоднократно провозглашаема императоромъ Наполеономъ III. * Эта сторона внѣшняго положенія Французской имперіи заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, когда во французской публицистикѣ обвиняется Европа за допущеніе погрома Франціи. Когда Французы говорятъ что побѣдами Пруссіи была уничтожена Европа 1815 года, то можно ли оспаривать что эта Европа болѣе не существовала со вступленіемъ Наполеоновской династіи на французскій престолъ? Въ окончательномъ результатѣ всѣхъ дѣяній второй имперіи, предпринятыхъ къ возвеличенію Франціи на поприщѣ иностранной политики, оказывалась полнѣйшая несостоятельность, наканунѣ поднятаго ею Гогенцоллернскаго вопроса: два принципа о которыхъ императорское правительство прокричало на весь свѣтъ и посредствомъ которыхъ оно наиболѣе надѣялось упрочить свое могущество и вліяніе въ международныхъ отношеніяхъ,—принципъ національностей и принципъ естественныхъ границъ,—оба обращались повсемѣстно въ ущербъ Франціи и имперіи. Самою свѣтлою стороною всей международной дѣятельности второй имперіи были ся либеральные торговые трактаты, чрезвычайно содѣйствовавшіе развитію французской промышленности; но и противъ нихъ снова подымались голоса протекціонистовъ, составлявшихъ немаловажный контингентъ въ общей массѣ недовольныхъ, предъ взрывомъ войны.

Другая сила на которую опиралось императорское правительство,—всеобщее сознаніе что оно необходимо для охраны внутренней безопасности и порядка,—была не менѣе потрясена чѣмъ внѣшнее обаяніе. Всѣ либеральныя и парламентскія реформы, вызванныя гораздо болѣе отвлеченными и теоретическими требованіями политическихъ партій, чѣмъ практическими нуждами всего французскаго общества, не только не принесли никакой пользы къ успокоенію умовъ, но внесли въ

* Извѣстно что единственный протестъ противъ законности второй имперіи былъ со стороны Россіи, и въ этомъ была одна изъ главныхъ причинъ Восточной войны.

нихъ тревогу, и эта тревога всѣхъ дѣйствующихъ партій, изъ которыхъ ни одна не была искренне предана имперіи, возрастала съ каждымъ днемъ. Парламентскія пренія 1869—70 годовъ, на которыя возлагались упованія всѣхъ либеральныхъ элементовъ императорскаго лагеря, были самыми безплодными въ парламентской исторіи Франціи; они не привели ни къ одной серіозной законодательной или административной мѣрѣ, и ничего иного не произвели кромѣ раздраженія политическихъ страстей въ высшихъ классахъ. То же самое дѣйствіе имѣли въ низшихъ классахъ открытіе клубовъ и дозволеніе публичныхъ сходовъ. Вся свобода слова и весь просторъ политической жизни дарованные императорскимъ правительствомъ не получили никакого иного употребленія въ странѣ, въ рукахъ всѣхъ безъ изъятія партій, какъ служить средствами агитаціи и борьбы къ ниспроверженію имперіи. Франція просыпалась, и переходила отъ періода апатіи и молчанія къ періоду революціонныхъ движеній, которыя съ такою непреложностію перемежаются въ ней послѣ 1789 года. Всѣ безъ изъятія оппозиціонныя партіи добивались не провести ту или другую мѣру, или не свергнуть правительственную партію и занять ея мѣсто, какъ это дѣлается въ другихъ конституціонныхъ государствахъ, а хотѣли измѣнить самыя основы правленія, то-есть низложить императорскую династію. Къ этому неизмѣнному ходу политической жизни во Франціи послѣ великой революціи, присоединялась совсѣмъ новая и наиболѣе грозная стихія безпорядковъ, впервые выступившая на политическое поприще въ 1848 году, умиротворенная второю имперіей въ пятидесятыхъ годахъ, и окончательно организовавшаяся въ 1870 году: городскія рабочія массы. Денежныя средства которыми императорское правительство искусственно поддерживало свою популярность въ рабочихъ массахъ, искусственно доставляя имъ трудъ и высокіе заработки, истощились; вся сложная и до крайности фальшивая финансовая система имперіи, громадныя публичныя работы, поддержанныя всяческими полуказенными и казенными спекуляціями, — вся эта система не могла долго держаться; она болѣе и болѣе запутывалась, давая ежегодные бюджетные дефициты, быстро увеличивая государственныя долги, и раздражаясь повременамъ разными биржевыми скандалами, въ которыхъ были компрометтированы высшіе государственные сановники. Эта финансовая система, держав-

таясь въ некоторое время посредствомъ мрака канцелярій и дутыхъ официальныхъ отчетовъ, не могла выдержать ни минуты свободы парламентскихъ преній. Искусственные заработки рабочихъ массъ въ Парижѣ не могла также продолжаться, и это еще болѣе услаивало ихъ недовольство и броженіе. Въ разныхъ рабочихъ организаціяхъ Франціи, какъ мы будемъ говорить объ этомъ въ послѣдствіи, замышлялись политическіе перевороты, и эти замыслы находили для себя то руководство, то сочувствователей въ высшихъ классахъ, которые въ душѣ были всеѣ или непріязненны или равнодушны къ императорской династіи. * Главная причина преданности имперіи, преимущественно въ средѣ буржуазіи, — увѣренность въ охранѣ общественнаго порядка, была поколеблена. Вѣрно-подданныческія чувства какъ миллионы голосовъ подавшихъ плебисциту въ пользу имперіи 1868 года, такъ и большинства законодательнаго корпуса, были совсѣмъ фиктивныя. Не должно упускать изъ виду совсѣмъ исключительный и двусмысленный характеръ этого плебисцита: имъ испрашивалось народное утвержденіе собственно не имперіи, а конституціонной реформы, расширявшей льготы парламента. Всеѣ вожаки леберальныхъ партій, хотя бы и крайне оппозиціонныхъ не только правительству, но и самой имперіи, были нравственно и политически вынуждены агитировать въ пользу реформы. Только безусловно революціонныя партіи, и то съ колебаніями, возбуждали народъ къ отрицательной подачѣ голосовъ. Затѣмъ не должно забывать характера французскаго народнаго голосованія; при необычайной политической пассивности провинціальныхъ и въ особенности сельскихъ населеній, ихъ поголовная подача голосовъ никогда не можетъ служить прочною политическою опорой для правительства. Большинство же законодательнаго корпуса, безгласное, неспособное, лишенное всякой политической независимости, и именно избранное ради своей политической несостоятельности (официальныя кандидатуры), не было никакою опорой для имперіи. Впрочемъ одна изъ особенностей французской политической жизни, не разъ заявлявшая себя самыми трагическими событіями, это совершенная неблагонадежность

* О разныхъ политическихъ заговорахъ въ средѣ рабочихъ, направленныхъ преимущественно противъ французскаго правительства, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, см. Oscar Testut, *L'Internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe*, Paris, 1872.

парламентскаго большинства какъ органа общественнаго мнѣнія самой Франціи или какъ термометра ея политической атмосферы. На одно парламентское большинство ни одно правительство во Франціи не могло до сихъ поръ полагаться. Февральская революція слишкомъ это доказала. Переворотъ 4го сентября 1870 года доказалъ это еще рѣзче: несмотря на восторженную приверженность всего сената и почти всего законодательнаго корпуса въ пользу имперіи, высказавшуюся нѣсколько дней предъ симъ въ самыхъ несомнѣнныхъ демонстраціяхъ, нѣсколько человѣкъ въ парижской Городской Думѣ успѣваютъ объявить имперію и династію низложенными, безъ малѣйшаго протеста ни въ томъ, ни въ другомъ учрежденіи! Императрица Евгенія должна была спастись изъ Тюльерійскаго дворца при помощи ея личныхъ друзей *иностранцевъ*. Изумительная легкость съ которою совершилось низложеніе имперіи, превзошедшая даже легкость февральскаго переворота 1848 года, есть конечно самая постыдная страница въ политической жизни Франціи въ эту эпоху. Но этотъ фактъ вмѣстѣ съ тѣмъ неострашимо свидѣтельствуетъ что конецъ имперіи,—несомнѣнно providѣнный императоромъ Наполеономъ III предъ войною,—былъ дѣйствительно близокъ; затруднительность внутренняго положенія, вынудившая его къ самому отчаянному шагу въ теченіе всего его царствованія, не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію.

Въ этомъ очеркѣ обстоятельствъ потрясшихъ все внутреннія основы императорской власти во Франціи остается упомянуть о римско-католическомъ духовенствѣ и церкви. Эта опора была также значительно поколеблена; общій ходъ дѣлъ въ Италіи и отношенія къ нимъ Франціи болѣе и болѣе уменьшали надежды папскаго престола найти во Французской имперіи охрану противъ натиска Италіянскаго государства на свѣтскую власть папы. Съ разныхъ сторонъ (преимущество въ Германіи)* было приписано римско-католическому духовенству огромное вліяніе на возбужденіе войны 1870—71 годовъ; если это вліяніе, въ смыслѣ прямаго дѣйствія на рѣшимость императора, чрезвычайно преувеличивается, или по крайней мѣрѣ пока ничѣмъ не доказано, то въ косвенномъ дѣйствіи обстоятельство римско-католической церкви на внутреннее положе-

* Такъ даже въ *Исторіи войны 1870—71 годовъ* изданной прусскимъ главнымъ штабомъ дѣлается въ этомъ смыслѣ намекъ на вліяніе императрицы Евгеніи на возбужденіе войны.

ніе Французской имперіи, вызвавшее войну, нельзя сомнѣваться. Значеніе императора Французовъ какъ покровителя римско-католической церкви ослабло уже давно, вслѣдствіе вольнаго и невольнаго участія принятаго имъ въ объединеніи Италіи; это значеніе стало совсѣмъ умаляться вслѣдствіе его рѣшимости вывести французскій гарнизонъ изъ Рима. Невозможность для Франціи сопротивляться долѣе вступленію Италіанской монархіи въ Палескую Область была очевидна, несмотря на знаменитое изреченіе Руэра „jamais“. И въ отношеніяхъ къ жгучему вопросу о свѣтской власти папы колебанія императора Наполеона III были для него фатальны, ожесточивъ противъ него ультрамонтановъ. Совѣсть вѣрующихъ была возмущена возраставшимъ индифферентизмомъ имперіи къ папскому вопросу и къ личной участи римскаго первосвященника; съ новыми совѣтниками имперіи, взятыми изъ либеральныхъ и отчасти демократическихъ партій, можно было ожидать еще гораздо худшаго для церкви. Въ этихъ условіяхъ прежнее пламенное рвеніе римско-католическаго духовенства къ поддержанію императорской власти во Франціи было охлаждено, въ немъ являлись даже прямо недовольные императорскимъ режимомъ. Всего этого слишкомъ достаточно чтобъ имѣть полное право поставить отношенія имперіи къ церкви въ числѣ всѣхъ другихъ затрудненій ея внутренняго положенія предъ войной 1870—71 годовъ.

Такимъ образомъ обрисованное нами внутреннее положеніе Франціи требовало блистательнаго внѣшняго удара, для восстановленія прежняго обаянія и могущества императорской власти, для пораженія толпы недовольныхъ, ежедневно возраставшей и ежечасно напоминавшей императору что дни имперіи сочтены. Въ случаѣ неудачи этого удара, война дѣлалась единственнымъ исходомъ, если и рискованнымъ въ своихъ результатахъ, то во всякомъ случаѣ отвлекавшимъ хоть временно политическія страсти. Дѣйствительно, изъ опубликованныхъ такъ-называемыхъ секретныхъ документовъ имперіи оказывается что въ средѣ приближенныхъ къ императору лицъ обсуждалась мысль о роковой необходимости выбора между войной и государственнымъ переворотомъ (*coup d'état*); но для успѣха послѣдняго не было тѣхъ условій, ни во внутреннихъ обстоятельствахъ Франціи, ни въ личностяхъ окружавшихъ императора, ни въ собственномъ

характеръ, какія были въ 1851 году. Представляя въ этомъ видѣ положеніе имперіи въ 1870 году, мы не хотимъ однако сказать чтобы не было другаго для нея выхода, а именно въ коренныхъ реформахъ административныхъ (преимущественно по мѣстному самоуправленію), финансовыхъ и народно-хозяйственныхъ. Такія реформы спасли другія государства (главнѣйше Англію) отъ революціонныхъ бурь, и ихъ тщетно ожидала Франція отъ всѣхъ своихъ правительствъ, въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія. Второй имперіи, промышленному строенію Франціи, преимущественно развившемуся въ это время, и въ особенности сознанію самого Наполеона III были свойственны многіе необходимые элементы для такихъ реформъ; во многихъ отношеніяхъ это правленіе было даже поставлено для исполненія ихъ лучше всѣхъ предыдущихъ. Многія государственно-хозяйственныя мѣры второй имперіи указываютъ на полное пониманіе новыхъ потребностей времени со стороны самого императора. Но для отважности на глубокія реформы недоставало ему многого: не было ни достаточнаго общаго сознанія въ общественной средѣ, всецѣло подчиненной господству устарѣлыхъ политическихъ традицій великой революціи, позднѣйшихъ не менѣе уже устарѣлыхъ утопій социализма и коммунизма и бюрократическихъ интересовъ, не было подготовленныхъ школою и опытомъ знающихъ исполнителей, и не было, наконецъ, около власти исключительныхъ личностей, способныхъ силою своей воли и таланта превозмочь трудности дѣла и борьбы съ окружающею средой. Въ послѣдствіи мы вернемся къ обсужденію всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ политической жизни Франціи съ 1789 года.

Сверхъ всего этого за реформы было приниматься слишкомъ поздно. Самою настоятельною мыслию Наполеона III въ послѣдніе годы его царствованія было, какъ кажется, никакъ не упроченіе собственной своей власти, на что еще стало бы у него можетъ-быть силъ, но упроченіе династіи и передача престола сыну, что съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе и болѣе невѣроятнымъ. Оставалось обратиться къ самымъ первобытнымъ и простымъ традиціямъ династіи, освѣжить легенду надъ главою будущаго императора и дать ему крещеніе кровью. Первый пушечный выстрѣлъ, пущенный изъ рукъ малолѣтнаго принца Лудовика, какъ нельзя лучше олицетворяетъ все положеніе вещей вызвавшее войну со стороны Франціи.

Внутреннее положеніе дѣлъ въ Германіи дѣлало войну не менѣе необходимою.

Основаніе Сѣверо-Германскаго Союза было только первымъ шагомъ сдѣланнымъ Пруссіей къ объединенію Германіи подъ своимъ главенствомъ; за этимъ шагомъ, подъ страхомъ крушенія всей прусской политики и величайшихъ опасеній для самого Прусскаго государства, должны были слѣдовать другіе. Довершеніе дѣла объединенія Германіи, т.-е. соединеніе Южной съ Сѣвальною, въ какой бы то ни было единой государственной формѣ, невозможно было долѣе откладывать; этимъ надо было даже очень спѣшить. Организція Сѣверо-Германскаго Союза была чисто временная, и была терпима только какъ таковая. Слѣбнительность и запутанность крайне сложныхъ и сбивчивыхъ отношеній, возникшихъ для всѣхъ сѣверо-германскихъ государствъ и въ особенности для Пруссіи изъ тройственнаго устройства (мѣстнаго сѣверо-германскаго и обще-германскаго, такъ-называемаго таможеннаго) и изъ тройственнаго народнаго представительства чувствовались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Мы очень хорошо помнимъ обстоятельства этого времени въ Германіи, ибо имѣли возможность лично ихъ наблюдать въ 1868 году. Съ 1867 не прекращались со всѣхъ сторонъ и отъ всѣхъ партій требованія къ прусскому правительству дать какую-нибудь окончательную форму объединенію. * И условія внутренняго преуспѣванія сѣверо-германскихъ государствъ, реформы законодательства, администраціи, государственнаго хозяйства, и отношенія Сѣвальной Германіи къ Южной Германіи были парализованы неопредѣленною нормой сѣверо-германскаго союзнаго устройства. Изъ этого положенія могло быть два выхода: слитіе Сѣверо-Германскаго Союза въ одно государство, т.-е. превращеніе его въ Пруссію, или пристуленіе Южной Германіи къ Сѣверо-Германскому Союзу и устройство окончательной союзно-государственной формы для всей Германіи. Но въ первомъ случаѣ, задача принятая на себя Пруссіей съ 1866 какъ великое національное

* См. объ этомъ между прочимъ брошюру графа Мюнстера, изданную нѣсколько разъ въ 1867—68, и имѣвшую огромный успѣхъ. Авторъ, человекъ самаго умѣреннаго образа мыслей, доказывалъ невозможность оставаться при Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, и необходимость или образовать изъ него одну монархію или соединить въ одно союзное государство всю Германію.

германское дѣло разрѣшилась бы простымъ увеличеніемъ прусской территоріи, и вмѣсто объединенія, Германія разѣдинилась бы окончательно. Во второмъ случаѣ, требовалась война съ Франціей, которая участвовала въ начертаніи Майнской линіи и никакъ не соглашалась на переступленіе этой черты. Отыскать какое-либо территоріальное вознагражденіе для честолюбія Франціи, взаимнаго безпрепятственнаго объединенія Германіи, было трудно, почти невозможно, какъ мы говорили объ этомъ выше. Еслибы даже это и было возможно, то тогда Пруссія была бы вынуждена вступить ради устройства Германіи въ сдѣлки и обязательства съ остальною Европой, и превратить устройство Германіи въ общеевропейское дѣло, а величайшее искусство и вся тайна прусской политики за послѣднее время заключались именно въ томъ чтобы взять это дѣло въ свои исключительныя руки, *сдѣлать его прусскимъ дѣломъ*, и заставить всю Европу признать его таковымъ. Этотъ пунктъ, уже затронутый нами выше, слишкомъ важенъ чтобы не обратить на него и здѣсь особенное вниманіе. Незаконное и неправильное вмѣшательство Франціи въ устройство Германіи можно, безъ сомнѣнія, было отклонить или даже просто воспретить, дружнымъ вмѣшательствомъ всей Европы, безъ всякаго въ пользу Франціи вознагражденія, на которое она и не имѣла бы въ такомъ случаѣ никакого права. То или другое вмѣшательство въ разрѣшеніе вопроса о новомъ устройствѣ Германіи со стороны всей Европы,—всей Европы установленной Вѣнскимъ конгрессомъ и многими послѣдующими совокупными дѣйствіями великихъ державъ какъ нѣчто цѣлое на почвѣ международнаго права, было бы безъ всякаго сомнѣнія совершенно правомѣрно, ибо организація стараго Германскаго Союза была обезпечена тою же Европой и ея международнымъ правомъ. Такой мирный и строго правомѣрный ходъ европейскихъ дѣлъ былъ бы, конечно, всегда самый желательный и предотвратилъ бы не мало потрясеній.

Только въ такомъ смыслѣ могло быть сколько-нибудь справедливо и притязаніе Франціи на право вмѣшательства въ устройство Германіи. Но международное положеніе Европы такъ сложилось предъ Франко-Германскою войною (и продолжается къ несчастію до сихъ поръ), что всякое общее совокупное дѣйствіе *всей Европы* къ охранѣ международнаго пра-

ва и къ сопротивленію его произвольному нарушенію съ чьей бы то ни было стороны сдѣлалось совсѣмъ невозможнымъ. Достаточно напомнить что международныя соглашенія и передѣлки карты Европы произведенныя Вѣнскимъ конгрессомъ были и въ то время искусственныя и не соотвѣтствовали внутреннимъ историческимъ и національнымъ потребностямъ государствъ, которыя съ тѣхъ поръ совсѣмъ переросли рамки Вѣнскихъ трактатовъ. Съ неотразимою силой заявившія себя всюду движенія, сперва политическія, съ 1830 и потомъ съ 1848 годовъ, а вслѣдъ затѣмъ національныя, гораздо болѣе еще возмутившія европейскій миръ, нарушили территориальныя разграниченія и международныя постановленія 1815. Нарушенія эти не были освящены никакимъ общевропейскимъ международнымъ актомъ, подобнымъ Вѣнскому конгрессу, и оставались внѣ международного закона. Это лишило всѣхъ международныхъ вопросы въ Европѣ законной почвы, и открыло просторъ всякому произволу и праву сильного. Международная европейская система установившаяся послѣ 1815 дѣйствительно дѣлала войну невозможною, и къ несчастію она не была замѣнена въ-время новою системою, новымъ такъ-называемымъ равновѣсіемъ. Оно пошатнулось, и разьединеніе Европы высказалось сперва въ Восточной войнѣ, которая была сама отчасти послѣдствіемъ главнѣйшаго первоначальнаго нарушенія Вѣнскаго соглашенія, вступленія вновь Бонапартовъ на французскій престолъ. Парижскій трактатъ 1856 года снова напомнилъ о существованіи европейской системы, но онъ не былъ актомъ подобнымъ Вѣнскому, обошелъ всѣ затруднительные вопросы, даже тѣ которыхъ разрѣшеніе было уже тогда неминуемо, каковъ Италіанскій. Съ Польскимъ вопросомъ и съ коалиціей возбужденною ею въ сѣверной Европѣ раздѣленіе Европы сдѣлалось полнымъ и окончательнымъ до будущаго конгресса, или общевропейскаго лакта подобнаго Вѣнскому; Россія была отвлечена надолго отъ всякаго совокупнаго общевропейскаго дѣйствія, совсѣмъ парализована въ ту минуту для всякаго активнаго внимательства въ европейскія дѣла, и приближена къ союзу съ Пруссіей, съ единственнымъ государствомъ отказавшимся отъ непріязненнаго на нее наступленія, и солидарнаго съ нею въ Польскомъ дѣлѣ. Безъ Россіи европейская система государствъ не мыслима, ни въ идеѣ, ни въ практической дѣйствительности. Первымъ плодомъ этого

новаго положенія Европы была война Пруссіи и Австріи съ Даніей за Эльбскія провинціи и захватъ ихъ сперва въ пользу Германіи, а потомъ Пруссіи. Въ этомъ событіи, составившемъ первый приступъ со стороны Пруссіи и первую пробу ея оружія въ великой политикѣ (*la grande politique*) объединенія Германіи, окончательно сказалось полное отсутствіе Европы. Безъ Россіи, Англіи и Франціи не рѣшились вступить въ Голштинскій вопросъ. Уже тогда не было Европы, какъ выразился слишкомъ поздно (во время Франко-Германской войны) австрійскій государственный канцлеръ; не было Европы, охранительницы международнаго права отъ нарушеній со стороны сильнѣйшихъ государствъ противъ слабѣйшихъ.

Пруссія, благодаря необычайнымъ дипломатическимъ дарованіямъ вождя своей политики, отлично воспользовалась положеніемъ Европы. Было бы однако легкомысленно и несправедливо не видѣть въ этой политикѣ ничего иного кромѣ преслѣдованія однихъ чисто прусскихъ, а тѣмъ менѣе однихъ династическихъ цѣлей. Нѣтъ никакого сомнѣнія что разрѣшая національную обще-германскую задачу, прусское правительство успѣло вмѣстѣ съ тѣмъ какъ нельзя лучше удовлетворить и собственнымъ своимъ прусско-государственнымъ интересамъ: чрезвычайно увеличить могущество Прусскаго государства, какъ внутри Германіи, такъ и въ Европѣ, и окружить новымъ блескомъ свой царствующій домъ, прибавившій теперь къ прежнимъ своимъ заслугамъ въ исторіи Пруссіи совсѣмъ новыя, предъ всѣмъ Германскимъ народомъ. Династія Гогенцоллерновъ, сильная до сихъ поръ только единодушіемъ вѣрнопопданническихъ чувствъ Прусскаго народа, ею созданнаго, приобрѣла теперь надолго новыя силы въ единодушной благодарности всей Германской націи, видящей нынѣ въ побѣдахъ Германіи и ея объединеніи историческое свершеніе своихъ судебъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени возрасло въ Германіи въ настоящее время уваженіе къ монархической власти, къ принципу монархіи вообще, * и совсѣмъ подавлены не только матеріально, но нравственно,

* До какой степени это справедливо можно судить по обращенію къ монархической идеѣ всѣхъ корифеевъ республиканскаго движенія и радикализма 1848—49 годовъ. Между прочимъ укажемъ на любо-

всѣ федеративныя, республиканскія и связанныя съ ними демагогическія движенія. Недовольными и непримиримыми съ установившимся порядкомъ остаются въ дѣйствующихъ политическихъ кругахъ только мелкія кучки самыхъ крайнихъ людей, ораторы такъ-называемой соціальной демократіи, не имѣющіе пока никакого практическаго значенія въ политической жизни Германіи. Вотъ въ этомъ-то, какъ кажется, и состоитъ высочайшее искусство государствованія: умѣнье укрѣплять власть, усиливать ея основы не упрямымъ сопротивленіемъ народнымъ движеніямъ, а удержаніемъ въ своихъ рукахъ разрѣшенія національныхъ задачъ ими поставленныхъ. Конечно, при этомъ выигрываютъ какъ интересы самой власти, такъ даже и личные интересы самихъ ея представителей, но не иначе какъ посредствомъ удовлетворенія интересовъ народнымъ; чего же можетъ быть лучше? Съ этой стороны слѣдуетъ взглянуть на политику Пруссіи, заставившую ее стать во главѣ Германіи и вступить въ борьбу съ Франціей.

Съ 1848 года повсемѣстно въ Германіи, отъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей до Альповъ, и отъ Рейна до Вислы и Одера, отъ высшихъ политическихъ и ученыхъ собраний, отъ парламентовъ и университетовъ до кофеенъ и пивныхъ лавочекъ, до самыхъ мелкихъ и грязныхъ кнейпъ, вездѣ гдѣ только соберутся два Нѣмца для разговора, тянулась безконечная канитель преній о томъ: идти ли чрезъ единство къ свободѣ или чрезъ свободу къ единству (*durch Einheit zur Freiheit. oder durch Freiheit zur Einheit*). Одна формула обозначала революціонный путь къ объединенію, или по крайней мѣрѣ влекла къ революціоннымъ движеніямъ, рано или поздно сводилась къ нимъ въ своихъ результатахъ, и къ ней болѣе или менѣе примыкали, или могли примкнуть всѣ элементы насильственной демократіи, безпорядка и демагогіи, хотя бы при теоретической постановкѣ вопроса сюда принадлежали и многіе просто либеральные и всѣ партикуляристскіе, всѣ гвельфскіе (напримѣръ ультрамонтанскіе) отгѣнки умственной жизни Германіи. Другая формула выражала объединеніе Германіи сверху, посредствомъ монархической власти и правительственной дѣятельности. Бурныя потрясенія съ которыми были

пытныя въ этомъ отношеніи признанія Іоаганна Шерра (*Hammer-schläge und Historien, das grosse Jahr* и др.)

сопряжены эти пренія въ 1848 и 1849 годахъ потому совсѣмъ улеглись, и все броженіе объединительной идеи превратилось въ весьма мирныя демонстраціи и отвлеченныя бестѣды, которыя однако не умолкали ни на одинъ день. Движеніе всѣхъ умовъ и чувствъ въ Германіи сосредоточилось около этого вопроса; оно постоянно возрастало, и имъ могли воспользоваться, захвативъ его въ свои руки, при тѣхъ или другихъ случайностяхъ, тѣ или другіе интересы. Дѣло могло пойти путемъ революціоннымъ, и для этого нашлось бы достаточно стихійъ какъ въ низшихъ классахъ, такъ и въ самой германской интеллигенціи. Недовольныя массы рабочихъ и ихъ организаціи уже давно возрастали въ Германіи, и имѣли руководителями людей образованныхъ, съ замыслами не всегда столь мирными и консервативными какъ Шульце-Деличъ. На верху, въ политическихъ кругахъ, всюду агитировались въ Германіи конституціонныя реформы, происходили непрерывные конфликты представительныхъ собраній съ правительствами; самое крупное и ожесточенное столкновеніе народнаго представительства съ короною происходило въ самой Пруссіи, тянулось до 1866 года нѣсколько лѣтъ, болѣе и болѣе запутывалось, и хотя не угрожало никакою серіозною опасностью для правительства, но ставило его въ самое неловкое, нравственно безвыходное положеніе, на позорище всей Германіи и почти всей Европы. Уже это положеніе само по себѣ требовало выхода для прусскаго правительства, еслибы даже болѣе существенные политическіе интересы указаннаго выше порядка не заставляли взять въ свои руки объединеніе Германіи. Совершить это великое дѣло сверху, дабы оно не началось снизу, объединить Германію правительственною инициативой и силами монархической власти, дабы за ту же задачу не взялись всѣ антиправительственные и анархическіе элементы, — такова, кажется, была задача Пруссіи, и она съ полнымъ успѣхомъ разрѣшила ее посредствомъ войны съ Австріей и потомъ съ Франціей. Чтобъ объединеніе сверху было возможно, нужна была единая власть и единая воля; для этого было необходимо удалить изъ Германіи Австрію, антагонизмъ которой парализовалъ всякое соглашеніе какъ между всѣми германскими правительствами, такъ въ особенности между Сѣвѣрною и Южною Германіей. Какъ только Пруссія сдѣлалась распорядительницею въ Германіи, такъ она неминуемо должна была выдержать борьбу съ Франціей. Германія

объединяющаяся путемъ революціоннымъ, и потому слабая и разъединенная въ сущности, хотя бы и единая по буквѣ и формѣ, еще могла бы не внушить вражды Франціи, но съ могущественнымъ германскимъ государствомъ, всегда готовымъ и на оборону, и на наступленіе, Франція примириться не хотѣла. Впрочемъ, насколько съ стороны Франціи было неизбежно внимательство въ дѣла Германіи было достаточно изложено выше. Пруссія должна была готовиться къ этой борьбѣ, и чѣмъ она наступала скорѣе, въ виду упомянутого выше напряженнаго положенія дѣлъ въ самой Германіи и Пруссіи и рѣшительной невозможности оставаться долѣе при временной организаціи Сѣверо-Германскаго Союза, тѣмъ было лучше для Пруссіи. Начатое дѣло могло распасться.

Чтобы борьба Пруссіи съ Франціей была успѣшна и чтобы сверхъ того она имѣла результатомъ объединеніе Германіи, необходимо было чтобы Германія вся безраздѣльно вступила въ бой. Никакъ не должно терять изъ виду что Франко-Германская война должна была послужить для Германіи не только средствомъ устранить внимательство Франціи въ ея дѣла, и завоевать въ ея пользу ту независимость внутренняго устройства на какую имѣетъ неотъемлемое право всякое, самое мелкое государство въ отношеніи къ другимъ государствамъ, и какого французское правительство не признавало за Германіей, но эта война должна была сдѣлать еще нѣчто для Германіи: она должна была самымъ своимъ процессомъ, возбужденіемъ общегерманскаго патріотизма, посреди общей опасности для всего отечества, и побороеніемъ этой опасности усиліями всего Германскаго народа, слотить его въ одно цѣлое, расплавить всѣ мѣстныя государственныя организаціи Германской націи и развившіеся въ нихъ партикуляристскіе интересы владѣтельныхъ князей и народонаселеній, и снова сплавить ихъ въ одну націю съ однимъ обще-германскимъ интересомъ. Нужно было чтобы новая имперія разомъ возникла изъ этого огня и лепла, чтобы братья идущіе вмѣстѣ на смерть тутъ же порѣшили жить неразлучно вмѣстѣ, если они останутся живы, чтобы совершившійся фактъ покончилъ навсегда безконечныя распри о выборѣ между свободой чрезъ единство и единствомъ чрезъ свободу, чтобы наконецъ главой единства по необходимости признанъ былъ тотъ который повелъ на защиту отечества, и съ необычайною доблестью предводительствовалъ въ ней. Нужно было остріемъ меча добыть это главенство,

добыть его такимъ подвигомъ въ смыслѣ и значеніи котораго невозможна была бы никакая тѣнь сомнѣнія ни для кого изъ сыновъ Германіи, ни для самаго скептическаго ея мыслителя, ни для самаго закоренѣлаго въ своихъ суевѣріяхъ невѣжды. Такой историческій подвигъ долженъ былъ восторжествовать надъ всякими словопреніями, посреди которыхъ то такъ, то иначе оспаривались права Пруссіи на гегемонію въ Германіи. Для всего этого было конечно недостаточно чтобы въ войну съ Франціей вступила одна Пруссія или одна Сѣверная Германія. Для того чтобы возникло совокупное единодушное движеніе всего Германскаго народа, и ни одинъ его членъ не задумался принять участіе въ общемъ дѣлѣ, необходимо было *наступление* со стороны Франціи; безъ этого наступленія, безъ *оборонительнаго* характера войны, поднять всю Германію было невозможно. Она вся вступилась за нарушеніе своихъ правъ въ лицѣ Пруссіи; но Южная Германія не пошла бы за нею, еслибы наступленіе совершилось со стороны Пруссіи. Положеніе Французской имперіи было таково что она вынуждена была весьма легко рѣшиться на такое наступленіе, и необдуманно возжечь въ Германіи ту священную войну какая требовалась внутренними обстоятельствами Германіи для ея государственнаго возрожденія. Императорское правительство возымѣло эту рѣшимость въ ту самую минуту когда оно располагало наименьшими средствами борьбы, а противникъ наибольшими.

Не будемъ доискиваться въ какой мѣрѣ французское правительство было доведено до своей рѣшимости открыть войну въ самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ дѣйствіями прусскаго правительства, которое, какъ выражаются, поймало будто бы его въ западню. Эта закулисная исторія предиминарій войны можетъ рано или поздно разоблачиться, но едва ли она заслуживаетъ того вниманія съ которымъ ею занимались съ обѣихъ сторонъ. Если разъ принять что наступленіе со стороны Франціи на Пруссію за дѣло объединенія Германіи было рано или поздно неизбежно, что къ этому дѣлу прусское правительство было вынуждено внутреннимъ состояніемъ Германіи вообще и Пруссіи въ особенности, что не довершить это дѣло значило бы подвергнуть опасности не одни только династическіе и правительственные интересы Прусскаго государства, но и всѣ интересы благосостоянія и порядка въ Гер-

маіи, что наконецъ Пруссія имѣла все основаніе желать чтобы этотъ кризисъ для блага всей Германской націи совершился возможно скорѣе, то едва ли нужны какія-либо нравственныя оправданія для дѣйствій Пруссіи, предполагая даже что она обдуманно старалась ускорить неминуемый взрывъ, въ условіяхъ наиболѣе для себя благоприятныхъ.

Возвращаясь къ мыслямъ высказаннымъ нами выше, припомнимъ что Пруссія, въ лицѣ своего короля Фридриха IV, отказалась принять императорскую корону изъ рукъ Франкфуртскаго національнаго собранія, которое получило свои полномочія отъ Германскаго народа путемъ революціонныхъ движеній въ 1848 году, и дѣйствовало помимо всѣхъ владѣтельныхъ домовъ Германіи, вопреки имъ и не взирая на ихъ историческія права; нынѣ король Вильгельмъ принялъ ту же корону изъ рукъ всѣхъ представителей этихъ правъ, по ихъ добровольной инициативѣ, и въ то же время согласно съ единодушною волей Германскаго народа. Можно съ той или другой точки зрѣнія сочувствовать и не сочувствовать дѣйствіямъ Пруссіи въ исторіи объединенія Германіи, но имъ никакъ нельзя отказать въ строгой политической послѣдовательности. Во всякомъ случаѣ общимъ результатомъ всей политики Пруссіи въ этомъ вопросѣ было то что та же самая національная задача разрѣшена была сравнительно болѣе консервативнымъ образомъ и безъ всякаго нарушенія принципа монархической власти, составляющей такой существенный элементъ въ политической жизни не только Германіи, но и Европы; осуществившійся способъ объединенія Германіи былъ практическимъ компромиссомъ правъ монархической власти и народныхъ правъ, интересовъ центральной власти съ интересами отдѣльных владѣтельныхъ домовъ, началъ государственнаго объединенія съ началами федеративными. То что могло бы совершиться путемъ революціи, съ нарушеніемъ всѣхъ интересовъ и съ потрясеніемъ надолго всѣхъ основъ народнаго благосостоянія и порядка, то совершенно войной. Мы конечно не хотимъ сказать этимъ чтобы такой ходъ человѣческихъ дѣлъ былъ самъ по себѣ утѣшительнъ, и чтобы невозможно было желать иного, свободнаго отъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ, къ числу которыхъ войны принадлежатъ столько же какъ и революціи. Но къ несчастію, въ дѣйствительной политической жизни и правительствамъ, и народамъ непрерывно приходится выбирать

только лучшее изъ худшаго. Война 1870 — 71 годовъ и ея послѣдствія обезпечили Германію, если и не навсегда, то на ближайшее время, противъ внутреннихъ гражданскихъ смутъ, сосредоточивъ политическія страсти на задачахъ наиболѣе безопасныхъ для общественнаго порядка, и упрочивъ основы власти для его охраны. Бѣдствія войны для всякаго народа хотя и менѣе глубоки и продолжительны, чѣмъ бѣдствія общественныхъ междуусобій, однако все-таки слишкомъ велики чтобы можно было говорить о войнѣ какъ о сколько-нибудь нормальномъ и здоровомъ способѣ предотвращать гражданскія смуты. Да и безъ этого можно ли сколько-нибудь сочувствовать такому чудовищному хирургическому способу отвлеченія политическихъ страстей, какимъ представляется война? Такой взглядъ на войну уже потому неправиленъ что и внѣшніе и внутренніе насильственные перевороты въ жизни народовъ совсѣмъ не такъ разобщены между собою въ своихъ послѣдствіяхъ и причинахъ, какъ это можетъ часто казаться. Франція, путемъ той же войны, не избѣгла внутренняго междуусобія, которое, если и было, вѣроятно, до войны и помимо войны, однако было до крайности ожесточено побѣдами Германіи; при этомъ развитіе элементовъ гражданской смуты во Франціи можетъ легко такъ или иначе, рано или поздно, при нынѣшнихъ условіяхъ европейской политической жизни, отразиться и на самой Германіи. Касаясь пока этого послѣдняго вопроса только мимоходомъ, и оставляя себѣ вернуться къ нему въ послѣдствіи, отмѣтимъ здѣсь преимущественно ту сторону солидарности войны и революціи которая заключается въ тождествѣ ихъ причинъ. Война и революція истекаютъ изъ однихъ и тѣхъ же внутреннихъ болѣзненныхъ условій въ жизни народовъ, изъ внутренняго государственнаго неблагоустройства, парализующаго свободное и здоровое развитіе народнаго благосостоянія. Чтобы избѣгнуть тѣхъ и другихъ насильственныхъ кризисовъ, задерживающихъ успѣхи европейской цивилизаціи, нужно дѣйствовать своевременными государственными реформами на тѣ самые болѣзненные общественные элементы изъ которыхъ слагаются издавна причины войнъ и внутреннихъ междуусобій. Изъ сдѣланнаго нами очерка причинъ войны 1870—71 годовъ можно было, кажется, убѣдиться что она возникла изъ условій внутренняго политическаго положенія обѣихъ націй, не удовлетворявшихъ

потребностямъ ихъ историческаго роста; только мирнымъ и органическимъ измѣненіемъ этихъ политическихъ условій, въ которыхъ было столько же матеріала для гражданской смуты съ каждой стороны, какъ и для столкновенія между обѣими, могла быть предотвращена война. Даже и тѣ какъ будто совершенно внѣшнія обстоятельства международной жизни Европы, потрясенной въ ея политической системѣ или такъ-называемомъ равновѣсіи, о которыхъ мы упоминали выше, и при которыхъ оказалось невозможнымъ своевременное совокупное внимательство Европы въ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ между воюющими, и переустройство Германіи стало дѣломъ чисто прусскимъ, а не общеевропейскимъ,—даже и эти обстоятельства произошли главнымъ образомъ изъ движеній внутренней политической жизни европейскихъ народовъ, давно переросшей искусственныя рамки Вѣнскихъ трактатовъ. А тѣ или другіе внутренніе недуги въ организмѣ каждого европейскаго государства, тѣ или другіе мотивы его внутренней политики несовмѣстимые съ общими требованіями европейской цивилизаціи и съ интересами другихъ государствъ уже давно препятствуютъ соглашенію между ними къ пересмотру международнаго кодекса Европы и къ установленію такой международной законной почвы на которой всякое нарушеніе права преслѣдовалось бы какъ преступленіе. Относительно болѣе здоровыя условія политической жизни Англіи не доказываются ли тѣмъ что эта страна, наиболѣе свободная отъ внутреннихъ насильственныхъ переворотовъ, сумѣла первая дать примѣръ мирнаго разрѣшенія международныхъ тяжбъ грозившихъ войною?

Всѣ эти слишкомъ старыя истины, кажется, достаточно истекаютъ изъ нашего очерка причинъ Франко-Германской войны; дѣлая его, мы конечно не могли имѣть смѣшной претензіи писать исторію этого событія, которымъ мы пользуемся лишь для выведенія нѣкоторыхъ общихъ заключеній о современной жизни Европы. Въ разнообразныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ породившихъ войну съ каждой стороны, и обусловившихъ ея дальнѣйшій ходъ, заключаются и самыя причины страшныхъ пораженій Франціи. Къ ихъ обсужденію надѣемся перейти въ слѣдующей статьѣ.

III.

Мы видѣли что война между Франціей и Германіей сдѣлалась неизбежною: какъ внутреннія политическія обстоятельства той и другой страны, такъ и вѣшнія отношенія ихъ къ остальной Европѣ и все положеніе вещей сложившееся въ ея международной жизни къ 1870 году, привели къ войнѣ, какъ къ единственному выходу изъ внутреннихъ затрудненій обѣихъ воюющихъ націй. Одна имперія обратилась къ войнѣ какъ къ средству спасенія отъ своего неминуемаго паденія, другая—вынуждена была принять войну какъ условіе для своего внутреннего возникновенія, * сплоченія своихъ разрозненныхъ элементовъ въ одно государственное цѣлое и затѣмъ для своего вѣшнего признанія въ политической системѣ Европы. Глубокая рознь между главными факторами международной жизни Европы, между всѣми такъ-называемыми великими державами, разстроившая систему Вѣнскаго конгресса (т.-е. періода 1815—1848), не допускала никакого совокупнаго дѣйствія Европы къ предотвращенію кровопролитія. Французская имперія превратила самымъ своимъ существованіемъ въ мертвую букву весь международный актъ господствовавшій въ Европѣ съ 1815 по 1852 и обуславливавшій возможность совокупнаго дѣйствія всей Европы по всякому международному вопросу; сверхъ того своею вѣшнєю политикой, въ извѣстной степени вынужденною внутренними затрудненіями и историческимъ настроеніемъ всего Французскаго народа, имперія вооружила противъ себя каждое европейское государство и все образованное европейское общество. Въ своемъ дипломатическомъ походѣ на Пруссію Франція еще могла найти со стороны великихъ державъ и со стороны общественнаго мнѣнія

* Послѣ окрѣпанія предыдущей нашей главы, въ которой изложено переговоры предшествовавшіе войнѣ, опубликовано показаніе г. Тьера въ парламентской комиссіи для изслѣдованія событій 4го октября. Оно въ точности подтверждаетъ выраженный нами взглядъ на эти переговоры. Г. Тьеръ находитъ что предъявляя Пруссіи свои послѣднія требованія французское правительство дѣлало войну неизбежною, а до этихъ требованій могло выйти съ честью изъ дѣла. Показанія г. Бенедетти также съ этимъ согласны.

Европы достаточно помощи чтобы выйти безъ войны съ честью изъ переговоровъ, но начавъ войну, она осталась и должна была остаться безъ союзниковъ. Единственная держава расположенная къ бою въ союзѣ съ Франціей, если не по дружбѣ къ ней, то ради вражды къ Пруссіи, какъ единственная рѣшительная противница прусской политики, — имперія Габсбурговъ была парализована въ своемъ дѣйствіи, какъ своими отношеніями къ Россіи, къ государству наименѣе обязанному благодарностью Французской имперіи, такъ и своею внутреннею немощью; само безсиліе Австрійской имперіи было въ значительной степени послѣдствіемъ политики Наполеона III.

Послѣдствіемъ всего этого было то что столкновение между Франціей и Германіей осталось единоборствомъ двухъ великихъ народовъ, и для прекращенія кровопролитія европейская полиція оказалась безсильною, или лучше сказать обнаружилось полное отсутствіе этой полиціи, заявлявшей себя въ прежнее время во имя равновѣсія Европы. Новые же способы обезпеченія мира, какіе не такъ давно были примѣнены къ разрѣшенію спора между Великобританіей и Сѣверными Американскими Штатами и какихъ въ правѣ ожидать европейская цивилизація въ далекомъ будущемъ отъ успѣховъ народнаго самосознанія, еще недостаточно созрѣли ни въ Германіи, ни во Франціи, ни вообще въ Европѣ.

Изъ самого различія внутреннихъ и вѣншихъ условій при которыхъ Франція и Германія вступили въ войну, уже сами собою истекали ея результаты, и дальнѣйшее разсмотрѣніе ихъ причинъ можетъ казаться излишнимъ. Неравенство силъ противниковъ уже заключалось въ неравенствѣ ихъ побужденій и цѣлей въ войнѣ; превосходство Германіи въ этомъ отношеніи увѣнчалось превосходствомъ въ самомъ боѣ. Но еще многіе, и не въ одной Франціи, смотрятъ на торжество Германіи, какъ на случайное, быстро преходящее явленіе, а потому не мѣшаетъ вникнуть въ ближайшія или непосредственныя причины погрома Франціи, въ тѣ дѣйствительныя частныя факты въ которыхъ обнаружилось дѣйствіе общей или первоначальной причины, т.е. политическаго и нравственнаго неравенства силъ противниковъ. Съ другой, противоположной точки зрѣнія, въ пораженіяхъ Франціи видятъ окончательное ея паденіе, — разложеніе всей ея цивилизаціи подъ напоромъ цивилизаціи германской, а потому и это мнѣніе, въ нѣкоторыхъ сферахъ Европы весьма распространенное, не мѣша-

еть провѣрить на дѣйствительныхъ фактахъ. Наконецъ, пораженія Франціи, какъ ни естественно истекали они изъ самыхъ причинъ войны, все-таки получили такіе необъятные размѣры, какіе не объясняются однимъ превосходствомъ силъ Германіи въ началѣ войны. Къ исторически-необходимому присоединилось не мало и случайнаго. Такъ или иначе, дѣйствительные историческіе факты какими заявило себя безсиліе Франціи въ борьбѣ съ Германіей слишкомъ интересны и назидательны сами по себѣ чтобы можно было не продолжать изучать ихъ, и не въ одномъ только стратегическомъ отношеніи. Мы однакоже и тутъ ограничимся только самыми крупными чертами, имѣющими связь съ общими политическими и общественными вопросами насъ занимающими.

Прежде всего ознакомимся вкратцѣ со взглядами самихъ противниковъ на причины поражений и побѣдъ въ войнѣ 1870—71. Для этого мы избираемъ самые компетентные источники съ обѣихъ сторонъ: мнѣнія президента Французской республики г. Тьера и прусскаго генеральнаго штаба.

Въ своей знаменитой парламентской рѣчи 8го іюня 1872, по поводу реформы воинской повинности (собственно по вопросу о срокахъ службы), г. Тьеръ изложилъ съ самою крайнею строгостью, съ величайшею кротостію, какъ онъ самъ выразился, истинныя причины всѣхъ несчастій Франціи въ войнѣ 1870—71. Этому изложенію онъ самъ придалъ необычайную торжественность, заявивъ въ своемъ вступленіи что вся Европа слушаетъ эти пренія (о военной реформѣ во Франціи) и что каждое слово должно быть имъ взвѣшено, дабы не возбудить недоразумѣній. Но прежде чѣмъ мы представимъ очеркъ этой рѣчи, должно припомнить что еще ранѣе этого г. Тьеръ неоднократно говорилъ что начинать войну *безъ союзниковъ* чистое безуміе; этимъ пополняется его взглядъ на нижеизложенныя причины поражений Франціи. Энергически возставаая противъ увлеченій тѣхъ которые приписываютъ всѣ побѣды Германіи прусской военной организаціи (системѣ всеобщей обязанной воинской повинности, краткосрочной службы, ландверамъ, и т. д.), онъ видитъ всѣ причины логома Франціи только въ одной политической ошибкѣ и въ трехъ великихъ военныхъ ошибкахъ, которыя, онъ увѣренъ, запишетъ исторія. Политическая ошибка заключается въ томъ что французское правительство рѣшилось на войну къ ней не *приготовленное*: количество войска и военного матеріала (артил-

леріи) которое могло вступить въ бой было ничтожно въ сравненіи съ силами противника. Крѣпости, въ томъ числѣ даже и Мецъ, не были вооружены. Противъ 400 тысячъ германскаго войска Франція могла съ перваго раза выставить на Рейнѣ только 250 тысячъ. Въ этомъ г. Тьеръ видитъ чисто политическую ошибку, ибо хотя Франція была и до войны вооружена вообще хуже Пруссіи, и послѣдняя сверхъ того имѣла, вслѣдствіе особенностей своей организаціи и своей постоянной готовности къ войнѣ съ Франціей, возможность скорѣе ея поставить свою армію на военную ногу, но *безъ возможности* съ которою велись переговоры, еслибы вмѣсто дней въ которые пришлось вооружаться, было дано одинъ, полтора мѣсяца времени, Франція могла бы, даже и при тогдашнихъ своихъ средствахъ, выставить противъ Германіи гораздо большее количество военныхъ силъ, напр. до одного милліона воиновъ. Сама Пруссія, гораздо болѣе готовая, старалась замедлить объявленіе Франціей войны, которой она давно ожидала, и употребила 20 дней на поставленіе арміи на военную ногу и ея передвиженія. Сравнительно съ своею неприготовленностью къ войнѣ Франція выказала чрезвычайную дѣятельность, въ теченіи 8 дней, въ которые она перешла отъ своего плохаго мирнаго вооруженія къ боевому. Итакъ это чисто политическая ошибка, потому что затянуть дипломатическіе переговоры на одинъ или полтора мѣсяца до объявленія войны всегда было возможно. Далѣе г. Тьеръ излагаетъ три самыя крупныя военныя ошибки погубившія Францію. Вопервыхъ, имѣя въ свою пользу много дней впереди для встрѣчи съ непріателемъ, французская армія не пользуется этимъ преимуществомъ и остается двадцать дней неподвижною на чрезвычайно-растянутой линіи, не рѣшаясь на наступленіе, которое одно могло быть для нея выгодно въ этомъ положеніи. Когда при всѣхъ этихъ условіяхъ, увеличивающихъ слабость боевыхъ силъ Франціи сравнительно съ Германіей, французская армія потерпѣла первое пораженіе, ей слѣдовало быстро отступать (съ Мозеля на Мёзу), чтобы сколько-нибудь сосредоточиться; вмѣсто этого настало полное смятеніе, которое отъ императора, не отказавшагося въ это время отъ командованія арміей, перешло ко всему войску, и совершена была вторая военная ошибка: армія оставалась въ своей прежней позиціи и была обойдена непріателемъ. Наконецъ третьею ошибкою была надежда не имѣя резервовъ.

пробиться сквозь желѣзную стѣну, которая со всѣхъ сторонъ замыкалась около Французовъ, и безо всякой вѣроятности успѣха рѣшимость пожертвовать всею арміею для ручки Базена и Меца. Въ заключеніе г. Тьеръ такимъ образомъ резюмируетъ всѣ военныя бѣдствія Франціи, относя ихъ къ одной общей причинѣ, которая не позволила ей подаяться, ибо, говоритъ онъ, „терять армію и даже двѣ арміи безъ всякой для себя гибели случалось ей и прежде“. „Но наши кадры были пусты, полки имѣли отъ 1.100 до 1.200 человѣкъ, иные до 1.400, не болѣе, и потому пришлось послать всѣ полки безъ остатка на театръ войны. Вслѣдствіе этого всѣ наши кадры были взяты въ Мецъ и Седанъ. И послѣ этого насъ спрашиваютъ отчего Франція не поднялась несмотря на весь свой патріотизмъ, несмотря на 800.000 мобилей, которые конечно не всѣ были настоящіе солдаты, но которые всѣ имѣли *человѣческое и къ тому же французское сердце!* Отчего несмотря на все это мы не поднялись? Потому что у насъ не было кадровъ. Я видѣлъ на Лоарѣ цѣлыя роты подъ начальствомъ прапорщика и двухъ или одного унтеръ-офицера. Да, окончательная причина нашихъ несчастій объясняющая весь нашъ погромъ, это потеря подъ Мецомъ и Седаномъ въ одинъ день, въ одинъ мигъ, всей дѣйствующей арміи (*tout nôtre effectif militaire*). Вотъ истинная причина; заблуждаются тѣ которые ищутъ другую причину. Наше войско было такъ же мужественно какъ когда-либо прежде; всѣ это признаютъ, сами враги наши этимъ гордятся, потому что и имъ не хотѣлось бы торжествовать побѣду надъ Франціей *выродившеюся...*“ „Не прусская система (воинской повинности) побѣдила Францію. Я вамъ скажу что одержало побѣду надъ Франціей. Въ Берлинѣ было великое правительство; оно заключало въ себѣ великаго политика, одного изъ тѣхъ людей военнаго дѣла которыхъ называютъ организаторами побѣды, очень энергическихъ военачальниковъ, искуснаго военнаго министра; во главѣ всѣхъ ихъ стоялъ государь твердый волею, мудрый, не страшившійся быть заслоненнымъ славою людей ему приближенныхъ, а напротивъ признававшій ее за собственную свою славу; онъ всѣмъ имъ служилъ связью, соединялъ многихъ людей въ одного, и такъ-сказать возвратилъ Пруссіи ея Великаго Фридриха.“ Мы взяли изъ рѣчи президента Французской республики, произведшей въ свое время огромное впечатлѣніе въ Европѣ, и названной, даже

во враждебной Франціи нѣмецкой офиціозной печати, стра-
ницей для исторіи нашего времени, только то что прямо от-
носится къ нашему предмету.

Ознакомимся теперь со взглядомъ на тотъ же предметъ
самого прусскаго правительства и его военныхъ специалистовъ.
Хотя *Исторія Франко-Германской войны 1870—71 годовъ* издан-
ная прусскимъ генеральнымъ штабомъ посвящена почти исклю-
чительно чисто военной сторонѣ событій, которой мы стара-
емся касаться какъ можно менѣе, однако и для общаго взгля-
да на ходъ войны можно извлечь изъ этого изданія нѣкото-
рыя весьма важныя указанія. Мы находимъ въ немъ подтверж-
деніе мнѣнія г. Тьера по двумъ важнымъ его пунктамъ: что
Франція была не готова къ войнѣ и что медлительностью ея
первоначальныхъ военныхъ дѣйствій были значительно усиле-
ны шансы первыхъ успѣховъ германской арміи. Неприготов-
ленность французскаго правительства особенно краснорѣчиво
засвидѣтельствована извѣстною брошюрой бывшаго императо-
ра, въ которой былъ изложенъ предполагавшійся имъ планъ
военныхъ операцій противъ Пруссіи и которая разбирается
въ книгѣ прусскаго генеральнаго штаба. Въ этой брошюрѣ
сознается числительное превосходство прусскихъ военныхъ
силъ сравнительно съ французскими, и весь расчетъ основанъ
на быстротѣ первыхъ движеній французской арміи, которая
должна была перейти Рейнъ, прежде чѣмъ сосредоточится на
немъ прусскія войска, и отдѣлить сѣверную Германію отъ
южной; но при этомъ Наполеонъ III былъ все-таки въ за-
блужденіи какъ относительно количества войска которое Прус-
сія, даже безъ помощи южной Германіи, могла выставить
противъ Франціи и которое онъ предполагалъ ниже дѣйстви-
тельности, также и относительно возможности политическаго
разъединенія южной Германіи съ сѣвальною. Последнее вхо-
дило какъ одно изъ главныхъ основаній въ политическій и
стратегическій планъ Наполеона III противъ Пруссіи, и все-
го лучше изобличаетъ его невѣдѣніе положенія дѣлъ въ Гер-
маніи. Это изумительное невѣдѣніе самыхъ существен-
ныхъ условій борьбы, къ которой, въ теченіи многихъ лѣтъ,
устремлены были всѣ мысли Французской имперіи, состав-
ляетъ, конечно, самую характеристическую черту въ ис-
торіи ея паденія, и значительно объясняетъ необычайную
поспѣшность съ которою была объявлена война, несмотря на
то что она легко могла быть замедлена для военныхъ приго-

товлений. На это послѣднее обстоятельство, выставляемое г. Тьеромъ первую и главною ошибкою второй имперіи въ войнѣ 1870—71 годовъ, указываютъ также и прусскіе ея историки. Быстрота и рѣшительность наступленія на Германію входили въ первоначальный планъ кампаніи Наполеона III, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, значительно ускорило объявленіе войны. Но чтобы воспользоваться временемъ,—этимъ единственнымъ военнымъ преимуществомъ Франціи предъ Германіей въ началѣ войны 1870—71 годовъ,—и традиционными національными качествами французскаго войска, болѣе способнаго къ атакѣ, чѣмъ къ оборонѣ, и нуженъ былъ планъ кампаніи основанный на зрѣломъ изученіи какъ непріятельскихъ, такъ и собственныхъ своихъ силъ. Въ полномъ невѣдѣніи съ которымъ французское правительство ринулось въ борьбу съ Германіей, всего поразительнѣе та тьма которую для него были окружены собственныя его средства. Дѣйствительное состояніе войска и всѣхъ боевыхъ силъ Франціи было ему совсѣмъ неизвѣстно. Нельзя въ этомъ случаѣ не припомнить что въ то время когда Франція была до того мало готова къ войнѣ что у нея не было достаточно артиллеріи по количеству арміи и важнѣйшія ея крѣпости не были вооружены, военный министръ удостовѣрялъ испуганныхъ войною членовъ законодательнаго собранія что все готово до послѣдней солдатской луговицы! Надо думать что это заблужденіе, какъ оно ни преступно, было отчасти искреннее. Прибавимъ что вся сѣть французскихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ своимъ центромъ Парижъ, не была согласована со стратегическими требованіями, какъ замѣчаютъ прусскіе военные люди, и затрудняла быстроту мобилизаціи войска и его движенія къ восточной и сѣверо-восточной границамъ, куда оно должно было направляться черезъ Парижъ, дѣлая прямые и даже острые углы. „Ошибки сдѣланныя при первоначальномъ сборѣ войскъ, сказано въ книгѣ прусскаго генеральнаго штаба по поводу приготовленій французскаго правительства къ войнѣ 1870—71 годовъ, не могутъ быть исправлены во время кампаніи и отражаться на всемъ ея ходѣ. Но всѣ эти распоряженія должны быть обдуманы задолго впередъ, въ мирное время; если войско готово къ бою и имѣются нужные способы перевозки, эти распоряженія должны привести къ желанному результату.“ Ничего подобнаго со стороны французскаго правительства сдѣлано не было. Леркомысленный планъ кампаніи, начертан-

ный въ вышеупомянутой французской брошюрѣ, на основаніи самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній о положеніи силъ своихъ и противника, долженъ былъ встрѣтиться съ планомъ кампаніи составленнымъ за нѣсколько лѣтъ впередъ прусскимъ генеральнымъ штабомъ, то-есть его знаменитымъ руководителемъ графомъ Мольтке, и представленнымъ Прусскому королю еще въ теченіе зимы 1868—1869 годовъ; этотъ планъ, опубликованный въ прусской исторіи Франко-Германской войны, столько же изумилъ европейскую публику и знатоковъ военного дѣла точностью свѣдѣній обо всѣхъ условіяхъ борьбы не только со стороны Германіи, но и со стороны Франціи, и обдуманностью, и дальновидностью соображеній, которыя всѣ до мельчайшихъ подробностей могли быть приведены въ исполненіе во время дѣйствительнаго хода войны 1870 года, сколько разчеты французскаго правительства на эту войну изумляютъ своимъ невѣдѣніемъ и заблужденіями. Между прочимъ весьма характеристично, при сравненіи обоихъ плановъ, что прусское правительство разчитывало только на самые худшіе для себя шансы войны и на самыя счастливыя для Франціи случайности, которыя и не осуществились, а французское правительство основывалось только на самыхъ несбыточныхъ въ свою пользу мечтахъ—въ родѣ междуусобія въ средѣ Германской націи. Въ то время какъ Пруссія, замедляя по возможности взрывъ неминуемаго боя, была дѣйствительно давно къ нему готова, такъ что оставалось только сказать слово чтобы каждая часть войска двинулась и явилась на свое мѣсто, въ дни, даже часы заранѣе опредѣленные и извѣстные, въ то время Франція, напротивъ, ускоряя этотъ взрывъ до послѣдней крайности и воображая что она какъ нельзя болѣе къ нему готова, была взята *върасплохъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова!

Приведемъ изъ прусской исторіи войны 1870—71 годовъ еще нѣсколько замѣчаній освѣщающихъ положеніе военныхъ силъ Франціи въ этой войнѣ и причины ея пораженій. Между прочимъ мы узнаемъ что она такъ мало была готова, и быстрота наступленія которая бы сколько-нибудь соотвѣтствовала послѣдственности ея дипломатическихъ дѣйствій была такъ мало для нея возможна что даже отдѣльные корпуса арміи могли быть образованы и получили своихъ начальниковъ только послѣ объявленія войны. Сверхъ того „внутренняя организація и духъ французскаго войска значительно ухудшились съ Крымской кампаніи и даже съ Италіанской“, повѣствуютъ

прусскіе историки. „Господствовавшая система протекціи на службѣ должна была по необходимости наполнить ряды высшихъ чиновъ людьми неспособными и посягать неудовольствіе въ рядахъ низшихъ, въ которыхъ однако были лучшие элементы французской арміи. Самымъ крайнимъ несчастіемъ для Французовъ было то что всѣ они, за немногими исключеніями (напримѣръ маршала Ніеля), до поразительной степени обезцѣнивали своихъ противниковъ.“ Непризнаніе со стороны большинства французскихъ военачальниковъ рѣшительнаго превосходства германской арміи надъ французскою,—превосходства не одного только численнаго, какое они только и признавали,—продолжалось почти до конца войны, и конечно не мало способствовало легкомысленнымъ и опрометчивымъ распоряженіямъ, не прекращавшимся и послѣ паденія имперіи; это обезцѣненіе силъ противника и сомнѣніе объяснимы только самымъ грубымъ невѣжествомъ.

Въ продолженіе всей войны не прекращались пламенные, ни на чемъ не основанныя надежды, воодушевлявшія почти всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, что германскія побѣды пустой миражъ, и вотъ-вотъ пробьетъ часъ когда Франція снова докажетъ свою непобѣдимость. * Понятіямъ о Нѣмцахъ господствовавшимъ въ войскѣ соответствовали понятія всего французскаго общества, издавна навыкнувшаго сверху до низу, за весьма рѣдкими исключеніями, смотрѣть на Нѣмцевъ какъ на какую-то низшую расу людей. Въ парижскихъ клубахъ ораторы провозглашали: „что еслибы даже и случилась такая невѣроятная, чудовищная вещь чтобы Нѣмцы завоевали Францію, то французская земля поглотитъ ихъ (la terre de France les engloutira)“. Послѣ всѣхъ пораженій, уже съ самаго начала войны указывавшихъ на возможный злополучный ея исходъ, и послѣ первоначальнаго смятенія ими произведеннаго въ Парижѣ, не принимается къ защитѣ его никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Министерство генерала Паликао, назначенное 10го августа, для спасенія имперіи, ничего не дѣлаетъ для вооруженія и снабженія провіантомъ парижскихъ укрѣпленій, такъ оно было успокоено надеждою на успѣхъ въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи; въ этомъ чистосердечно признается одинъ изъ членовъ этого самаго министерства, Жеромъ Давидъ, въ

* Между прочимъ см. Sarcey, *Le siège de Paris*, Molinari, *Les clubs rouges*.

парламентскомъ изслѣдованіи событій 4го сентября, ярко освѣтившемъ положеніе имперіи предъ войною и въ ея началѣ. Быстрые, истерическіе, переходы отъ мрачнаго отчаянія къ свѣтлымъ надеждамъ и отъ надеждъ къ отчаянію, столь поразительные во Франціи во время всей этой войны, съ перваго дня до послѣдняго, свойственны нервному темпераменту Французовъ; но эти переходы были значительно усилены, въ особенности въ средѣ правительственныхъ лицъ, незнаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ.

Къ воззрѣніямъ почерпнутымъ изъ официальныхъ источниковъ обоихъ противниковъ на причины военныхъ поражений испытанныхъ Франціей присоединимъ взглядъ русскаго военнаго авторитета, г. Леера, * не менѣ компетентный въ военномъ отношеніи и болѣе безпристрастный, какъ взглядъ нейтральный. Мы можемъ привести здѣсь только самыя общіе выводы почтеннаго автора, и тѣ лишь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, отсылая къ самой книгѣ читателей желающихъ ближе съ нею ознакомиться. Во введеніи къ своему труду г. Лееръ говоритъ: „Причина всѣхъ неудачъ Французовъ не ихъ армія (понимая слово армія на этотъ разъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ солдата), оставшаяся и въ эту безпримѣрно несчастную для нея кампанію вѣрно своимъ славнымъ боевымъ преданіямъ, а вся ихъ *политическая и военная система*, построенная на лжи и разнаго рода хитросплетеніяхъ, которыя, будучи ловко замазаны и прикрыты извѣстнымъ лоскомъ, долгое время не замѣчаются неопытнымъ глазомъ, но по неизмѣнному закону логики въ свое время приносятъ и соответствующіе плоды. Въ то время какъ Пруссаки,—въ чемъ мы будемъ имѣть случай не разъ убѣждаться,—создавая свою военную систему, настолько же правдиво примѣняли къ ней здравыя начала, насколько правдивы сами эти начала, Французы только играли въ нихъ, кокетничали ими, создавая на дѣлѣ вездѣ что-то какъ разъ обратное духу этихъ принциповъ...“ (стр. 3) Далѣе авторъ говоритъ: „Изучая военную исторію, военные факты собственно, причины успѣховъ и неудачъ на войнѣ, мы видимъ что все это множество причинъ сводится въ сущности къ двумъ главнымъ, а именно: 1) къ *благоустроенной арміи*,—понимая слово армія на этотъ разъ въ самомъ широкомъ его

* *Лекціи о войнѣ 1870 года между Франціей и Германіей до Седана включительно.* Спб. 1871. (Военная Библіотека, т. III.)

значеніи, въ смыслѣ всей *военной системы*, и 2) *къ талантливому полководцу*. Вотъ двѣ коренныя данныя, на войнѣ *равнозначныя* и другъ друга *дополняющія*, и притомъ настолько что великіе полководцы творятъ великія дѣла даже и съ сомнительными войсками“ (стр. 4). Затѣмъ онъ доказываетъ въ своей книгѣ что Франціи въ войнѣ 1870 года недоставало *обоихъ этихъ условий* побѣды, а Германія, напротивъ, имѣла въ своемъ распоряженіи оба: военную систему, съ необыкновенною послѣдовательностью и неустанностію выработанную Пруссіей въ теченіи 60 лѣтъ, и *геніальныя военныя способности въ лицѣ графа Мольтке*. „Если мы располагаемъ такою *военною системою*, объясняетъ нашъ авторъ (разумѣя подъ *военною системою*, какъ это имъ въ послѣдствіи подробно изложено, * не одну систему отправления воинской повинности и набора, а всю военную организацію государства), которая даетъ намъ возможность поставить на военную ногу армію въ срокъ болѣе короткій чѣмъ противникъ и выставить притомъ значительно превосходныя силы (само собою разумѣется, тщательно подготовленныя къ своему дѣлу), то благодаря одному уже этому обстоятельству: *ранней готовности къ открытію военныхъ дѣйствій* и *численному превосходству*, рѣшеніе большей части приведенныхъ вопросовъ (предлежащихъ полководцу на войнѣ), требующихъ творчества (со стороны полководца), значительно облегчается, мало того, разрѣшается самою системою“ (стр. 5). „Не желая нисколько ослабить значенія искусства прусскихъ генераловъ,—искусства которое ими было заявлено въ высокой степени, мы все-таки не можемъ не замѣтить что творчество ихъ имѣло *громадную поддержку въ превосходной военной системѣ*. Система дала имъ возможность ранѣе противника изготовиться и выставить значительно превосходныя силы; чрезъ это она дала имъ инициативу и возможность при этомъ условіи сохранить ее за собою на все время кампаніи (авторъ объясняетъ въ послѣдствіи что сохраненіе въ своихъ рукахъ инициативы военныхъ операцій, принуждающее протавника подчиняться ей, есть одно изъ главнѣйшихъ *условій успѣха на войнѣ*). Далѣе она же дала имъ громадный численный перевѣсъ подъ Вейсенбургомъ, Вертомъ, Мецемъ и Седаномъ, и если не сдѣлала всего, то въ *громадныхъ раз-*

* См. чтеніе второе—параллельный разборъ французской и прусской военныхъ системъ.

мѣра въ облегчила задачу полководца. Итакъ главная причина необыкновенныхъ успѣховъ Прусаковъ въ нынѣшнюю войну, равно какъ и главная причина еще болѣе необыкновенныхъ неудачъ Французовъ, коренится въ военной системѣ существовавшей въ томъ и другомъ государствѣ“ (стр. 7). Въ Пруссіи эта система логически послѣдовательна, а во Франціи исторически случайна, хорошее и дурное, полезное и вредное традиціями и временемъ сплотилось въ ней въ мозаическое, механическое цѣлое....“ (стр. 9) „Военная система проведена въ Пруссіи въ жизнь чрезъ два поколѣнія; она существуетъ тамъ болѣе 60 лѣтъ, она вошла въ плоть и кровь Прусскаго народа, и въ этомъ-то заключается громадное преимущество Пруссіи на будущее время“ (стр. 9). Помимо отсутствія у Французовъ послѣдовательной военной системы, еще болѣе поразительнымъ фактомъ въ исторіи войны 1870 года было ихъ „полнѣйшее незнакомство съ военною системою противника“, несмотря на превосходные отчеты военного агента Франціи при прусскомъ дворѣ Стофеля, оставленные въ Парижѣ безъ всякаго вниманія; и въ этомъ отношеніи Пруссія имѣла преимущество, отлично изучивъ, чрезъ своихъ глубоко-образованныхъ и ловкихъ агентовъ, военныя силы Франціи, какъ и всей Европы. Авторъ доказываетъ что во всѣхъ важнѣйшихъ отношеніяхъ *военной системы* (комплектванія личнаго состава арміи, военного управленія и резервовъ), Пруссія стояла предъ войною 1870 года гораздо выше Франціи, хотя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время Наполеоновскихъ войнъ, было именно наоборотъ. Начало общеобязательной военной повинности было впервые вызвано къ жизни во Франціи, подъ именемъ конскрипціи, замѣнившей вербовку и наемъ, и перенято Пруссіей послѣ Тильзитскаго мира; но во Франціи оно постепенно приходило въ упадокъ, подчинялось болѣе и болѣе, посредствомъ расширенія замѣщений и выкуповъ, элементамъ денежной повинности и найма, удалявшимъ изъ арміи нравственность и интеллигенцію, а въ Пруссіи это начало, напротивъ, болѣе и болѣе развивалось, внося въ войско лучшіе соки народонаселеній. Законы Лудовика XVIII (1818 года), Лудовика Филиппа (1832 года) и Наполеона III (1855 и 1868 годовъ) представляютъ пеструю смѣсь одна другой противорѣчащихъ попытокъ всякаго рода улучшить комплектованіе арміи, и наконецъ послѣдняя мѣра 1868 года, самая непослѣдовательная, совсѣмъ разстроила составъ французской ар-

ми, не усвоивъ ей никакихъ достоинствъ прусской системы, при всемъ желаніи императорскаго правительства къ ней приблизиться (стр. 29—32). Относительно личнаго состава офицеровъ превосходство Пруссіи надъ Франціей особенно разительно: въ Пруссіи 92% офицеровъ имѣютъ совершенно одинаковое *научно-военное* образованіе, во Франціи только 30% общаго числа офицеровъ окончило курсъ въ военныхъ училищахъ, а остальные 70% выслужились изъ нижнихъ чиновъ (изъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ) и не имѣютъ *никакого ни общаго, ни военно-научнаго образованія* (стр. 33). Далѣе, превосходство прусскаго генеральнаго штаба, въ которомъ проявляется, по выраженію г. Леера, тѣснѣйшая связь между *полемъ и наукою*, надъ французскимъ, въ которомъ господствуетъ не военная наука, а канцелярская дѣятельность, слишкомъ извѣстная (стр. 35—37). Настолько же прусскіе генералы выше французскихъ, которые въ самомъ лучшемъ случаѣ только хорошіе боевые практики, обязанные своею карьерой Африкѣ, Крыму и Италіи, неспособные къ высшимъ самостоятельнымъ распоряженіямъ и къ тому же донельзя самонадѣянные и обольщенные прежними успѣхами, непобѣдимостію французскаго оружія (стр. 37—39). Сравнивая прусскую военную систему и французскую относительно другой стороны организаціи военныхъ силъ,—военнаго управленія,—нашъ авторъ приходитъ къ такому же общему выводу, то-есть къ превосходству первой, какъ и относительно личнаго состава арміи: несмотря на нѣкоторую чисто вѣшную и кажущуюся децентрализацію военнаго управленія во Франціи (территоріальныя военныя единицы), крайняя централизація и канцелярскій формализмъ убиваютъ духъ инициативы и самостоятельность частныхъ начальниковъ, столь необходимыя для арміи (стр. 39—40), и *тормозятъ въ особенности столь важное дѣло мобилизаціи* (стр. 52). Наконецъ относительно третьей стороны военной системы,—формирования резервовъ,—достоинства прусской военной организаціи оказались совсѣмъ подавляющими французскую организацію. Разчеты возлагавшіеся французскимъ правительствомъ на законъ 1го февраля 1868 года, и между прочимъ въ особенности на подвижную гвардію, нисколько не осуществились; числительныя силы арміи и мобилизація резервовъ были недостаточны чтобы бороться не только со всею Германіей, но даже съ однимъ Северо-Германскимъ Союзомъ (стр. 45—51). „Во Франціи резервы состояли большею частью только на бу-

магъ, такъ какъ для нихъ не было ни кадровъ, ни обученія (для большей части по крайней мѣрѣ). Въ Пруссіи же мы видимъ и то и другое“ (стр. 52). При всѣхъ неоспоримыхъ преимуществахъ организаціи военныхъ силъ Пруссіи, Французы смотрѣли на нее съ полнымъ пренебреженіемъ; по словамъ Трошию, до 1866 года на прусскую военную систему смотрѣли какъ на весьма неудовлетворительную, „дающую только молодыхъ солдатъ, налагающую на всѣ классы общества непомерныя тягости“, и утверждали что прусская армія потеряетъ равновѣсіе въ дѣлѣ встрѣчи съ противникомъ. Отъ сравненія военныхъ силъ противниковъ въ матеріальномъ отношеніи, г. Лееръ переходитъ къ ихъ нравственной сторонѣ и говоритъ: „извѣстно что нравственный элементъ въ каждой арміи проявляется въ двухъ видахъ: 1) въ видѣ *военнаго ея духа*, и 2) *народнаго національнаго духа*. Подъ первымъ мы понимаемъ общій итогъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ качествъ (находчивости, храбрости, дисциплины, доведенной до сознательнаго исполненія своихъ обязанностей, до чувства долга, и наконецъ довѣрія къ себѣ, къ начальнику, короче—*взаимнаго довѣрія, какъ ключеваго камня въ дѣлѣ воспитанія войскъ*) которыя требуются войною, и притомъ въ томъ видѣ какъ они потребуются. Не слѣдуетъ смѣшивать *воинственнаго духа* съ *военнымъ духомъ*. Первый, по превосходному выраженію капитана Блонделя, создаетъ воинственные народы, второй—благоустроенныя арміи; одно есть качество врожденное, другое—пріобрѣтенная добродѣтель; тотъ въ крови, этотъ послѣдній въ нравахъ. Не вдаваясь въ длинный анализъ, не трудно придти къ тому заключенію что французская армія, обладая въ высокой степени воинственнымъ духомъ, лишь въ слабой степени обладаетъ военнымъ.... Бѣшеная храбрость есть дѣло минутнаго увлеченія, на которое Французъ, по своей крайней впечатлительности, какъ человѣкъ минуты, наиболѣе способенъ, но которое, какъ и всякое крайнее напряженіе, имѣетъ свойство обращаться какъ разъ въ противоположную крайность, то-есть въ панику; размѣренная храбрость сохраняется гораздо долѣе. Далѣе, бѣшеная храбрость развѣ не была источникомъ многихъ бѣдъ, какъ показываетъ военная исторія. Не бѣшеная храбрость ведетъ, въ большей части случаевъ, къ побѣдѣ, а храбрость разумная, регулируемая, здраво направленная свыше. Еланъ, какъ и огонь, должны быть регулированы, дисциплинированы. И такимъ именно регуляторомъ ихъ является дисциплина,

которая у Французовъ слаба, а у Нѣмцевъ сильна. Недостатокъ въ дисциплинѣ во французскихъ войскахъ, фактъ констатированный наиболѣе замѣчательными французскими генералами, проистекаетъ отъ многихъ причинъ: излишней живости характера, крайней впечатлительности, политическаго строя общества, въ разборъ которыхъ я вдаваться не буду, но замѣчу только то странное явленіе что политическій партикуляризмъ, *политическія партіи*, не менѣе сильныя (?) въ Германіи, чѣмъ во Франціи, *не переходятъ въ нѣмецкую армію*, не подрываютъ въ ней дисциплины, какъ во французской; оно такъ и должно быть, потому что *армія съ политикой не должна имѣть ничего общаго; она должна быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ высшей власти*“ (стр. 82). И въ отношеніи къ *народному духу* воодушевлявшему каждую армію нашъ авторъ видитъ превосходство германской; онъ указываетъ на нравственные мотивы ея храбрости: „любовь къ отечеству и глубокое сознаніе долга“, гораздо болѣе высокіе чѣмъ тѣ же мотивы у Французовъ: любовь къ славѣ, къ отличіямъ, къ наградамъ, тщеславіе.

„Всякая армія, замѣчаетъ далѣе авторъ, должна быть предводительствуема сообразно съ ея національными наклонностями и особенностями; искусство полководцевъ именно и заключается въ томъ чтобы привести въ движеніе эти нравственные рычаги побѣды, и что у Французовъ въ 1870 году не нашлось человека который бы умѣлъ такъ орудовать ими какъ умѣлъ Наполеонъ I, предводительствуя французскимъ же войскомъ“ (стр. 85). „Громадное вліяніе, дополняетъ авторъ, обнаруживаетъ, какъ показываетъ исторія, на успѣхъ военныхъ дѣйствій также и та или другая организація власти во главѣ арміи, то-есть обстановка въ которую ставится высшій представитель ея въ арміи, главнокомандующій“ (стр. 239). У Германцевъ, несмотря на ихъ три и потомъ четыре арміи, вся власть была объединена въ рукахъ одного главнокомандующаго—Прусскаго короля; у Французовъ, съ той минуты какъ Наполеонъ слагаетъ съ себя званіе главнокомандующаго, являются двѣ отдѣльныя, самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга арміи: Рейнская—Базена и Парижская—Макъ-Магона. Вотъ еще могущественное условіе успѣха для Германіи. Въ заключеніе всего своего анализа военныхъ операцій обѣихъ сторонъ въ войнѣ 1870 года и пользованія находившимися въ распоряженіи каждой стороны средствами, нашъ авторъ говоритъ между про-

чимъ что разбирая дѣйствія Французовъ „мы видимъ въ бою отчаянную храбрость войскъ, неотъемлемо имъ принадлежащую, а съ другой — крайнюю неумѣлость въ ихъ начальникахъ въ дѣлѣ веденія боя“ (стр. 248). Упомянувъ что на войнѣ необходимы *искусство и счастье*, и что она своего рода теорія вѣроятностей, авторъ изслѣдуетъ вопросъ въ какой мѣрѣ въ веденіи послѣдней войны участвовали расчетъ, зависящій отъ таланта и знанія военно-начальниковъ, и случайности, и онъ отвѣчаетъ что у Прусаковъ замѣчается преобладаніе перваго надъ вторыми, а у Французовъ наоборотъ. Между тѣмъ всѣ внѣшнія условія современной войны, формы въ которыхъ должны отливаться стратегическія и тактическія комбинаціи нашего времени, совершенствуемыя ежеднвно наукою всѣ виды оружія, способы сообщеній, телеграфы и желѣзныя дороги и т. д., всѣ эти сложныя и безпрестанно усложняющіяся формы военныхъ комбинацій нашего времени именно требуютъ усиленной подготовки арміи и ея начальниковъ въ мирное время и даютъ методическому расчету и систематическому образованію, которыми отличалась германская армія, преобладаніе надъ вдохновеніемъ и дилетантизмомъ, которыми отличалась въ войнѣ 1870 года французская армія. Таковъ для насъ общій выводъ изъ замѣчательнаго сочиненія нашего соотечественника о Франко-Германской войнѣ; этотъ выводъ выражается не разъ и имъ самимъ, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ въ какихъ мы его здѣсь изложили.

Предъ нами теперь, кажется, достаточно фактовъ и компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ мнѣній чтобъ уразумѣть удары нанесенные французской-арміи германскою и возвести ихъ къ тѣмъ общимъ политическимъ и нравственно-историческимъ причинамъ, которыя однѣ насъ и интересуютъ. Не такъ трудно отыскать связь между этими первыми причинами и ближайшими причинами военныхъ неудачъ Французовъ, какъ онѣ были выше изложены, и для этого нѣтъ, кажется, необходимости вдаваться въ болѣе подробныя соображенія военной техники. * Всѣ мнѣнія приведенныя нами выше и принадлежащія

* Для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ ходомъ военныхъ операцій и событій войны 1870—1871 годовъ, мы можемъ указать на слѣдующіе источники, сверхъ нами упомянутыхъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ: Aurelle de Paladines, *La première armée de la Loire*; Martin de Pallières, *Orléans*; Chanzy, *La deuxième armée de la Loire*; Ch. de Freycinet, *La guerre en province*; Blume, *Opérations des armées*

авторитетамъ взятымъ изъ трехъ различныхъ національностей достаточно согласны между собою въ нѣкоторыхъ главныхъ чертахъ чтобы можно было вывести изъ нихъ общія заключенія.

Вотъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ вышеизложеннаго, приводящій насъ къ самому коренному узлу всѣхъ поражений и бѣдствій Франціи. Въ Пруссіи военная система развивалась правильно и *органически*, а во Франціи росла безпорядочно и *механически*, какъ и выражается нашъ военный писатель. Иначе однако и быть не могло; то же самое найдемъ мы по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства и управленія Франціи. Иначе быть не могло при непрерывныхъ смѣнахъ не только правительствъ, но самыхъ формъ правленія. Путемъ государственныхъ переворотовъ, революціи, сдѣлавшаяся главною дѣйствующею силою въ политической жизни этой страны, не только не позволяла каждому новому правительству продолжать дѣло предшествовавшаго, но напротивъ обязывала всякаго вновь возведеннаго правителя исполнять то же дѣло иначе, вопреки и наперекоръ всѣмъ своимъ предшественникамъ. О реформѣ требующей десятки лѣтъ для своего завершенія, о передачѣ государственныхъ учреждений изъ одного поколѣнія въ другое, для ихъ дальнѣйшаго развитія въ силу традицій, въ силу одинаковой привязанности къ нимъ всѣхъ правительствъ и поколѣній, въ силу одинаковой любви всѣхъ ихъ къ одному и тому же отечеству и государству, какъ это можетъ быть во всякомъ исторически и органически развивающемся государствѣ, монархическомъ или республиканскомъ, самодержавномъ или конституціонномъ, — обо всѣмъ этомъ не могло быть рѣчи во Франціи. При особенныхъ условіяхъ политической жизни Франціи, разныя отрасли ея государственнаго управленія и законодательства должны были или остаться нетронутыми реформою покоиться въ полномъ застоѣ, или подвергаться всякимъ скачкамъ и экспериментамъ, то и другое мы и видимъ въ государственномъ бытѣ Франціи, гдѣ самая закоснѣлая канцелярская рутинна и бюрократическіе предразсудки успѣли уцѣлѣть посреди не-

allemandes, depuis la bataille de Sedan (перев. съ нѣмецк.); Rüstow, *Guerre des frontières du Rhin, 1870—71* (перев. съ нѣмецк.); корреспонденціи въ газетѣ *Times*; Wartensleben, *Opérations de l'armée du Sud pendant les mois de janvier et février 1871* (перев. съ нѣмецк.); I. Garnier, *Les volontaires du génie dans l'Est*; М. Анненковъ, *Война 1870 года. Записки и впечатлѣнія русскаго офицера*. Спб. Вышеупомянутое сочиненіе Рюстова издано и на русскомъ языкѣ.

прерывныхъ революцій, сносившихъ основы государственнаго зданія. Безчисленные примѣры этой рутины, отчужденной отъ всякихъ техническихъ усовершенствованій времени, можно найти и въ военной исторіи 1870—1871 годовъ.* Тутъ выказалось въ военномъ управленіи то поразительное смѣшеніе стѣснительной регламентаціи съ духомъ неповиновенія власти, какое встрѣчается на всякомъ шагѣ во Франціи. Съ одной стороны, недостатокъ дисциплины, съ другой—недостатокъ самодѣтельности въ подчиненныхъ. Главною заботой каждаго французскаго правительства въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія было уберечься отъ государственнаго переворота, который ежедневно висѣлъ надъ каждымъ изъ нихъ, съ первыхъ дней его существованія; можно ли было тутъ думать объ органическомъ развитіи такихъ обширныхъ и сложныхъ учреждений, каковы военныя, когда каждое французское правительство вынуждено было разсматривать всякую принимавшуюся имъ государственную мѣру не какъ мѣру государственнаго благоустройства, а прежде всего какъ средство спасенія своей собственной власти. Даже само войско снизошло съ своего высокаго назначенія служить для охраны государства отъ внѣшнихъ враговъ до орудія внутренней безопасности, какимъ оно по преимуществу было въ глазахъ всего правительства Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Возможно ли было сколько-нибудь цѣлесообразное военное воспитаніе, какіе бы ни были сроки службы, когда главною цѣлью водворенія и удержанія французскаго подданнаго въ рядахъ арміи предполагалось не образованіе изъ него воина для защиты Франціи и не воспитаніе въ немъ того духа военныхъ добродѣтелей и доблестей, о которомъ такъ краснорѣчиво говоритъ нынѣшній глава Французской республики, а воспитаніе въ солдатѣ духа той или другой партіи стоявшей во главѣ правительства, и образованіе изъ него защитника власти, или лучше партіи въ гражданскихъ междоусобіяхъ. Въ дѣлахъ

* Разказываютъ напримѣръ что французскій солдатъ и офицеръ такъ привыкли къ супу что не могутъ безъ него обойтись на войнѣ; а между тѣмъ при быстрыхъ переходахъ никогда не успѣвали приготовить супа, и армія зачастую оставалась голодною предъ сраженіями. Неудовлетворительное состояніе всей провинтской и интендантской части во Франціи причинило не мало бѣдствій въ войнѣ 1870 года. Устройство госпиталей было таково что раненымъ Французамъ было лучше когда они были въ плѣну, чѣмъ у себя дома.

воспитанія французской арміи посреди злосчастной политической исторіи этой страны, послѣ великой революціи, необходимость самоотверженія на пользу отечества, холоднаго мужества предъ смертью, стойкости, самостоятельности и находчивости въ лагерѣ и на полѣ сраженія, и т. д., необходимость всѣхъ этихъ качествъ, о которыхъ разсуждаютъ нынѣ военные писатели, отходила далеко на задній планъ предъ постояннымъ желаніемъ правительства чтобы войско не браталось съ народомъ въ случаѣ уличныхъ безпорядковъ, и предъ заботою вскормить въ солдатѣ свойства охраняющія отъ этой опасности. Свойства же эти совсѣмъ иного порядка чѣмъ тѣ которыя входятъ въ кругъ военнаго духа и военнаго воспитанія. То же самое должны сказать и о воспитаніи высшихъ военныхъ чиновъ: главнымъ назначеніемъ военныхъ училищъ было не столько воспитаніе офицеровъ и военно-начальниковъ, какъ людей преданныхъ правительству и незараженныхъ язвою смертельной вражды къ нему, которая обуревала его со всѣхъ сторонъ.

Непримиримая ненависть политическихъ партій перешла и въ ряды французскаго войска; она подтачиваетъ духъ военной дисциплины, о слабости которой во Франціи свидѣлствуютъ всѣ очевидцы. Этого печальнаго явленія, разрушающаго армію, нѣтъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ однако не менѣе борьбы политическихъ партій. Но въ другихъ государствахъ и нѣтъ вовсе, по крайней мѣрѣ на аренѣ политическаго дѣйствія, такихъ партій какія во Франціи. Каждая изъ французскихъ партій отрицаетъ самыя первоначальныя основы государства признаваемыя всѣми остальными, а потому и отрицаетъ самыя первоначальныя основы долга вѣрноподданнаго признаваемыя другими партіями; таковы всѣ дѣйствующія партіи во Франціи, и таковы онѣ были въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія, отъ великой революціи до сегодня. Этотъ коренной разрывъ между партіями такъ глубокъ, что въ понятіяхъ легитимиста, орлеаниста или конституціоналиста, республиканца умѣреннаго и краснаго нѣтъ никакихъ вѣрноподданныхъ чувствъ, нѣтъ никакого государственнаго знамени, нѣтъ никакой присяги равно для нихъ всѣхъ обязательныхъ; нѣтъ наконецъ единаго государства которому каждый изъ нихъ равно считалъ бы себя обязаннымъ служить. Такихъ партій, за исключеніемъ одинокихъ личностей и элементовъ дѣйствующихъ, какъ выра-

жаются Англичане, за дверьми политической жизни, то-есть за дверьми народного представительства, нѣтъ нынѣ въ другихъ странахъ Европы; такія партіи возможны только въ эпоху государственныхъ кризисовъ, называемыхъ революціями; эти эпохи случались какъ болѣзненные преходящія явленія во всѣхъ государствахъ, но во Франціи революція не прекращается съ 1789 года и сдѣлалась явленіемъ совѣмъ нормальнымъ. Политическія партіи дѣйствующія въ другихъ государствахъ, за исключеніемъ Испаніи, которая потеряла всякое значеніе въ политической системѣ Европы, спорять о тѣхъ или другихъ условіяхъ устройства власти, о томъ или другомъ направленіи законодательства и администраціи, но всѣ онѣ между собою согласны относительно основъ существующаго правительства, или такъ-называемаго образа правленія; во Франціи политическіе люди мыслящіе въ этомъ направленіи составляютъ исключеніе, въ противоположность другимъ государствамъ, гдѣ только въ видѣ исключенія имѣются политическіе элементы враждебные основамъ правленія. Весьма справедливо говорятъ что войско должно быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и не вмѣшиваться въ политическую жизнь страны, иначе оно не могло бы служить военною силою государства и не увеличивало бы, а уменьшало его могущество. Но чтобъ это было возможно, нужно чтобы не было въ странѣ политическихъ партій подобныхъ французскимъ, чтобы не было въ политической жизни страны нѣсколькихъ государственныхъ знаменъ и нѣсколькихъ государствъ, изъ которыхъ каждому поклоняется и считаетъ своимъ долгомъ быть вѣрною одна часть общества; войско выходитъ изъ народа, возвращается въ него, и во время самой службы не можетъ не оставаться съ нимъ въ живомъ общеніи, которое должно поддерживать въ немъ національный духъ и держать его на уровнѣ всѣхъ успѣховъ времени, какъ мы это и видимъ въ Пруссіи. Не заниматься политикой не трудно; быть вѣрнымъ правительству, когда вѣрность ему соединяетъ всѣ партіи, когда оно правительство національное, признанное въ своихъ основахъ всѣмъ народомъ, также не трудно; но быть слѣпымъ орудіемъ правительства корень котораго отщипывается посреди ежедневной борьбы партій окружающихъ войско и съ нимъ связанныхъ кровными и единоплеменными отношеніями очень не легко. Французская армія въ небольшіе промежутки времени, какъ напримѣръ между 1848 и 1852 годами,

въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, присягала нѣсколькимъ правленіямъ отрицавшимъ одно другое: июльской монархіи, республикѣ, имперіи. Нельзя требовать пассивнаго повиновенія и разобщенія съ политикою отъ арміи которую заставляютъ такъ часто измѣнять своей присягѣ въ силу политическихъ переворотовъ. * Одинъ переворотъ 2го декабря 1852 года долженъ былъ развратить всякую честную армію. Нѣтъ сомнѣнія что народъ существуетъ независимо отъ государственнаго своего облика той или другой формы; что независимо отъ Франціи республиканской, конституціонной, монархической, которымъ считаютъ себя исключительно призванными служить французскія политическія партіи, есть еще просто Франція и просто Французскій народъ, которымъ всякій Французъ можетъ считать себя обязаннымъ быть вѣрнымъ; но сознаніе такого долга предъ отечествомъ и народомъ есть или очень трудное отвлеченіе, недоступное для большинства въ нормальные періоды государственной жизни, или проявляется въ народныхъ массахъ только въ великія годыны самыхъ крайнихъ народныхъ бѣдствій и испытаній. Подобное движеніе было въ Россіи въ смутное время, и оно спасло ее отъ междоусобицы. Для обыкновеннаго хода исторической жизни необходимо матеріальное воплощеніе народнаго единства, называемое государствомъ, и матеріальное воплощеніе этого государства въ той или другой положительной формѣ верховной власти, необходимо, наконецъ, положительное знамя этой власти. Только оставаясь вѣрнымъ этому знамени народъ можетъ оставаться *вѣренъ самому себѣ*.

Когда послѣ Седана война противъ имперіи получила характеръ войны противъ Франціи, и правильныя пораженія на поляхъ сраженія превратились въ совершенный погромъ, когда имперія пала, и не существовало болѣе никакой законной власти, тогда сталъ пробуждаться во Французскомъ народѣ тотъ народный патриотизмъ, который не нуждается для своего дѣйствія ни въ какихъ политическихъ убѣжденіяхъ и не можетъ быть парализованъ никакими политическими страстями. Это пробужденіе національнаго духа во всѣхъ партіяхъ доказало что Французскій народъ какъ единое цѣлое еще существуетъ и еще не разрушенъ своими глубокими гражданскими междоусобіями.

* См. объ этомъ между прочимъ интересныя пренія французскаго національнаго собранія по поводу военной повинности 28го мая 1872 года.

Но уже было слишкомъ поздно, да и это національное движеніе, начинавшее охватывать Францію, было искажено политическими страстями и пороками, какъ мы увидимъ это въ послѣдствіи.

Итакъ недостатки въ самой организаціи французскихъ военныхъ силъ, въ ихъ качествѣ, количествѣ и управленіи, ближе всего объясняютъ пораженія имъ нанесенныя германскими силами, организованными въ совершенствѣ.

Эти недостатки были въ значительной степени обусловлены всеми пороками новѣйшей политической исторіи Франціи, но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ чтобы Французскій народъ не былъ способенъ къ иной, лучшей и приспособленной къ его національнымъ и историческимъ свойствамъ организаціи военной обороны, а тѣмъ менѣе чтобы удары нанесенные его арміи прусскою доказывали его историческое паденіе. Напротивъ надо удивляться, вмѣстѣ со всеми добросовѣтными судьями военного дѣла въ самой Пруссіи, во Франціи и въ Россіи, героизму съ которымъ французская армія боролась съ германскою посреди своихъ самыхъ бѣдственныхъ условій, и какъ она умѣла стоять и умирать въ своемъ безнадежномъ положеніи, выражаясь словами нашего военного писателя.* Стало-быть первоначальный народный матеріалъ, изъ котораго созидаются военныя силы государства, еще живъ во Франціи, какими бы недугами ни былъ зараженъ ея государственннй организмъ. Поэтому было бы еще слишкомъ преждевременно говорить что въ войнѣ 1870—71 годовъ Германскій народъ доказалъ свое окончательное превосходство надъ Французскимъ народомъ, или, какъ выражаются иные, надъ романскою расою. Но точно также было бы несправедливо приписывать всѣ побѣды только одной прусской системѣ воинской повинности, какъ будто она одна составляетъ не только все государственное, но даже и военное могущество Пруссіи, и какъ будто стоить только завести эту систему, чтобы сдѣлать любой народъ непобѣдимымъ. Этимъ мы конечно никоимъ образомъ не думаемъ отрицать самыхъ основныхъ началъ этой системы, и между прочимъ въ особенности всеобщности и всеословности рекрутской повинности; эти начала принадлежатъ къ разряду немногихъ общихъ началъ, признаваемыхъ и

* Ср. также рѣчь барона Мантейфеля при освященіи памятника въ память прусскихъ воиновъ павшихъ подъ Мецомъ (19го января 1873 года).

государственною и всею науками, и которыхъ справедливость не зависитъ ни отъ мѣста, ни отъ времени. Въ книгѣ г. Леера, въ которой прусская военная система нашла самаго горячаго для себя защитника, можно убѣдиться сколько нужно разнообразныхъ и сложныхъ условій чтобъ одерживать побѣды въ наше время, и сколько было причинъ для побѣдъ Германіи во Франціи. Если можно соединить всѣ эти причины въ одномъ выраженіи, то всего, кажется, справедливѣе будетъ сказать, приближаясь къ словамъ г. Тьера, что въ этой войнѣ побѣдило и доказало свое превосходство прусское правительство надъ французскимъ правительствомъ. Но слово *французское правительство* слѣдуетъ понимать не въ одномъ только смыслѣ правительства второй имперіи, а въ самомъ обширномъ, то-есть въ смыслѣ всякаго французскаго правительства, всей французской государственной организаціи, какъ она сложилась, или лучше разложилась путемъ непрерывныхъ государственныхъ переворотовъ и общественныхъ смутъ.

Все это хотя и не оправдываетъ второй имперіи въ пораженіяхъ Франціи, но и не позволяетъ привлекать къ отвѣтственности ее одну и лично Наполеона III, какъ къ этому слишкомъ склонно большинство Французовъ. Имперія была, по всему своему существу, правленіемъ по преимуществу революціоннымъ, вышла изъ революціи, жила подъ постояннымъ ея страхомъ и вынуждена была опираться на ея идеи и элементы, отрицая своимъ существованіемъ всякое сколько-нибудь законное правительство во Франціи. На революцію, которая сдѣлалась исторіею Франціи съ прошедшаго столѣтія и въ которой Наполеониды не болѣе какъ эпизодъ, и на глубокія язвы, внесенныя ею во французское общество, всегда можетъ сослаться вторая имперія для значительнаго своего оправданія. Всякое другое правительство, во всякой другой странѣ, посреди другихъ историческихъ и политическихъ обстоятельствъ, заслуживало бы несравненно болѣе осужденія, еслибъ оно оставляло военныя силы государства въ такомъ несовершенномъ видѣ въ какомъ была французская армія въ 1870 году, и еслибъ оно, само напрашиваясь на войну, было взято ею врасплохъ.

Какою ненавистью ни преисполнено французское общество къ поздней имперіи, однако и въ немъ есть безпристрастные голоса, умѣющіе различить насколько виновата въ военныхъ неудачахъ сама Франція и насколько имперія. „Было бы слишкомъ удобно сдѣлать изъ Наполеона III козла искупленія

за все что съ нами приключилось и перенести съ насъ самихъ отвѣтственность на монарха, конечно столько же дерзкаго; какъ и неспособнаго, внезапно поставившаго Францію на край гибели, подъ самымъ легкомысленнымъ предлогомъ; но дѣйствовать такимъ образомъ было бы опасно для самой націи, которая по своему преступному малодушію сама же довѣрила свою судьбу этому монарху“, такъ говоритъ г. Ламе-Флери, авторъ сочиненія * которое вышло еще во время войны и въ которомъ съ замѣчательною искренностью живописуются нравы и пороки французскаго общества, ввергнувшіе его во всѣ бѣдствія войны. Нѣсколько далѣе тотъ же авторъ выражается такимъ образомъ: „...Конечно Наполеонъ III умѣлъ пользоваться только дурными инстинктами черни, и опираясь на массы (какъ онъ говорилъ), старался ослабить средніе классы. Конечно, его политическая система должна быть осуждена. Но неужели и наши средніе классы не могутъ ни въ чемъ себя упрекнуть, и наши политическіе нравы не заслуживаютъ никакого порицанія?...“ Другой французскій писатель, котораго всего менѣе можно подозрѣвать въ пристрастіи ко второй имперіи, Эрнестъ Ренавъ, говоритъ о Наполеонѣ III: „Онъ въ извѣстномъ отношеніи былъ выше большинства страны; онъ любилъ добро; онъ имѣлъ вкусъ, конечно не слишкомъ развитой, къ высшей человѣческой культурѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ былъ въ полномъ разладѣ съ тѣми которые его возвели на престолъ. Онъ мечталъ о военной славѣ; его посещала тѣнь Наполеона II! Это тѣмъ страннѣе что императоръ Наполеонъ III очень хорошо видѣлъ что онъ не имѣетъ ни способностей къ военному дѣлу, ни опытности, и зналъ что Франція потеряла всѣ нужныя для этого качества. Но врожденная идея брала верхъ надъ всѣмъ...“ **

Правленіе Наполеона III специально обвиняется болѣе всего въ двухъ преступленіяхъ, чрезвычайно содѣйствовавшихъ побѣдамъ Германіи, въ томъ что война была начата ради династическихъ интересовъ и изъ-за самаго пустаго предлога и что она была начата съ силами совсѣмъ неприготовленными къ борьбѣ. Нѣтъ сомнѣнія что съ самаго начала политическій характеръ войны былъ невыгоденъ для

* Lamé-Fleury, *La guerre et la révolution*. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ ни малѣйшаго оттѣнка бонапартизма и потому оно интересно.

** E. Renan. *La réforme intellectuelle et morale*. p. 19.

Франціи: инстинкты народнаго тщеславія, властолюбія и воинственности, какъ бы ими ни изобиловалъ народъ, не могутъ заставить его напречь въ такой же степени свои силы, какъ интересы въ самомъ дѣлѣ національные. Въ то время какъ вся Германія подымалась на священную войну, heiliger Krieg, Французы готовились буквально къ прогулкѣ въ Берлинъ, une promenade à Berlin; всеобщая беззаботность, за исключеніемъ весьма немногихъ скептиковъ, препятствовала тому возбужденію дѣятельности всей страны и тому самоотверженію, которыя могли бы быть вызваны народною причиною войны, и которыя даже при тѣхъ силахъ какими располагала тогда Франція, позволили бы ей встрѣтить врага въ менѣе безпомощномъ положеніи. Династическія побужденія къ войнѣ едва ли слѣдуетъ слишкомъ ставить въ укоръ Наполеону III, въ томъ положеніи въ какомъ онъ находился въ 1870 году; * на свои династическіе интересы онъ имѣлъ нѣкоторое право смотрѣть какъ на національные, ибо упроченіе императорской династіи могло обезопасить Францію въ ближайшемъ будущемъ отъ гражданскихъ междоусобій. Для охраны общественной безопасности Наполеонъ III былъ призванъ къ правленію, а военная слава была легендою его династіи, и у какого же другаго источника было ближе искать освѣженія ея могущества? Само собою разумѣется что и при личныхъ династическихъ побужденіяхъ къ войнѣ могли быть найдены болѣе приличные предлоги къ борьбѣ съ Германіей чѣмъ испанскій престолъ. Но тутъ вся политика императорскаго правительства оказывается въ высшей степени не мудрою и не ловкою, какъ это было достаточно изложено въ предыдущей главѣ; критиковать и теперь представляется дѣломъ слишкомъ легкимъ. Ошибки имперіи мы старались объяснить особенностями ея положенія предъ началомъ войны. Самою грубою ошибкой справедливо считаютъ что она не была начата въ 1866 году, „что Франція не пришла на помощь Австріи, когда Пруссія была ослаблена войною. Германія еще не было слючена въ одно цѣлое, и сама Франція можетъ-быть была болѣе готова тогда къ войнѣ, если и не именно своей арміей, то настроеніемъ всей страны. Но верѣшимость въ то время Наполеона III на войну объясняютъ тѣмъ что онъ считалъ военныя силы Франціи къ ней не готовыми. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно Франція стала вооружаться, были истрачены громадныя капиталы на переустрой-

* См. предыдущую главу.

ство арміи, императорское правительство заявляетъ что считаетъ себя готовымъ встрѣтить хоть всю Европу, и вслѣдъ за тѣмъ оно оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ даже къ самой малой войнѣ. Даже при всѣхъ коренныхъ недостаткахъ французской организаціи военныхъ силъ сравнительно съ прусскою, онѣ все-таки могли быть, при большей заботливости, приведены въ болѣе порядоку предъ войною; на примѣръ никакая военная система не мѣшала поставить на свои мѣста пушки въ крѣпостяхъ, имѣть достаточное количество артиллерійскихъ орудій годныхъ для службы, запастись провіантскимъ довольствіемъ и т. д. Ко всему уже сказанному и слишкомъ извѣстному въ этомъ отношеніи, прибавимъ еще неприготовленность къ войнѣ французскаго флота, на который также возлагались большія надежды въ первоначальномъ французскомъ планѣ кампаніи и который дѣйствительно могъ бы отвлечь нѣкоторую часть прусскихъ военныхъ силъ на сѣверѣ. Но даже и французскій флотъ, такъ недавно стоявшій наравнѣ съ великобританскимъ и составлявшій гордость Франціи, былъ почти не въ состояніи помѣряться силами съ германскимъ, едва возникшимъ послѣ 1866 года. Было совершенно готовыхъ къ кампаніи въ Шербургѣ только три броненосца, и даже они не превосходили германскихъ броненосцевъ быстротою хода, и были слабѣе ихъ по вооруженію. Не было ни одного французскаго судна которое бы могло равняться съ германскимъ *Кенигъ-Вильгельмомъ*. *

Но сколько бы система французскаго военнаго управленія и хозяйства ни тормозила, сама по себѣ, всѣ операціи по вооруженію арміи и приведенію ея на военную ногу, надо все-таки полагать что *при доброй и энергической волѣ* Франція могла быть въ 1870 году болѣе готова къ бою, чѣмъ она дѣйствительно была. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ нынѣшній президентъ Французской республики. Наконецъ императорское правительство могло по крайней мѣрѣ знать что оно не готово къ войнѣ, чего оно очевидно не знало еще наканунѣ ея объявленія. Объясненіе этого едва ли не единственнаго въ своемъ родѣ историческаго казуса должно, кажется, искать преимущественно въ двухъ особенныхъ чертахъ царствованія Наполеона III.

- * См. J. Layrle, *Les opérations maritimes dans la Baltique et la Mer du nord* (Revue des Deux Mondes).

Вопервыхъ, вся императорская администрація, преимущественно высшая, была крайне плоха, независимо отъ всякихъ органическихъ пороковъ государственнаго управленія и законодательства Франціи; она была плоха личною дѣятельностью и личнымъ составомъ, которые сами по себѣ могутъ исказить въ исполненіи самые лучшіе законы, также какъ и поправить самые худшіе. Эта сторона государственной жизни имѣетъ огромное значеніе, на которое можетъ-быть нигдѣ не обращено достаточно вниманія кромѣ Германіи; самая благодѣтельная въ своемъ принципѣ реформы не имѣютъ никакихъ послѣдствій, а иногда только вредныя, когда дурны исполнители, и напротивъ того, народъ иногда благоденствуетъ съ доброкачественною администраціей, при самыхъ устарѣлыхъ законахъ и учрежденіяхъ.

Давно было извѣстно что администрація второй имперіи не отличается чистотою нравовъ; неурядица въ государственныхъ финансахъ и правительственное покровительство промышленнымъ предпріятіямъ сомнительнаго свойства, биржевой спекуляціи и акіотажу, заставляли предполагать что въ дѣятельности правительственныхъ лицъ собственные ихъ промышленные интересы господствуютъ надъ государственными. Говорили о цѣлыхъ военныхъ экспедиціяхъ, какова Мексиканская, снаряженныхъ исключительно для обогащенія сановниковъ имперіи. Слухи о лихоимствѣ и казнокрадствѣ, возродившихся во Франціи въ самыхъ утонченныхъ и прогрессивныхъ формахъ нашего времени, ускользающихъ отъ контроля и уголовного суда, подтвердились нынѣ положительными фактами. Знаменитая коммиссія національнаго собранія, подъ предѣлательствомъ герцога д'Одифре Паскье, подвергнувшая слѣдствію всѣ военные подряды, бросила яркій свѣтъ на нравственную сторону государственнаго управленія второй имперіи, и съ этой стороны многое объяснила въ неприготовленности Франціи къ войнѣ: артиллерійскія орудія, числившіяся только въ отчетныхъ вѣдомостяхъ, не воспламеняющіеся патроны, солдатскіе башмаки съ картонными подошвами и т. д. Нужно замѣтить что чиновничество во Франціи, въ этой странѣ противорѣчій и контрастовъ, пользуется издавна репутаціей честности, при значительной долѣ невѣжества и при своихъ непріятныхъ для публики, грубыхъ, бюрократическихъ замашкахъ. И до сихъ поръ таковъ низшій и въ особенности провинціальныи чиновничій классъ; французскій point d'honneur играетъ тутъ не-

маловажную роль и не позволяет низшимъ административнымъ агентамъ находящимся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ публикѣ входить въ прямыя съ нею сдѣлки, противныя человѣческому достоинству. Но для высшихъ представителей власти не существуетъ этой послѣдней необходимости, и столичные слои французской администраціи были заражены умѣньемъ быть заинтересованными въ дѣлахъ (*interessé aux affaires*), при всемъ внѣшнемъ подобіи неподкупности. Для этого служили разныя финансовыя и промышленныя предпріятія, которымъ оказывалось покровительство правительствомъ; изъ высшихъ столичныхъ сферъ, безнравственность заражала и высшихъ должностныхъ лицъ провинціи, которыя находились въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ центральному управленію. Припомнимъ куріозный процессъ (въ мартѣ 1872) префекта Эрскаго департамента Жанвье де-Ламотта. Вотъ между прочимъ что было писано въ газетахъ по этому дѣлу: „подсудимый сознался во всемъ—мало того, во многихъ случаяхъ онъ хвасталъ своими преступленіями. Вздумалось ему обзавестись щегольскою парижскою мебелью, вотъ онъ приступаетъ для этого къ новой обмѣблировкѣ дома умышленныхъ; своя мебель заказывается вмѣстѣ съ мебелью этого заведенія, а къ уплатѣ представляется подложный счетъ, въ которомъ обѣ суммы слиты. Въ Парижѣ выбираетъ онъ лучшіе цвѣты для убранства покоевъ императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ и любовницѣ своей значительный подарокъ цвѣтами и приказываетъ занести оба долга въ одинъ счетъ, который уплачивается департаментомъ. Онъ сыплетъ безъ счета и своими и казенными деньгами; онъ увлекается, говоритъ онъ, своею благотворительностью, *этого де требуетъ обязаніе власти*, а между тѣмъ оказывается что значительная часть этихъ суммъ шла на удовлетвореніе грязныхъ страстей и развратныхъ привычекъ.“ *

Лихоимство въ такомъ видѣ и въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія всегда изобличаетъ собою серіозныя внутренніе недуги государственнаго организма. Скандалы этого рода служатъ предвѣстниками ладенія правительства, какъ это было въ послѣдніе годы царствованія Людовика-Филиппа. Частные и исключительные случаи безчестности въ администраціи всегда возможны и неотвратимы никакими мѣрами;

* *Московскія Вѣдомости* 1872 года, 21го марта.

но систематическое пользованіе государственною дѣятельностью для промышленныхъ цѣлей водворяется какъ нравственная зараза и одинаково увлекаетъ за собою и честныхъ и нечестныхъ людей. Огромное большинство людей вездѣ и всегда подчиняется общему настроенію среды которая ихъ окружаетъ; личностей активно и энергически противостоящихъ теченію всегда и вездѣ очень мало. Между прочимъ дѣйствуютъ заразительно даже расточительность и роскошь, которыя распространяются между чиновниками, почерпывающими средства къ мотовству изъ незаконныхъ источниковъ. Чтобы жить въ административномъ мірѣ въ непрерывномъ разладѣ съ его нравами нуженъ героизмъ. Вотъ объясненіе оправдательнаго приговора присяжныхъ противъ упомянутаго выше префекта де-Ламотта. „Суди по англійскимъ понятіямъ, говорилъ *Times*, система коей слѣдоваль де-Ламоттъ есть явное мошенничество, но какъ моралисты, такъ и законники судятъ о дѣяніяхъ на основаніи господствующихъ мнѣній и обычаевъ... и присяжные подтвердили своимъ вердиктомъ теорію что императорскаго префекта не слѣдуетъ осуждать, если онъ въ своей сферѣ слѣдоваль той пресловутой финансовой системѣ которая такъ пріятно и удачно привела къ Седану.“ Господствующее въ правительственной средѣ сознаніе государственнаго долга и необходимости подчиненія ему всякаго личнаго интереса сдерживаетъ своекорыстныя поползновенія даже самыхъ безнравственныхъ личностей.

Лихоимство разившееся въ правительственной средѣ второй имперіи имѣетъ свои причины, характеризующія это правленіе, и потому интересныя. Оно было обусловлено отсутствіемъ гласности и парламентскаго контроля, которые были подавлены императорскою диктатурою. Судебная власть, хотя по закону и независимая отъ администраціи, находилась однако подъ сильнымъ ея гнетомъ; магистратура, корпорація издавна самая почтенная во Франціи, должна была подчиниться этому гнету. Преслѣдованіе преступленія по должности зависѣло исключительно отъ самого правительства, и вчинаніе частными лицами исковъ противъ должностныхъ лицъ, какъ это безпрепятственно дѣлается въ Англіи, почти невозможно во Франціи. Народное представительство было до конца царствованія Наполеона III безгласно, а послѣ парламентской реформы законодательное собраніе предалось бесплодному ораторскому

искусству, и даже оппозиція занималась только политическими пререканіями, а не дѣломъ, какъ это бываетъ всегда во Франціи. Парламентскій контроль надъ администраціей именно потому всегда тамъ ничтоженъ что представительство остается чуждымъ дѣловой практической сторонѣ государственной жизни, сосредоточивая всѣ свои силы на борьбѣ за общіе политическіе принципы. Сверхъ всего этого въ закваску правительственной среды второй имперіи вошла съ самаго начала безнравственные элементы, солутствовавшіе Наполсону III въ тревожныхъ приключеніяхъ его до-императорской карьеры и потомъ совершившихъ государственный переворотъ 2го декабря 1852 года: для такихъ переворотовъ необходимы руки не совсѣмъ чистыя; легко смущающаяся совѣсть негодится для нихъ, и въ этомъ-то между прочимъ одно изъ печальныхъ условій всякой узурпаціи государственной власти. Вотъ одна изъ главныхъ первоначальныхъ причинъ пороковъ управленія этого царствованія: важнѣйшіе его политическіе дѣятели были ему заданы впередъ, и оно не могло отъ нихъ отказаться. Эти люди, необходимые для насильственныхъ переворотовъ, но отъ этого одного еще не необходимые для государственнаго дѣла, влекли за собою цѣлую массу другихъ, родственныхъ имъ въ нравственномъ отношеніи людей.

Всѣ государственные таланты второй имперіи были сомнительной нравственности, а честные люди самыхъ сомнительныхъ способностей. Соединеніе въ личномъ составѣ администраціи умственной посредственности, которая также имѣетъ свойство распространяться эпидемически, съ безнравственностью—это явленіе самое обыкновенное. Каждая изъ этихъ двухъ категорій людей нужна одна для другой и не можетъ обойтись безъ взаимнаго сотрудничества: люди провидящіе въ государственномъ дѣлѣ свои личныя интересы нуждаются въ прикрытіи своихъ дѣйствій личностями пользующимися общественнымъ уваженіемъ, по ихъ нравственному характеру, но недостаточно самостоятельными чтобы противоdѣйствовать злоупотребленіямъ власти, а эти послѣднія личности нуждаются въ покровительствѣ сильныхъ, безъ котораго ихъ блистательная карьера была бы невысказима. Всѣ государственные таланты, какъ заявившіе себя при прежнихъ правительствахъ Франціи, такъ и вновь возникавшіе, стояли въ сторонѣ отъ дѣла второй имперіи или переходили въ ожесточенную и непримиримую оппозицію.

Во главѣ императорскаго правленія стоялъ кружокъ людей, который устранялъ отъ государственной дѣятельности всякаго ему лично *не преданнаго* чловѣка. Такой кружокъ нельзя назвать политическою партіей, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ сонмомъ своихъ агентовъ во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ кругахъ дѣятельности, въ администраціи, въ народномъ представительствѣ, въ литературѣ и журналистикѣ, даже въ наукахъ и искусствахъ, этотъ кружокъ походилъ скорѣе на нѣчто въ родѣ тайнаго общества, заправлявшаго судьбами Франціи, нежели на партію. Всякая политическая партія имѣетъ свою программу какихъ-нибудь общихъ, руководящихъ началъ политической дѣятельности, собирающихъ людей отовсюду въ силу ихъ убѣжденій, независимо отъ ихъ личныхъ отношеній. Въ противоположность такому направленію настоящихъ партій и здоровой политической жизни, во Франціи требовалось какъ главное качество отъ служителя имперіи его личная преданность кружку стоявшему во главѣ правленія, преданность даже не интересамъ имперіи, а личнымъ интересамъ этого кружка; можно было имѣть какія угодно убѣжденія, хоть красныя республиканскія, хоть легитимистскія (такихъ людей было не мало въ рядахъ государственной службы второй имперіи), можно было имѣть какіе угодно пороки и не имѣть никакихъ достоинствъ, лишь бы внушить начальству надежды на свою личную преданность, которая была условіемъ личнаго фавора и съ нимъ всякой карьеры. Отсюда фаворитизмъ, о которомъ было упомянуто выше, относительно назначеній на мѣста французской арміи, и который преобладалъ и въ гражданской службѣ.

Фаворитизмъ растапливаетъ личный составъ государственной администраціи и іерархіи, и въ особенности пагубенъ для воспитанія новыхъ въ нихъ силъ, къ возвращенію которыхъ прилагаетъ свою заботливость всякая здоровая администрація. Слишкомъ извѣстно въ какой гнилой нравственной атмосферѣ воспитывалось новое поколѣніе дѣлцовъ второй имперіи, и она вкусила слишкомъ горькіе плоды этого воспитанія, не имѣя при своемъ концѣ около себя никакихъ молодыхъ силъ для замѣщенія вымиравшихъ сподвижниковъ первыхъ ея дней. Это обстоятельство не мало содѣйствовало государственному и военному безсилію императорскаго правительства въ борьбѣ съ Германіей. Его администраторы и дипломаты отличались такою же неумѣlostью какъ и полководцы. Иначе и быть

не могло, когда путемъ къ карьерѣ и къ высшимъ мѣстамъ въ служебной іерархіи были не упорный трудъ, добросовѣстное исполненіе долга и знаніе, а только протекція и всякіе ради ея происки, когда возвышались только люди *случайные*, какъ они у насъ очень характеристично называются. Этимъ объясняется поразительная бѣдность людей оказавшаяся во Франціи, всегда славившейся личными талантами. Новые люди (министерство Оливье), взявшіеся за возрожденіе имперіи на парламентскихъ началахъ, не имѣли никакой опытности въ дѣлахъ, которой никогда и нельзя пріобрѣсти во Франціи въ рядахъ парламентской оппозиціи. Политическая жизнь Франціи, по самому ея существу, сосредоточиваясь исключительно на отвлеченной и страстной борьбѣ за общіе принципы и формы правленія, не изощряетъ дѣловыя и практическія способности людей, не пріучаетъ ихъ изучать дѣйствительныя обстоятельства каждаго вопроса, а выдвигаетъ на первый планъ только говоруность. Представительныя французскія собранія всегда отличались словоизверженіями и выдвигали главнымъ образомъ личности отличавшіеся ораторскимъ краснорѣчіемъ, чисто внѣшнимъ, или крайностью своихъ политическихъ требованій, ничего не имѣющихъ общаго съ жизнью. Поэтому парламентаризмъ и компрометтировалъ себя во Франціи. Адвокатская дѣятельность, совсѣмъ чуждая государственному дѣлу, служила главнѣйшимъ разсадникомъ государственныхъ людей Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи, такъ какъ адвокатура служила лучше школою для парламентарскаго краснорѣчія. Отсюда вышли люди захватившіе въ свои руки правленіе 4го сентября. Когда же наконецъ, посреди бѣдствій войны и внутренней анархіи, ежедневно возраставшихъ, Франція опомнилась, то пришлось для спасенія государства обратиться къ самымъ старымъ людямъ, стоявшимъ у государственнаго дѣла четверть вѣка тому назадъ, обладающимъ практическою опытностью и преданіями для управленія дѣлами. Таковы нынѣшній президентъ Французской республики, главный его помощникъ, г. Ремюза, завѣдующій всею ея иностранною политикою, гг. Одилона Барро, Гизо и другіе, къ совѣтамъ которыхъ не разъ прибѣгали и которые казались отжившими свой вѣкъ ветеранами уже двадцать лѣтъ тому назадъ. Хотя и доимператорская или парламентская Франція нынѣшняго столѣтія была не совсѣмъ хорошею школою для образованія практическихъ государственныхъ людей, въ настоящемъ смыслѣ, — людей дѣла, а не мысли и

слова,—но все-таки реставрація и июльская монархія нѣсколько подготовили дѣятелей, по крайней мѣрѣ соответствующихъ условіямъ французской политической жизни. Все это поколѣніе не только мало-по-малу сошло въ могилу, въ частной жизни, въ уединеніи, въ эмиграціи, въ ссылкѣ, но устраненное имперіей отъ всякаго участія въ дѣлахъ, не могло и воспитать для замѣщенія себя новаго поколѣнія, какъ это дѣлается при нормальномъ ходѣ государственной жизни; всякія традиціи государственнаго дѣла были порваны на цѣлую четверть вѣка, которая осталась потерянною для этой великой задачи всякаго государственнаго управленія,—подготовки людей для будущаго. Еще надолго останутся во Франціи слѣды этого зла, которое обыкновенно не замѣчается въ настоящемъ.

Въ традиціяхъ, съ одной стороны, революціонныхъ баррикадъ 1848 года, съ другой, насильственнаго переворота 1852 года, господствовавшихъ исключительно въ политической жизни второй имперіи, посреди раздраженія, злобы, унынія общественныхъ слоевъ, съ нею не примирившихся, и посреди личной преданности, угодливости, слѣпой покорности и фаворитизма ея служителей, посреди безмолвія парламента и печати, не могли созрѣть характеры и дарованія нужные для государственной дѣятельности. Вторая имперія испытала на себѣ посреди критическихъ обстоятельствъ своего конца несчастіе имѣть служителями только агентовъ, орудія, а не людей. Около нея не нашлось ни одной личности достаточно самостоятельной чтобъ ее поддержать. Цѣль которая стояла на первомъ планѣ у императорскаго правительства, освободиться отъ всѣхъ нравственно независимыхъ людей, была какъ нельзя лучше достигнута, къ гибели имперіи. Низшія степени бюрократическаго міра вездѣ мало благопріятны для воспитанія государственныхъ людей, а тѣмъ менѣе могли онѣ послужить для этого во Франціи, гдѣ административная централизація и канцелярская рутина убиваютъ всякій духъ самостоятельности въ должностныхъ лицахъ. Мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ, въ другихъ странахъ, начинаютъ часто свое поприще государственные люди, совсѣмъ не было во Франціи.

Мы указали, кажется, всѣ главныя причины плохаго состоянія императорской французской администраціи, ничего не подготовившей, ничего не предвидѣвшей и ничего не вѣдавшей предъ войною 1870 года, и во время ея разлива, столько же по гражданской, какъ и по военной части государственнаго

управленія. Такая администрація отчасти оправдывает слова Наполеона III, въ одномъ частномъ его письмѣ: „г. Сень-Жене, въ замѣчательной статьѣ, напечатанной въ газетѣ *Фигаро*, полагаетъ что со стороны императора было преступленіемъ объявить войну, когда онъ долженъ былъ знать что Франція не была готова ее вести. Было бы справедливѣе сказать что императоръ былъ виноватъ, довѣрившись представленнымъ ему отчетамъ о возможности соединить въ нѣсколько дней всѣ элементы входящіе въ составъ войска (Наполеонъ). *

Эта администрація должна была встрѣтиться и помѣриться силами съ отличнѣйшею администраціей Европы. Пруссія и въ этомъ отношеніи составляла совершенный контрастъ съ Франціей. ** Прусская администрація, несмотря на нѣкоторыя свои непривлекательныя стороны, по преимуществу, впрочемъ, внѣшнія, *** сдѣлавшія ее непопулярною, самая просвѣщенная, честная, самая преданная своему долгу администрація въ свѣтѣ. Нигдѣ болѣе какъ здѣсь не сохранилось крѣпкихъ традицій и дисциплины, которая сдерживаетъ личный произволъ столько же въ гражданской, какъ и въ военной службѣ. Это послѣднее значеніе дисциплины еще мало понимаютъ, считая ее легкомысленною принадлежностью деспотизма. Традиціи и дисциплина нисколько не уничтожаютъ личной инициативы и самостоятельности въ подчиненныхъ чиновникахъ, ихъ самостоятельность развивается въ Пруссіи отличнымъ научнымъ образованіемъ и поддерживается непрерывнымъ общеніемъ, въ самомъ зрѣломъ и даже престарѣломъ возрастѣ, съ міромъ науки и искусства. Нѣтъ чиновника который бы болѣе всѣхъ интересовался и соприкасался съ чуждыми бюрократіи сферами

* См. газету *Фигаро*, гдѣ напечатано это письмо.

** Ср. о противоположности характера и администраціи Пруссіи и Франціи, Henri Reeve, *Royal and republican France*, Lond. 1872 (V. 1, p. 247 и пр.).

*** Репутация грубости и неблаговоспитанности, которою пользуется прусская бюрократія внѣ Германіи, и отчасти въ самой Германіи, чрезвычайно преувеличена враждебными Пруссіи партіями, и повторяется на слово и по слухамъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ; но всякій путешествовавшій по Европѣ могъ убѣдиться на опытъ съ какими административными агентами пріятнѣе имѣть дѣло, съ прусскими или французскими? Очень ошибутся тѣ которые воображаютъ что послѣдніе сколько-нибудь склонны къ куртуазіи, отличающей образованное и свѣтское французское общество.

какъ нѣмецкій. Относительно школьной подготовки Германіи принадлежитъ рѣшительное превосходство предъ личнымъ бюрократическимъ составомъ всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ; тамъ на государственную службу не допускаются вовсе лица не окончившія университетскаго курса и не выдержавшія строгихъ такъ-называемыхъ государственныхъ экзаменовъ. Исключеніе изъ этого составляютъ только самыя низшія отрасли администраціи, откуда служащіе не могутъ ни подняться до высшихъ должностей ни проникнуть въ другія отрасли. Въ свою очередь средніе люди на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности,—администраціи, промышленности,—нигдѣ не стоятъ такъ высоко въ интеллектуальномъ отношеніи и въ знаніи своего дѣла, какъ въ Германіи. Фаворитизму остается очень мало мѣста въ прусской администраціи; должностныя лица поднимаются по іерархической лѣстницѣ чрезвычайно туго и медленно, ради положительныхъ, всѣми признанныхъ заслугъ и опытности; быстрыя и исключительныя карьеры, разжигающія страсти и заставляющія смотрѣть на государственную службу какъ на азартную игру, почти совсѣмъ невозможны. Люди остаются долго на тѣхъ же мѣстахъ, связывая съ ними свою честь и свою репутацію. Такая медленность государственной карьеры даетъ много времени на подготовку къ ней, и дѣлаетъ смѣну одного поколѣнія другимъ совсѣмъ не ощутительною въ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Уже это одно исключаетъ эксперименты и ломку въ государственномъ управленіи, и даетъ ему ту устойчивость и послѣдовательность дѣйствій (*ausdauer*), которымъ оно отличается въ Пруссіи. Вотъ съ какою администраціей пришлось выдержать борьбу плохой французской администраціи. Въ войнѣ сражаются не однѣ военныя силы государствъ, и это всего лучше доказала нынѣшняя война. Достоинствомъ прусской администраціи, блистательно заявившимъ себя во всѣхъ распоряженіяхъ, не по одной только военной части, необыкновенному порядку и точности ея дѣйствій удивлялись сами Французы. Сравнивая прусскую администрацію съ французскою, англійскій публицистъ г. Ривъ, авторъ замѣчательныхъ статей о Франціи и послѣдней войнѣ, * говоритъ: „Въ учрежденіяхъ Пруссіи есть нѣчто напоминающее о спартанскомъ характе-

* См. Заблоцкаго-Десятовскаго, *Финансовое управленіе и финансы Пруссіи*, и статью нашу объ этой книгѣ въ *Русск. Вѣстн.* 1871.

рѣ,—авторитетъ королей, которые предводительствуютъ своимъ народомъ, простота и умеренность жизни, которая въ классы общества сохранила посреди вѣка роскоши и распущенности, подавляющая сила публичной власти, подчиняющей себѣ каждую волю и поглощающей личность въ государствѣ, суровыя, непривѣтливыя формы жизни, созданныя дисциплиною. Все это принадлежить столько же древнему, какъ и новому военному государству. Всѣ эти характеристическія черты соединены со строгимъ чувствомъ долга, нравственныхъ обязанностей, съ религіей, которыхъ нельзя было найти въ остроумцахъ и философахъ измѣнчиваго Аѳинскаго народа.“ Въ видѣ примѣра можно указать, кромѣ военного хозяйства, еще на государственные финансы Пруссіи.* Естественные финансовые ресурсы гораздо значительнѣе во Франціи, чѣмъ въ Пруссіи, а между тѣмъ благодаря ихъ благоустройству Пруссія и въ финансовомъ отношеніи была сильнѣе Франціи въ самомъ даже началѣ войны. Кромѣ превосходства самой прусской финансовой системы надъ французскою, замѣчательны въ Пруссіи добросовѣстность, порядокъ и обдуманность въ распоряженіи финансовыми силами, въ сравненіи съ расточительностью и безпорядочностью во Франціи. Въ финансовомъ отношеніи Франція была такъ же не подготовлена къ войнѣ, какъ и въ военномъ; въ то время какъ Пруссія, благодаря давно обдуманному плану, начала войну безъ всякаго финансового напряженія, не истощая даже своихъ запасовъ (не реализовавъ весь военный заемъ), Франція, несравненно болѣе ея богатая, но уже истощенная во время мира, вынуждена была вслѣдъ за первыми пораженіями прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ и къ принудительному ихъ курсу. Въ заключеніе всего сказаннаго нами о прусской администраціи, упомянемъ о возбужденномъ въ послѣднее время въ прусскомъ парламентѣ преслѣдованіи нѣкоторыхъ чиновниковъ (Вагенера и др.) за злоупотребленія по концессіямъ желѣзныхъ дорогъ. Этотъ фактъ, надѣлавшій столько шума, можетъ быть приводимъ какъ аргументъ противъ чистоты прусской администраціи; но въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка онъ долженъ служить доказательствомъ строгости нравственныхъ правилъ господствующихъ въ прусскомъ управленіи. Спекуляція на административныхъ мѣстахъ распространилась теперь всюду въ Европѣ,

* R. Reeve. *Royal and republican France v. II* (p 250).

но видѣла она не возбуждала противъ себя такой бури, какъ въ Пруссіи. Обвиняемые чиновники принадлежать къ высшимъ слоямъ администраціи и находятся въ близкихъ отношеніяхъ къ первенствующимъ правительственнымъ лицамъ; несмотря на это и прусское правительство пошло на встрѣчу парламентскому движенію и, не страшась никакого скандала, рѣшилось на самое беспощадное изслѣдованіе. Конечно въ этой рѣшимости много благоразумія, но такимъ благоразуміемъ отличаются не всѣ правительства.

Главные недостатки французской администраціи, какъ мы выше объясняли, были неизбежнымъ результатомъ революціонныхъ бурь періодически свирѣпствовавшихъ во Франціи съ конца прошедшаго столѣтія, всего революціоннаго положенія вещей, сдѣлавшагося въ этой странѣ нормальнымъ, и подчиняющаго себѣ всѣ условія ея государственной жизни даже въ эпохи относительно спокойныя. Всѣ эти недостатки администраціи усилились и къ нимъ прибавились новые пороки во время второй имперіи, которая, какъ чисто революціонная диктатура, была самымъ характеристическимъ послѣдствіемъ гражданскихъ междоусобій. Сравнительно самый мирный періодъ во Франціи, царствованіе Людовика Филиппа, слѣдовавшій за сравнительно самымъ легкимъ революціоннымъ переворотомъ 1830, принесть свои плоды, пожатые Наполеономъ III въ началѣ его царствованія. Весьма не трудные и незначительные успѣхи французскаго оружія, но все-таки успѣхи, въ Крымской кампаніи и въ Италіанской, были очевидно послѣдствіемъ правительственныхъ заботъ о внутренней администраціи, арміи и флотѣ, въ предыдущее царствованіе. Государственная дѣятельность тѣмъ въ особенности и трудна что ея положительные результаты всегда далеко впереди отъ дѣятелей, а потому и не могутъ быть оцѣнены современниками. Императоръ Наполеонъ III былъ обольщенъ своими военными успѣхами, также какъ и дипломатическими, въ первой половинѣ своего царствованія, и введенъ ими въ заблужденіе, не замѣчая что при всемъ развитіи промышленности и народнаго богатства Франціи всѣ боевыя силы ея правительства, административныя и военныя, болѣе и болѣе приходили въ упадокъ къ концу царствованія. При такъ-называемомъ личномъ правленіи, основанномъ исключительно на личныхъ отношеніяхъ всѣхъ органовъ власти къ ея главѣ, правителю трудно, почти невозможно, замѣтить то что вокругъ дѣлается. Для

этого нужны необычайныя геніальныя способности прозорливости, какими обладали въ видѣ исключенія иные великіе вѣстители въ исторіи, да и то при совѣтѣ другихъ историческихъ условіяхъ, чѣмъ нынѣшнія. Теперь всѣ элементы общественной и политической жизни до того усложнились, что если и ходить всякій день въ толпѣ народа, по улицамъ и рынкамъ, на подобіе Гарунъ-Аль-Рашида, то все-таки ничего не увидишь. При томъ личномъ правленіи какое было устроено во Франціи диктатурою Наполеона III, свѣдѣнія необходимыя главѣ государства о положеніи дѣлъ доходятъ до него не чрезъ посредство законныхъ органовъ власти, которыми нѣтъ причины скрывать дѣйствительное положеніе, а чрезъ его приверженцевъ, которые должны и вынуждены, въ силу своего существованія, представлять положеніе такимъ какимъ это выгодно для ихъ личныхъ видовъ и интересовъ. И тутъ дѣло не всегда въ намеренномъ обманѣ, а очень часто въ самообманѣ: кажутся вещи такъ какъ хочется, какъ пріятно чтобъ онѣ были и какъ условлено чтобъ онѣ казались. Отъ высшихъ ступеней власти до низшихъ повторяется то же самое, когда вся государственная дѣятельность основана на личныхъ отношеніяхъ, на личныхъ интересахъ, и не влечетъ за собой никакой иной отвѣтственности, кромѣ какъ предъ лицомъ начальника или покровителя: всѣ заинтересованы и всѣ привыкаютъ видѣть и понимать вещи въ интересѣ своихъ личныхъ отношеній. Всѣ другъ друга обманываютъ и вводятъ въ заблужденіе, отчасти намеренно, отчасти добросовѣстно. Наканунѣ объявленія войны 1870, приверженцы имперіи желавшіе войны старались настроить воинственно общественное мнѣніе, имъ доносили что таково дѣйствительное настроеніе страны; въ то же время доносили что все готово къ войнѣ до послѣдней луговицы, и большинство несомнѣнно чистосердечно всему этому вторило, и эти голоса, громче и громче усиливались, съ каждою ступенью вверхъ, доходили до самого престола и его оглушали. Къ искреннему невѣднію тутъ конечно примѣшивалась злостная и своекорыстная спекуляція, но было не мало и положительнаго невѣднія, которое было одною изъ причинъ несостоятельности французскаго правительства къ войнѣ.

Какъ всякое личное правленіе, французское императорское держалось силою личностей: личностью самого Наполеона III и личностями ему близкими. Эта сила значительно умалилась

къ концу царствованія. Ряды первоначальныхъ и самыхъ крѣпкихъ соподвижниковъ Наполеона III лорѣдѣли, и затѣмъ въ его собственной личности произошло съ болѣзнями * и старостью не мало перемѣнъ. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, чрезвычайно важномъ въ исторіи всякаго личнаго правленія, и, какъ намъ кажется, объясняющемъ многое въ злочастномъ концѣ этого царствованія, мы уже упоминали. Здѣсь намъ бы хотѣлось только еще указать на нѣкоторыя особенности самой личности и характера Наполеона III, составляющія, сверхъ плохой его администраціи, другую причину неприготовленности Франціи къ войнѣ.

Изъ всѣхъ дѣйствій Наполеона III послѣ торжества Пруссіи въ 1866, также какъ при движеніи его во время самыхъ переговоровъ съ Пруссіей, предъ войною, нами описанныхъ, можно заключить съ полною достовѣрностью что онъ колебался между миромъ и войною; своими личными симпатіями и влеченіями онъ склонялся скорѣе къ миру, и настоящимъ образомъ къ войнѣ не готовился, на ней одной, какъ на неизбѣжной развязкѣ его царствованія, онъ конечно не сосредоточивалъ своихъ мыслей. Съ самаго 1866 года онъ разчитывалъ на успѣхъ своей дипломатіи и надѣялся избѣжать войны. Увѣренія французскаго правительства въ то время, что перевооруженіе арміи не имѣетъ иной цѣли, какъ внушить въ Европѣ подобающее уваженіе ко Франціи и возстановить европейское равновѣсіе, были искренни въ томъ смыслѣ что императоръ надѣялся однимъ этимъ, безъ войны, достигнуть успѣха въ своихъ дипломатическихъ походахъ въ Берлинъ, то на счетъ прирейнскихъ земель, то на счетъ Бельгіи. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ этого желать, ибо это вполне соответствовало тому внутреннему его настроенію которое въ то время должно было истекать изъ нѣкоторыхъ свойствъ его характера и всего его прошедшаго. Кромѣ слишкомъ извѣстнаго теперь колеблющагося его темперамента, политическія его мысли, а съ ними и дѣянія его царствованія были колебаніемъ между самыми противоположными элементами. Наполеонъ III, какъ можно заключить и изъ его сочиненія, ** изъ его мѣро-

* Наполеонъ III былъ давно тяжело боленъ; объ этомъ свидѣлствуютъ и всѣ дѣйшіе его медики, по случаю его смерти (см. между прочимъ письмо докт. Томсона).

** См. *Réveries politiques*, par Louis Napoléon Bonaparte, 1831. *Idée, napoléoniennes*, его же, 1839.

пріятій, въ особенности по народному хозяйству, хорошо понималъ умственные и социальныя движенія нашего времени, и въ этихъ движеніяхъ, а никакъ не въ военной славѣ, видѣлъ главный предметъ государственной дѣятельности. Сущность его политическихъ идей, и сущность наиболѣе ему симпатичная, была весьма миролюбиваго свойства, — экономическій и демократическій прогрессъ народныхъ массъ подъ опекою государственной диктатуры или цезаризма. Тутъ было чрезвычайно много утопическаго, въ духѣ французскаго социализма сороковыхъ годовъ, впрочемъ съ значительною примѣсью весьма заравыхъ экономическихъ понятій; * этотъ утопическій, мечтательный элементъ въ мысляхъ Наполеона, отчасти отразившійся даже и на вѣшной его политикѣ (неоднократныя предложенія созвать европейскій конгрессъ для водворенія вѣчнаго мира) и повредилъ состоятельности его государственной дѣятельности, но онъ безъ сомнѣнія увлекалъ его душу гораздо болѣе, чѣмъ всякіе военные подвиги. Военный элементъ его царствованія былъ ему навязанъ традиціями его династіи, отъ которыхъ онъ отказаться не могъ, и несостоятельностью его мечтательныхъ политическихъ идей, не разрѣшавшихъ социальныя задачи во Франціи и не совладавшихъ съ гражданскими междуусобіями; военный элементъ былъ навязанъ ему необходимостью отвлеченія внутреннихъ страстей ко вѣшнымъ дѣламъ, и наконецъ воинственнымъ настроеніемъ войска и приближенныхъ, и отчасти самого Французскаго народа. Все царствованіе Наполеона III есть рядъ компромиссовъ между этими двумя теченіями, между преданіями первой имперіи и XVIII вѣка, и мирными экономическими требованіями новаго времени. Политическая исторія всей Европы XIX вѣка имѣетъ этотъ характеръ, но онъ особенно рельефно отпечатлѣлся въ исторіи Франціи, и именно второй имперіи, возникнувшей на развалинахъ республики, созданной социальною революціей 1848. Политическая исторія Франціи тѣмъ въ особенности интересна и назидательна, что общеевропейскіе движенія и недуги выражаются въ ней особенно выуклыми и характеристическими чертами. Февральскимъ переворотомъ 1848 и гражданскими смутами, которыя не прекращались при республикѣ и заставили всю Францію пожелать болѣе прочной государственной

* Сверхъ предыдущихъ сочиненій самого Наполеона III, ср. А. Le-roy Beaulieu. *La politique du second empire* (*Revue de Deux Mondes* 1872).

власти, чѣмъ республиканская, Наполеону III была указана задача внутреннего гражданского умиротворенія страны, споспѣшествованія ея народному благосостоянію, въ особенности подъему рабочихъ массъ. Когда онъ провозгласилъ что *Имперія есть миръ*, надо думать что онъ не имѣлъ положительнаго намѣренія никого обманывать, и всего болѣе обманывалъ самого себя. Въ его мысляхъ было чрезвычайно много неопредѣленнаго и химерическаго, на подобіе французскихъ радикаловъ и социалистовъ сороковыхъ годовъ, вліяніе которыхъ на его политическое воспитаніе не подлежитъ сомнѣнію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ преданіями имперіи и своей династіи онъ обязывался отомстить Европѣ за поруганную память своего предка, возродить внѣшнее обаяніе Франціи, уроненное мѣщанскою политикою іюльской монархіи, усилить вліяніе ея на европейскія дѣла и удовлетворить честолюбію войска, содѣйствовавшаго возведенію его на престолъ. Какъ самъ императоръ, такъ же точно и вся Франція колебалась между этими двумя противоположными стремленіями политической жизни: внутреннимъ благоустроеніемъ и обогащеніемъ, и военнымъ честолюбіемъ. Наполеонъ III значительно олицетворяетъ собою политическій образъ мыслей большинства Французовъ, и въ этомъ можно найти много оправданія для его царствованія. Въ первой половинѣ своего царствованія, онъ очень искусно и удачно лавировалъ между этими двумя совѣмъ противоположными призваніями: велъ краткія войны, съ чрезвычайною умѣренностью останавливалъ ихъ развитіе, пользовался ими преимущественно для выгодныхъ дипломатическихъ сдѣлокъ, извлекалъ дипломатическія побѣды изъ чужихъ войнъ, и водворивъ желѣзною рукою внутреннюю безопасность, и заключивъ либеральныя коммерческія трактаты съ европейскими государствами, содѣйствовалъ небывалому доселѣ возрастанію народнаго богатства и промышленности Франціи. Ни въ себѣ самомъ, при значительномъ утопическомъ складѣ своихъ экономическихъ и политическихъ понятій, ни въ окружающей средѣ государственныхъ дѣятелей, Наполеонъ III не нашелъ достаточно силъ для болѣе глубокихъ законодательныхъ, административныхъ и финансовыхъ реформъ, какія требовались во Франціи и требуются до сихъ поръ; а только такія реформы которыя бы кореннымъ образомъ измѣнили направленіе умовъ и условія публичнаго быта во Франціи способны сдвинуть французское общество съ пути революцій и войнъ, на которомъ оно блуждаетъ

и тщетно ищетъ выхода съ конца прошедшаго столѣтія. Парламентарная реформа 1869 не оказала въ этомъ отношеніи никакой помощи императору. Самымъ бластательнымъ доказательствомъ несостоятельности всей парламентской среды того времени къ практическому государственному дѣлу служить легкомысліе съ которымъ законодательное собраніе отнеслось къ переговорамъ съ Пруссіей о гогенцоллернской кандидатурѣ. Комиссія разсматривавшая дипломатическую переписку, которая явно вела къ войнѣ, не сумѣла заставить министровъ представить ей подлинныя документы, и положила въ такомъ критическомъ положеніи на голословныя утвержденія герцога Грамона. * Сплетеніе внутреннихъ затрудненій, уже прежде нами описанное, привело къ войнѣ, къ которой, какъ можно думать, Наполеонъ III собственно *не готовился*, это, какъ намъ кажется, еще причина тому что онъ былъ захваченъ войною врасплохъ, и что со стороны Франціи не было никакого зрѣло обдуманнаго впередъ плана кампаніи, подобнаго прусскому.

Вынужденный попытаться возвратить войною блескъ своей звѣзды и своей династіи, обязанный сверхъ того въ силу своихъ династическихъ преданій стать во главѣ войскъ и совѣтъ къ тому неспособный, Наполеонъ III дѣлается лично виновникомъ первыхъ пораженій. Если при положительномъ превосходствѣ государственныхъ и военныхъ боевыхъ силъ Германіи, ея окончательная побѣда въ этой войнѣ и была рано или поздно неизбѣжна, то первыя пораженія, при большей готовности Франціи къ войнѣ и большей талантливости ея полководцевъ, могли быть избѣгнуты. Между тѣмъ эти пораженія быстро разстроили духъ арміи и привели въ смятеніе самого императора; отсутствіе всякаго единства въ высшемъ начальствѣ надъ арміей совѣтъ разстроило всѣ ея движенія. ** Даже неизвѣстно было кто главнокомандующій, Базенъ или императоръ, которому было постыдно сдать команду послѣ своихъ неудачныхъ распоряженій. Первыя жестокія пораженія всегда постыжаютъ уныніе въ войскѣ, а для французскаго они были смертельнымъ ударомъ. Также точно для всякаго монарха,

* См. показанія членовъ комиссіи маркиза Талуэ и Дреоля въ парламентскомъ свѣдѣствіи надъ событіями 4го сентября.

** Это особенно ясно изъ показаній маршала Макъ-Магона въ комиссіи 4го сентября. Злополучное движеніе его къ Мецу объясняется отсутствіемъ главнокомандующаго и противорѣчивыми приказаніями которыя онъ получалъ.

чувствительны болѣе чѣмъ для генерала пораженія претерпѣваемая подъ его предводительствомъ, а для Наполеона III, въ обстоятельствахъ его власти, они были гибельны. Всѣ эти ошибки усилили военный погромъ Франціи; но и въ нихъ не все было случайно и не все могло быть отклонено доброю волею, а многое по необходимости истекало изъ предыдущихъ историческихъ обстоятельствъ: нелѣпая послѣдствіемъ объявленія войны была отчасти вынуждена внутреннимъ политическимъ положеніемъ императора и отчасти основана на его невѣдѣніи своихъ боевыхъ силъ; стратегическіе промахи и бездарность въ командованіи войсками значительно зависѣли отъ политической необходимости для Наполеона III стать во главѣ арміи и отъ системы фаворитизма, господствовавшей въ военной іерархіи. Президентъ Французской республики справедливо указываетъ на отличный личный составъ прусскаго правительства, какъ на одну изъ важныхъ причинъ его могущества, объясняя это тѣмъ что король Вильгельмъ не боялся быть затмѣннымъ славою своихъ совѣтниковъ и исполнителей; но этотъ фактъ происходитъ не отъ личнаго характера этого монарха, а отъ характера его власти; эта власть покоится на неизбѣжныхъ основахъ исторической монархіи, а не на случайныхъ личныхъ свойствахъ монарха; власть же Наполеона III была противоположнаго свойства. Власть узурпатора не можетъ возвышаться, какъ законная монархическая власть, талантами и подвигами своихъ исполнителей, а подвержена опасности быть унижена и уничтожена и т. п. Въ такомъ же положеніи находились и всѣ приближенные Наполеону III люди, до самыхъ низшихъ исполнителей.

Въ этомъ осужденіе, въ этомъ же и оправданіе для второй имперіи. Всякая другая администрація, которая бы въ иныхъ историческихъ условіяхъ допустила у себя подобные порядки была бы неизмѣримо болѣе неразумна и преступна, чѣмъ администрація Наполеона III.

Правленіе этого монарха было естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ историческихъ событій во Франціи; въ томъ или другомъ видѣ, насильственная диктатура водворяется на общественной почвѣ которую революціи изрыли до того что вырвали изъ нея корни всякой законной исторической власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ этого правленія и способы его дѣйствія были послѣдствіемъ всѣхъ общественныхъ пороковъ, поставленныхъ государственными

переворотами и гражданскими междоусобіями. Эти междоусобія и поражаемая ими страсти не проходят же даромъ для общественной нравственности. Иначе дѣло было бы слишкомъ легко для всякаго народа отдѣлываться отъ дурныхъ правительствъ посредствомъ насильственныхъ возмущеній. Вторая имперія была вызвана безпомощностью высшихъ слоевъ французскаго общества создать какое-либо прочное республиканское правительство для охраны права и для безопасности лицъ и имуществъ; она была призвана всеми классами общества спасти страну отъ гибели, какою угрожали ежедневно возникавшія смуты и непримиримая вражда партій. Эта диктатура явилась въ той формѣ къ какой невѣжественныя народы массы чувствовали наиболѣе симпатію, въ которую наиболѣе оны вѣровали,—въ формѣ преданій о другомъ великомъ спасителѣ народа отъ подобной же гибели. Наполеонъ III и его правленіе, осуществившіе эту форму власти, могли хуже и лучше исполнить свое призваніе, могли оказаться выше и ниже его; но все это частныя и личныя ихъ достоинства или злоупотребленія, въ общей же сложности они были историческимъ продуктомъ политическаго развитія Франціи съ конца прошедшаго столѣтія. Во время всего своего царствованія императоръ Наполеонъ III слышалъ только благословенія своего народа, а если до него доходилъ ропотъ, то только изъ такихъ сферъ которыя были несостоятельны поставить на мѣсто императорской власти что-либо лучшее. Поэтому было бы нелѣпо и несправедливо, каковы бы ни были грѣхи имперіи, взваливать на отвѣтственность ея одной бѣдствія 1870—71 годовъ, какъ впрочемъ дальнѣйшія событія это еще очевиднѣе подтвердили.

Просвѣщенные и мыслящіе Французы это сами хорошо понимаютъ. „Я глубоко люблю мое отечество, говоритъ гр. Гаспаренъ, авторъ самой безпристрастной и самой замѣчательной книги * о современномъ положеніи Франціи. Въ этой странѣ все воспоминанія моего дѣтства, въ ней мое семейство, въ ней все мои интересы. Если измѣрить патріотизмъ моею скорбью, то я не боюсь сравненія ни съ кѣмъ. Моя скорбь началась не съ Верта и не съ Седана. Она далеко предшествовала нашимъ пораженіямъ; я почувствовалъ ее уже при Лудовикѣ-Филиппѣ,

* Le C. A. de Gasparin, *La France, nos fautes, nos périls, notre avenir*. Paris. 1872. Мы уже прежде упоминали объ этой книгѣ.

съ развращеніемъ парламентскихъ выборовъ. Моя скорбь была велика съ 1848 года, она возрасла въ 1851, во время всего этого упадка нравственныхъ силъ называемаго имперіей... Безумная война довела ее до послѣдней крайности. Моя скорбь происходить гораздо менѣе отъ приключеній дня, чѣмъ отъ внутреннего недуга насъ томящаго. Я скорблю надъ прошедшимъ, гдѣ корень всѣхъ нашихъ пораженій; я скорблю надъ будущимъ, около котораго собрались тучи социализма. Я скорблю, видя несправедливость моего отечества, пониженіе характеровъ, блѣдность убѣжденій, скорблю видя приближеніе бѣдствій, ни съ чѣмъ несравнимыхъ, свободу, прогрессъ, благосостояніе, нравственную жизнь, во всѣхъ ихъ формахъ, подверженныя опасности и можетъ-быть потеряныя навсегда; вотъ что меня раздираетъ и преслѣдуетъ.“ Авторъ не долго пережилъ эти мрачныя строки, и едва ли не къ своему счастью; до сихъ поръ большинство Французовъ, призывая къ отвѣтственности за всѣ свои несчастія одну имперію и продолжая идти въ политической жизни по прежнимъ избитымъ колеямъ, приведшимъ Францію къ имперіи и Седану, не могло понять гр. Гаспарена. Англіійскій публицистъ глубоко изучившій исторію Франціи и уже нами упомянутый разсуждаетъ въ томъ же направленіи, возводя банкротство второй имперіи въ войнѣ 1870 къ давнопрошедшимъ историческимъ причинамъ, породившимъ это правленіе: „Несчастливымъ, хотя и неожиданнымъ образомъ, говоритъ г. Ривъ, империализмъ утвердилъ свои основанія на развалинахъ французской революціи и на народныхъ массахъ развращенныхъ демократіей и лишенныхъ свободы и самоуправленія, ее исправляющихъ. Империализмъ, какъ онъ былъ понятъ и приведенъ въ исполненіе Наполеономъ III, усилилъ всѣ пороки демократіи и жилъ ими. Нація падала подъ вліяніемъ безнравственнаго личнаго правленія, которое, захвативъ въ свои исключительныя руки всю власть, старалось вознаградить народъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Печать была въ оковахъ. Право сходовъ для политическихъ цѣлей отнято. Матеріальные успѣхи были куплены цѣною высшихъ интересовъ, и сами оказались весьма легко разрушаемыми; чѣмъ безсильнѣе и несостоятельнѣе дѣлались граждане, какъ говорилъ Токвиль, тѣмъ дѣятельнѣе становилось правительство, болѣе и болѣе вынужденное заботиться о томъ къ чему были неспособны отдѣльныя лица. Въ этомъ-то и заключается величайшее заблужденіе. Правительство не мо-

жетъ имѣть другой силы, кромѣ силы націи; если энергія, нравственность и самостоятельность наши убываютъ, то рано или поздно правительство должно имѣть ту же участь.“ *

Вторая имперія едва ли заслуживаетъ упрека за диктатуру, которая установилась въ первые ея годы, какъ неизбежное послѣдствіе революціоннаго безначалія, которому она призвана была единодушнымъ голосомъ всей Франціи положить конецъ; но она можетъ быть обвиняема за то что диктатура вызванная чрезвычайными обстоятельствами водворилась какъ постоянная правительственная система, что общество не было постепенно подготовлено и воспитано для перехода къ свободному правленію, соответствующему условіямъ быта образованныхъ народовъ, что воздвигнутое Наполеономъ III зданіе, согласно собственному торжественному его обѣщанію, не было своевременно увѣнчано, или лучше, изъ временнаго не было передѣлано въ болѣе постоянное государственное зданіе. Обѣщанный вѣнецъ (*le couronnement de l'édifice*) явился слишкомъ поздно, или лучше, былъ вырванъ изъ ослабѣвшихъ и одряхлѣвшихъ императорскихъ рукъ, наканунѣ революціи, и подъ ея угрозою, когда не нашлось въ обществѣ ни людей, ни опыта, ни привычекъ нужныхъ для самоуправленія. Свободныя государственныя учрежденія никогда не удаются, когда они даруются правительствами въ эпохи ихъ слабости и опасности. Чтобы *привести въ дѣйствіе* политическія льготы, практически воспользоваться ими и для упроченія власти и для народнаго благосостоянія, чтобъ, однимъ словомъ, устроить свободное правленіе, правитель нуждается въ большей силѣ, нежели чтобъ отнять льготы и закрѣпить общество. Большею частью бюрократія разсуждаетъ въ противоположномъ направленіи, полагая что для государственнаго деспотизма и для правительственной реакціи противъ свободныхъ движеній общества нужно обладать бѣльшимъ могуществомъ, чѣмъ для его освобожденія и для прогресса въ политической жизни. Въ этомъ одно изъ величайшихъ заблужденій рутинной бюрократіи, тормозящихъ успѣхи политической жизни. Отсюда между прочимъ происходитъ то странное явленіе что иныя государственныя люди считаютъ подвигомъ мужества и доблестью противодѣйствовать мирному развитію политической свободы,

* H. Reeve, *Royal and republican France*, Lond: 1872, V. I, p. 291 (*France in 1870*).

убѣжденные что этимъ они докзываютъ свое могущество. Правительства на апогей своей власти не дѣлають тѣхъ самыхъ уступокъ общественному мнѣнію которыя потомъ они вынуждены бывають сдѣлать въ эпохи своей слабости. Утративъ популярность, правители стараются изобрѣсти ее, льстя моднымъ идеямъ, и часто даже временнымъ заблужденіямъ толпы. Между тѣмъ никакая политическая льгота не бываетъ плодотворна, если она не проводится въ жизнь правительствомъ сила котораго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію ни для подданныхъ, ни для него самого. Это необходимо какъ для собственной обороны власти отъ излишнихъ и преждевременныхъ притязаній, которыя такъ легко порождаются въ обществѣ всякою новою льготою, такъ и для охраны страны отъ злоупотребленій и неопытности въ пользованіи свободными учрежденіями. Мы можемъ найти блистательное доказательство этому въ нашемъ отечествѣ, въ освобожденіи крестьянъ и водвореніи связанныхъ съ нимъ новыхъ учреждений. Успѣхъ ихъ былъ главнѣйше обезпеченъ прочностью государственной власти, не подвергавшейся ни малѣйшему вопросу; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ успѣхъ былъ важнымъ условіемъ для дальнѣйшаго освобожденія народа отъ бюрократической опеки и для развитія у насъ самоуправленія. Потому и велика отвѣтственность предъ исторіей тѣхъ правительствъ которыя въ періоды своего могущества не воспитываютъ народы къ политической свободѣ своевременными реформами.

Все это справедливо, но вторая имперія едва ли была когда-нибудь въ подобномъ положеніи, благопріятномъ для упраздненія этой диктатуры. Въ какой степени это правительство было ничтожно въ самомъ своемъ существѣ, лучше всего доказываются событіями послѣдовавшими за Седаномъ и переворотомъ 4го сентября. Хотя эти событія уже принадлежать другому кругу явленій, революціи, къ которой мы перейдемъ въ скоромъ времени, однако мы коснемся ихъ здѣсь, насколько они относятся къ войнѣ 1870—71 годовъ и объясняютъ ея пораженія. Эти событія, совокупно съ такъ-называемымъ коммуналистскимъ возстаніемъ послѣ заключенія мира, лучше всего доказавшія что война только отсрочила революціонный взрывъ во Франціи, довели военныя пораженія и униженія страны до самой послѣдней крайности.

Нравственное смятеніе въ которое пришелъ императоръ послѣ самыхъ первыхъ пораженій, и съ нимъ пришли всѣ

части правительственной машины, двигавшейся исключительно личною волею, а не дѣятельностью законовъ и учреждений, уже одно это смятеніе, о которомъ свидѣлствуютъ всѣ факты и всѣ очевидцы этой эпохи, дѣлало невозможнымъ дальнѣйшую оборону страны и продолженіе войны со стороны Франціи; между тѣмъ это личное смятеніе Наполеона III было какъ нельзя болѣе естественно, и не объясняется однимъ только болѣзненнымъ его состояніемъ, хотя даже и оно играло тутъ, какъ во всей исторіи войны, немаловажную роль. Впрочемъ и самая тяжкая болѣзнь монарха никогда не можетъ получить, въ нормальныхъ условіяхъ верховной власти, того значенія какое она имѣла въ исключительныхъ обстоятельствахъ Французской императорской власти и ея носителя. Наполеонъ III очень хорошо понималъ что съ неудачею на полѣ битвъ было связано паденіе съ престола его самого и его династіи, чего никогда не можетъ случиться при обыкновенномъ законномъ устройствѣ верховной власти, не только монархической, но даже и республиканской. И въ причинахъ своего смятенія, необъяснимаго одними прусскими побѣдами, Наполеонъ III нисколько не ошибался, какъ доказалъ очень скоро ходъ внутреннихъ политическихъ событій во Франціи до 4го сентября включительно. Испытавъ пораженія, онъ не смѣетъ и не можетъ вернуться въ Парижъ, хотя это непременно требовалось и для удаленія его отъ командованія арміей, и для всѣхъ государственныхъ распоряженій по вооруженію націи къ самой энергической оборонѣ. Въ Парижѣ уже начинается полная дезорганизация государственнаго управленія, которое имѣетъ свой центръ не то въ главной квартирѣ арміи, не то въ лицѣ императрицы-регентши, не то въ законодательномъ собраніи; наскоро сколоченное министерство 10го августа (генерала Паликао), потерявшее голову съ перваго дня своего вступленія, не знаетъ гдѣ искать опоры и силы для дѣйствія. Распоряженія и указанія идущія изъ трехъ упомянутыхъ высшихъ сферъ между которыми разлагается верховная власть, и даже приказанія идущія изъ одной и той же сферы противорѣчатъ одно другому; въ центральной администраціи образуются двѣ администраціи (главы министерства генерала Паликао и парижскаго губернатора генерала Трошю) между собою соперничающія и одна другую подозрѣвающія въ измѣнѣ, два правительства, одно прошедшаго, другое будущаго. Палата, составленная изъ большинства безгласныхъ представителей,

такъ-называемыхъ официальныхъ кандидатовъ, не имѣть никакой силы взять въ свои руки власть и дѣла, не чувствуя подъ собою никакой почвы; она потеряла ее съ удаленіемъ императора и упадкомъ его власти, такъ какъ она представляла собою не націю и ея волю, а волю императора, или лучше, его партіи. Небольшая горсть представителей находившаяся въ оппозиціи подняла голову, но только для крикливаго осужденія правительства и безплодныхъ рекриминацій, а не для энергическаго дѣйствія. Для дѣйствія она не имѣла никакой иной государственной опытности, кромѣ вражды къ существующему порядку, никакихъ побужденій, страхась болѣе всего, едва ли не болѣе чѣмъ подписать унижительный миръ, поддерживать имперію и монархію, при своихъ закоренѣлыхъ республиканскихъ убѣжденіяхъ, наконецъ не имѣла никакого серьезнаго политическаго значенія въ странѣ, знавшей этихъ людей только по ихъ краснорѣчивымъ рѣчамъ противъ имперіи. Высшее государственное учрежденіе, предназначенное по основнымъ законамъ государственной конституціи стоять на стражѣ верховныхъ интересовъ государства и быть незыблемою опорою престола, сенатъ, оставался, послѣ хвалебныхъ своихъ рѣчей объявленію войны, безмолвнымъ свидѣтелемъ разложенія власти, которую онъ призванъ былъ охранять. Последнее засѣданіе сената 4го сентября 1870 описанное во французскихъ фельетонахъ въ юмористическомъ духѣ, одна изъ самыхъ характеристическихъ страницъ траги-комической эпопеи этихъ дней. Никто не далъ даже себѣ труда объявить о закрытіи или распущеніи сената, при провозглашеніи республики на балконѣ Парижской Городской Думы; только что это извѣстіе распространилось между сенаторами, эти верховные хранители неприкосновенности государственной власти и святости законовъ опрометью разошлись изъ залы своихъ собраний, не составивъ даже протокола своего послѣдняго засѣданія. Вотъ какъ ничтожны бываютъ самыя высшія государственныя учрежденія при личномъ правленіи, и какую ничтожную помощь они могутъ оказывать ему въ минуту опасности. Бѣгство императрицы Евгеніи изъ Тюилерійскаго дворца подъ охраною нѣсколькихъ личныхъ ея друзей иностранцевъ слишкомъ извѣстно. Въ націю отличающейся рыцарствомъ и куртуазіею въ отношеніи къ женскому полу, этотъ эпизодъ не возбудилъ ничего кромѣ насмѣшекъ и презрѣнія. Низложеніе императорской династіи и провозглашеніе республики 4го сен-

тября совершились на улицахъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, безъ малѣйшаго протеста съ чьей бы то ни было стороны; изъ несмѣтной толпы приверженцевъ имперіи, изъ 7ми миллионъ подавшихъ ллѣбисцить за нея, не возвысился ни одинъ голосъ порицанія такому образу дѣйствій, насильственному и грубому не только въ отношеніи къ императорской власти, но даже лично въ отношеніи къ членамъ императорской фамиліи. Сочувствія къ имперіи и интриги къ ея возстановленію возникли потомъ, когда они понадобились для образованія имперіалистской партіи, добывающей власти и въ настоящее время, ради личныхъ интересовъ этой партіи, а никакъ не любви къ имперіи. Наканунѣ переворота 4го сентября и на другой его день, казалось что иначе быть не могло, хотя и не существовало ни малѣйшей тѣни заговора къ низложенію имперіи.

Никакія военныя пораженія, ни даже сдача Седана и плѣнъ императора, не объясняютъ сами по себѣ низложенія имперіи. Имперія собственно даже не была никѣмъ ниспровергнута, а пала сама собою, по недостатку силъ для продолженія своей жизни; никому не пришло въ голову въ то время защищать ее. Мгновенное паденіе ея, вслѣдъ за плѣномъ императора, представлялось каждому неизбѣжнымъ послѣдствіемъ исторіи его власти. Никакого ужаснаго государственнаго или частнаго преступленія, которое давало бы націи право нравственное или юридическое на его низложеніе, Наполеонъ III не совершилъ; да впрочемъ о такомъ правѣ и не возникало никакой серіозной рѣчи, какъ въ этомъ случаѣ такъ и во всѣхъ французскихъ переворотахъ, насильственно ставившихъ одно правленіе на мѣсто другаго. Ни оказавшаяся неспособность монарха къ командованію войсками, ни его плѣненіе, какъ бы они ни были гибельны для народа, не могутъ поколебать монархической власти, если ея основы крѣпки и нормальны. Военною неспособностью отличались многіе государи, даже весьма любимые и замѣчательные; военныя доблести даже нисколько не входятъ въ кругъ личныхъ качествъ нужныхъ для государственоваія въ наше время. Въ самой Франціи были монархи попадавшіе въ плѣнъ къ непріятелю, Лудовикъ Святой и Францискъ I; ихъ власть нисколько отъ того не умалилась и они принадлежатъ къ числу самыхъ знаменитыхъ и популярныхъ французскихъ монарховъ. Регенство императрицы, которое и безъ того уже существовало законнымъ образомъ, могло продолжать, пока императоръ былъ въ

плѣну, управление государствомъ и веденіе войны, или же заключить миръ. Можно въ военномъ отношеніи различно судить о сдачѣ Седана,—позорной развѣ только какъ результатъ цѣлаго ряда предыдущихъ стратегическихъ ошибокъ и недѣльных распоряженій, можно различно судить съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ Наполеона III его поступокъ личной своей сдачи, но едва ли возможно видѣть въ немъ какое-либо государственное преступленіе. Вотъ собственныя слова Наполеона III въ его позднѣйшемъ письмѣ изъ изгнанія къ генераламъ командовавшимъ отдѣльными корпусами при Седанѣ: „честь арміи была достаточно охранена мужествомъ которое она показала въ этихъ сраженіяхъ, и я воспользовался правомъ принадлежавшимъ мнѣ какъ государю, давъ приказаніе поднять бѣлый флагъ, и громко принимаю на себя ответственность за этотъ актъ (je revendique hautement la responsabilité de cet acte). Закланіе 60.000 человѣкъ не могло спасти Францію; возвышенное самоотверженіе начальниковъ и солдатъ было бы неужною никому жертвою. Поэтому мы покорились жестокой, но непреложной необходимости; она разорвала мое сердце, но оставляетъ мою совѣсть покойною.“ Со стороны всякаго друга монарха, съ инымъ характеромъ, и инымъ прошедшимъ, эти слова были бы приняты какъ весьма разумныя и даже великодушныя. Какъ бы то ни было, Наполеонъ III во время самой войны не совершилъ ничего такого чѣмъ бы могъ заслужить постигшую его участь, еслибъ она не была приготовлена ему всѣми предшествовавшими войнѣ обстоятельствами; напротивъ, онъ даже жертвовалъ на войнѣ своею личностью, своею личною честью, и могъ бы, будь онъ въ иныхъ условіяхъ власти, поставить себя, какъ государь, въ положеніе гораздо болѣе независимое отъ хода военныхъ дѣйствій и распоряженій. Но его участь была уже рѣшена заранее: онъ могъ возвратиться въ Парижъ только побѣдителемъ. Итакъ паденіе второй имперіи было послѣдствіемъ никакъ не военныхъ событій, а собственно, внутренней ея исторіи, которая была результатомъ всей государственной жизни Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Военныя пораженія были только поводомъ къ ея низверженію, подобно тому какъ сентябрьскіе декреты Карла X относительно печати, вопросъ объ избирательной реформѣ и реформистскіе банкеты поводами къ низверженію легитимистской и орлеанской монархіи. Но какъ ни скоростижно умирали всѣ роды правительства во Франціи, и какъ ни поразительно то всеобщее равнодушіе и

безмолвіе общества которое окружало смерть каждого изъ нихъ, однако конецъ второй имперіи превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣ другіе. Она умерла не только безъ всякихъ конвульсій, но даже безъ агоніи, если не считать агоніей всѣ послѣдніе годы царствованія Наполеона III. Ни одного слова не только сопротивленія, но сочувствія, сожалѣнія, уваженія, благодарности надъ этою могилой. Это явленіе, объясняющее чрезвычайную легкость провозглашенія республики 4го сентября, даже сравнительно со всѣми французскими переворотами, должно быть всецѣло приписано личнымъ свойствамъ членовъ императорской династіи. Ни къ одному изъ членовъ императорскаго семейства не было въ обществѣ ни малѣйшаго уваженія, и ни одинъ изъ нихъ не заслуживалъ его по своему умственному и нравственному характеру. Каждый обязанъ былъ высотой своего положенія единственно официальной принадлежности къ царствующей фамиліи, а безъ этого имѣлъ что-называется дурную репутацію. Съ именемъ каждого была связана въ общественномъ мнѣніи болѣе или менѣе скандальная хроника. По своему умственному образованію ни одинъ членъ императорской фамиліи не стоялъ на уровнѣ времени, какъ напр. всѣ члены прусской королевской семьи или орлеанской.

Низверженіе имперіи и разстройство съ нею всего государственнаго управленія было конечно окончательнымъ ударомъ нанесеннымъ оборонительнымъ средствамъ Франціи.

IV.

Мы указали положеніе Франціи въ продолженіи ея борьбы съ Германіей, объясняющее всѣ результаты войны какъ въ первой, такъ и во второй ея половинѣ. Никакая нація, каково бы ни было ея могущество, ея богатство, ея дарованія и патріотизмъ, не въ силахъ вести разомъ два такихъ движенія, какъ война и революція; каждое изъ нихъ само-по-себѣ,—и война безъ революціи, и революція безъ войны,—вызываетъ крайнее напряженіе народныхъ силъ, уничтожаетъ капиталы накопленные предыдущими поколѣніями и пресѣкаетъ развитіе народнаго труда. Одинъ этотъ фактъ совокупнаго и одновременнаго развитія во Франціи въ 1870—1871 годахъ двухъ величайшихъ народныхъ бѣдствій даетъ ключъ къ уразумѣнію ея погрома. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ

фактъ еще не позволяет говорить объ историческомъ паденіи Французской націи и ея культуры, а напротивъ того заставляетъ изумляться ея жизненности, позволившей ей перенести въ теченіи 80 лѣтъ два раза, безъ всякаго истощенія силъ, такіе удары которые могли бы быть смертельны для самаго могущественнаго государства.

Прежде чѣмъ перейти ко внутреннему недугу, отъ котораго страдаетъ Франція съ конца прошедшаго столѣтія и въ развитіи котораго революціонный кризисъ 1870—1872 годовъ былъ однимъ изъ многихъ эпизодовъ, мы должны заключить очеркъ войны во второмъ ея періодѣ, послѣ сдачи Седана и лѣтна императора. Эта часть войны существенно отлична отъ первой, которою мы были преимущественно заняты до сихъ поръ. Въ этомъ второмъ періодѣ войны дѣйствіе на ея ходъ со стороны революціонныхъ силъ вышло гораздо болѣе наружу чѣмъ въ первомъ періодѣ и до ея объявленія, когда зависимость войны отъ революціи была заслонена множествомъ побочныхъ обстоятельствъ.

Послѣ сдачи Седана характеръ войны совсѣмъ измѣняется: изъ наступательной, она дѣлается чисто оборонительною, со стороны Франціи, и изъ оборонительной она дѣлается чисто наступательною со стороны Пруссіи. Изъ правильной войны регулярныхъ армій, она превращается въ лобовище армій съ народными ополченіями; наконецъ, изъ войны политической между двумя правительствами, она переходитъ въ ожесточенную борьбу двухъ народовъ, съ полнымъ разгаромъ національной ненависти. До сихъ поръ считалось что никакія военныя силы и никакіе полководцы не могутъ справиться съ народною войною, а между тѣмъ сколько ни распространялась во Франціи народная война, сколько ни возрасталъ захватъ французской территоріи германскими полчищами, сколько ни возжигался патріотизмъ во всѣхъ французскихъ сердцахъ, къ защитѣ родной земли отъ нашествія иноплемениковъ, — несмотря на все это всѣ усилія Франціи оказались тщетны. Возбужденіе народной войны противъ правильныхъ армій не только не помогло Франціи, но съ развитіемъ ея страна стала болѣе и болѣе изнемогать подъ ударами непріятельскихъ войскъ, побѣдоносныхъ на всѣхъ безъ изъятія пунктахъ, и вынуждена была подчиниться всякимъ условіямъ, предписаннымъ ей побѣдителемъ. Другой вопросъ, не менѣе приводящій въ недоумѣніе всѣхъ добрыхъ республиканцевъ Фран-

ціи и съ ними республиканцевъ всего свѣта; республиканское знамя, въ магическомъ дѣйствіи котораго на воодушевленіе народа огнемъ свободы и энтузіазма противъ рабобѣдныхъ германскихъ арій никто изъ нихъ не сомнѣвался, оказалось совсѣмъ безсильнымъ противъ монархическаго знамени Го-генцоллерновъ,—даже болѣе безсильнымъ чѣмъ опозоренное знамя имперіи.

Чтобъ отвѣчать на эти вопросы, нужно прежде упомянуть о причинахъ продолженія войны послѣ Седана; оно не истекало прямо изъ первой ея части, а съ обѣихъ воюющихъ сторонъ ожидали что Седаномъ война окончена. Продолженіе ея послѣ сдачи императора было почти разочарованіемъ не только для Французовъ, но даже и для Нѣмцевъ. * Вслѣдъ за Седаномъ, Франція могла получить, какъ даже и въ то время многіе были увѣрены, условія мира болѣе выгодныя, чѣмъ черезъ 6 мѣсяцевъ безплодныхъ для себя истязаній. Точно также Пруссія, послѣ всѣхъ безусловныхъ своихъ побѣдъ и послѣ уничтоженія французской арміи, могла считать Францію достаточно наказанною за ея безлокойный нравъ, а себя достаточно обезпеченною противъ всякаго ея вмѣшательства въ объединеніе Германіи. Чтобы пощадить кровь своихъ народовъ, Пруссія могла согласиться на уступки въ пользу Франціи. Франція, сверхъ того, могла бы надѣяться на условія мира еще болѣе для себя благопріятныя, еслибъ онъ былъ заключенъ имперіей, въ особенности самимъ императоромъ, къ которымъ симпатіи Пруссіи, казалось, склонялись гораздо болѣе, чѣмъ къ республикѣ. Дальнѣйшее продолженіе войны со стороны Пруссіи представлялось нарушеніемъ слова торжественно сказаннаго ея королемъ, что онъ идетъ на войну не противъ Французскаго народа, а только противъ его императора; оно казалось жестокою кровожадностью, проявленіемъ завоевательнаго духа, и національной ненависти, недостойными просвѣщеннѣйшей націи и просвѣщеннѣйшаго правительства. Таковъ рядъ размышленій невольно представлявшихся всякому безпристрастному человѣку по поводу продолженія войны послѣ Седана. Какъ однако ни основательны всѣ эти размышленія, продолженіе борьбы между двумя обра-

* Мы находились въ это самое время въ Германіи (Саксоніи) и были свидѣтелями всеобщаго удивленія, даже унынія мирнаго населенія, что миръ не заключенъ вслѣдъ за Седаномъ.

зованнѣйшими народами европейскаго континента было, къ несчастію, совершенно естественно, и было тѣсно связано съ ея первоначальными причинами, если не съ формальными, то со внутренними и историческими. Это впрочемъ нисколько не исключаетъ мнѣнія что при добрыхъ и энергическихъ усиліяхъ въ пользу мира со стороны людей стоявшихъ во главѣ правительства обоихъ народовъ, можно было, ко благу человечества, избѣгнуть продолженія войны.

Тѣ же самыя причины которыя вызвали войну, съ обѣихъ сторонъ, обусловили и ея продолженіе. Съ паденіемъ имперіи и съ провозглашеніемъ республики, во Франціи вступилъ только въ новую фазу тотъ внутренній кризисъ который вынудилъ Наполеона III къ войнѣ. Какъ имперія схватилась за нее чтобъ отсрочить свое паденіе, такъ же точно взялась за нее республика для своего созиданія. Франціи было несравненно легче и заключить миръ и продолжать войну, не разрушая имперіи и въ особенности ея государственныхъ учреждений. По полученіи извѣстія о лѣтнѣ императора, Тьеръ предлагалъ въ законодательномъ корпусѣ образованіе правительственной парламентской комиссіи для управленія государствомъ; это предложеніе, не предосуждая вопроса о будущей формѣ правленія, сохранило бы всю существующую въ государствѣ организацію власти. Мудрый государственный человѣкъ понималъ что эта организація есть сама по себѣ величайшая сила въ государственной оборонѣ, убавлять которую въ роковую минуту государственной опасности бессмысленно. Въмѣсто этого правительство 4го сентября добровольно взяло на себя неразрѣшимую задачу заново организовать всѣ государственныйя учрежденія подъ выстрѣлами непріятеля. Но какъ все это ни было нелѣпо, именно это и требовалось для достиженія спеціальныхъ политическихъ цѣлей руководившихъ людьми 4го сентября, — это именно требовалось для *созданія республики*. Не воспользоваться этимъ случаемъ чтобы водворить республиканскій образъ правленія во Франціи, въ чаяніи котораго провели всю свою жизнь люди 4го сентября, не попытаться водворить его путемъ войны и побѣдъ, на развалинахъ монархіи, опозорившей Французскую землю; не попытаться такого счастья было выше всякихъ нравственныхъ силъ этихъ людей. И въ этомъ нельзя ихъ слишкомъ винить; въ этомъ не было съ ихъ стороны преступнаго пожертвованія интересовъ отече-

ства интересамъ своей партіи, потому что республиканизмъ воодушевлявшій ихъ такого закала что онъ болѣе чѣмъ политическое убѣжденіе, а своего рода религія, и самая фанатическая. Этотъ республиканизмъ, переходящій изъ рода въ родъ, въ извѣстныхъ группахъ французскаго общества, основанъ на самыхъ грубыхъ и отсталыхъ политическихъ понятіяхъ, которыя даже трудно постигнуть въ наше время; онъ заключается въ слѣпломъ поклоненіи республиканской формѣ и вѣрованіи въ ея непогрѣшимость. Французскіе республиканцы (не пынѣшніе, а тѣ что мечтали о республикѣ во время монархіи) были глубоко убѣждены что достаточно провозгласить республиканскій образъ правленія, чтобы водворить съ нимъ въ странѣ все блага государственной жизни, возвысить до нельзя благосостояніе народа и сдѣлать его непобѣдимымъ. Таковы и до сихъ поръ чистые республиканцы во Франціи, *en rig* или *en homme de la veille*, какъ они себя называютъ, люди вчерашняго дня (то-есть не монархисты примирившіеся съ республикою послѣ ея провозглашенія). Это называется быть преданнымъ *республиканской идее*. Очевидно республика получаетъ тутъ характеръ своего рода правленія въ силу божественнаго начала (*par droit divin*). Такъ и понималъ ее генераль Каваньякъ, заявлявшій въ 1848 году что она не подлежитъ вопросу и обсужденію. Таково было самое искреннее убѣжденіе кружка людей воспользовавшагося переворотомъ 4го сентября и войною чтобы осчастливить Францію республикой. Несмотря на высоту своего образованія, они такъ же наивно думали какъ и самыя невѣжественныя ораторы въ парижскихъ клубахъ что стоить только водрузить знамя святой республики, и предъ нимъ отступятъ въ трепетъ лачища монархической Пруссіи. Уступить имперіи право заключенія мира или заключить самимъ миръ не спустивъ флагъ имперіи, было бы отдалить опять въ невѣдомую даль республику, которой никакъ не удалось упрочиться во Франціи въ теченіи 80 лѣтъ. Таково было самое энергическое побужденіе къ продолженію войны въ умахъ людей ставшихъ во главѣ французскаго правительства послѣ сдачи Седана. Это всего лучше доказывается непростительнымъ упорствомъ правительства національной обороны противъ созванія національнаго собранія, вопреки громкимъ и энергическимъ настояніямъ, къ нему обращеннымъ въ этомъ смыслѣ изъ самыхъ противоположныхъ политическихъ

лагерей, со стороны самых почтенных личностей, имѣвшихъ полное право возвысить свой голосъ во имя всей Франціи, каковы гг. Гизо, Греви, Э. Ренанъ, Ланфре и др. * Этого упорства нельзя иначе объяснить себѣ какъ боязнью отчасти что большинство народнаго представительства будетъ склонно къ миру, отчасти, и это главное, что оно выскажется противъ республики, въ чемъ въ то же время не могло быть сомнѣнія. До какой степени желаніе утвердить республиканское правленіе первенствовало въ умахъ почти всѣхъ членовъ правительства національной обороны доказывается также тѣмъ что въ это критическое для Франціи время оно издавало разные декреты къ измѣненію законовъ и учреждений въ республиканскомъ духѣ, хотя для самыхъ неотложныхъ военныхъ распоряженій не доставало у него человѣческихъ силъ. Фанатическое, почти мистическое вѣрованіе членовъ правительства національной обороны въ республиканскую форму правленія какъ въ единственную способную осчастливить Францію можетъ быть поставлено въ упрекъ ихъ политическому образованію и быть причиною обвиненія ихъ въ политической незрѣлости, но оно же значительно смягчаетъ ихъ вину по отношенію къ продолженію войны. Еслибъ они возбудили ее въ интересахъ своей партіи, они были бы несравненно виновнѣе, но они только воспользовались казавшеюся имъ необходимою продолженія войны для чести Франціи, чтобы послужить вмѣстѣ съ тѣмъ своему идолу—республикѣ. Независимо отъ республиканской идеи руководившей диктаторами 4го сентября, они были несомнѣнно воодушевлены стремленіемъ очистить Францію отъ военнаго безчестія, самаго тяжкаго для огромнаго большинства образованныхъ Французовъ, если и признать что сельскія народонаселенія Франціи погрязли въ политической апатіи и жаждали всего болѣе прекращенія войны. Требованіе со стороны Пруссіи уступки французской территоріи возбуждало всеобщее негодованіе, и слова Фавра: „Ни одного клочка нашей земли, ни одного камня нашихъ крѣпостей“ находили сочувственный отголосокъ во всѣхъ концахъ Франціи. Эту послѣднюю причину продолженія войны со стороны Франціи, созданную Германіей, слѣдуетъ присоединить къ побужденію утвердить республику путемъ побѣдъ и крови. Это

* См. между прочимъ письмо Гизо къ правительству національной обороны и статьи Э. Ренана печатавшіяся въ *Journal des Debats* 1870.

личное побужденіе лишь придавало особенную энергію дѣйствіямъ людей которые все-таки было патріотически преданы чести своего отечества и его цѣлости. Наконецъ ко всему этому примѣшивалось въ надеждахъ правительства національной обороны на войну столько же невѣдѣнія относительно боевыхъ силъ Франціи сколько его было у правительственныхъ лицъ имперіи предъ началомъ войны и еще болѣе политической неопытности, чѣмъ было у послѣднихъ. Благородное, но крайне наивное политическое простодушіе этихъ людей, въ теченіи четверти вѣка занимавшихъ политическую трибуну во Франціи и громившихъ имперію за ея государственные пороки, всего лучше изобличается плачемъ г. Жюля Фавра въ его переговорахъ о мирѣ съ княземъ Бисмаркомъ въ Ферьерѣ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе характеристическое для олицетворенія обѣихъ воюющихъ сторонъ какъ этотъ достопамятный разговоръ. Онъ не походитъ ни на что болѣе какъ на слезливое объясненіе провинившагося школьника съ опытнымъ наставникомъ, глубоко изучившимъ всѣ *психологическіе моменты* своего ученика.

Какъ бы то ни было и какъ ни оказались ошибочны надежды правительства національной обороны на продолженіе войны, нельзя сказать чтобъ онѣ были совсѣмъ неосновательны, и чтобы второй періодъ войны, какъ онъ ни былъ злосчастенъ, остался безплоденъ для славы и чести Франціи. Не одни Французы ожидали побѣды французскихъ армій, да она и неоднократно колебалась послѣ Седана. Приведемъ здѣсь слова иностранца, который тщательно слѣдилъ за ходомъ войны и котораго никакъ нельзя упрекнуть за излишнее пристрастіе къ Франціи и за чрезмѣрность вѣры въ ея могущество. Въ январѣ 1871 года г. Ривъ, о которомъ намъ не разъ приходилось упоминать и котораго статьи о Франціи въ *Edinburgh Review* обращали на себя вниманіе всей образованной Европы, писалъ: * „Несмотря на все что было до сихъ поръ, Франція еще имѣетъ достаточно нравственной энергіи чтобы продолжать эту великую борьбу за свою національную независимость. Побѣда есть награда для той стороны которая можетъ *дольше другой вести войну*: если еще сохранился во Франціи ея древній духъ, она не вступитъ въ переговоры до тѣхъ поръ пока непріятель толчетъ ея землю.“

* Henry Reeve, *Royal and Republican France*, VII p. 303 и др.

А послѣ заключенія мира тотъ же писатель говоритъ: „...Хотя Франція могла, безъ сомнѣнія, получить отъ непріятеля послѣ капитуляціи Седана болѣе легкія условія мира, еслибы правленіе императора Наполеона не было низвергнуто революціей 4го сентября, но признаюсь что я до сихъ поръ остаюсь въ числѣ тѣхъ которые думаютъ что усиліе сдѣланное Франціей къ продолженію войны въ теченіи 5 мѣсяцевъ, какъ бы ни былъ губителенъ ея конецъ, есть единственный фактъ который могъ въ нѣкоторой степени возстановить честь Французской націи. Она по крайней мѣрѣ показала въ этомъ періодѣ войны что еще имѣетъ нѣкоторый запасъ нравственной энергіи и матеріальной силы,—недостаточно чтобы спасти себя отъ пораженій, но достаточно чтобы смыть часть пятна съ своего національнаго характера и чести. Чувство отвращенія съ которымъ она подчинилась отяготительному и унижительному миру было доказательствомъ что нѣчто изъ ея прежняго продолжительнаго величія еще сохранилось въ сердцахъ ея народа.“

Со стороны Германіи, или лучше Пруссіи, безраздѣльно распоряжавшейся германскими военными силами, было не менѣе побужденій продолжать войну послѣ сдачи Седана, и въ нѣмъ то надо главнѣйше искать причину этого втораго акта борьбы. Побужденія прусскаго правительства къ продолженію кровопролитія могутъ гораздо менѣе выдержать нравственный судъ, чѣмъ побужденія французскаго правительства, какъ бы въ политическомъ отношеніи ни оказались легкомысленны надежды Франціи и вѣрны разчеты Пруссіи. Франція въ этомъ періодѣ только оборонялась и защищала цѣлость своей государственной территоріи, а Пруссія наступала и ставила условіемъ мира раздробленіе Франціи. Съ точки зрѣнія безусловныхъ друзей мира, признающихъ нравственно справедливою только войну оборонительную, никакое побужденіе къ наступательной войнѣ и къ завоеванію чужой европейской территоріи не можетъ быть оправдано. Все это совершенно справедливо, но та же справедливость требуетъ чтобы были взвѣшены всѣ тѣ обстоятельства которыя заставили прусское правительство продолжать войну и при которыхъ заключеніе мира, если и было для него возможно, то сопряжено съ великими затрудненіями и жертвами. Эти обстоятельства изтекли изъ самой первоначальной внутренней причины къ войнѣ со стороны Пруссіи,—изъ объединенія Германіи, которое,

какъ мы уже говорили, было для Пруссіи главною задачею войны. „Императорскій вѣнецъ можетъ быть добытъ только на полѣ сраженія (eine Kaiserkrone kann nur auf dem Schlachtfelde errungen werden), сказалъ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV, когда ему былъ предложенъ императорскій титулъ революціоннымъ франкфуртскимъ собраніемъ германскихъ представителей, 24 года тому назадъ. Эти слова припомнилъ великій герцогъ Баденскій въ своей поздравительной рѣчи королю Вильгельму, 1го января 1871 года, на торжественномъ новогоднемъ приѣмѣ въ Версалѣ. Со сдачею Седана и плѣномъ Наполеона III, 2го сентября, Франція была достаточно унижена, и ея военное и политическое могущество достаточно разбито, чтобы немислимо было надолго ея вѣнчаніе въ дѣла объединенія Германіи, но это объединеніе еще не совершилось *въ самой Германіи*, и императорскій вѣнецъ еще не былъ добытъ. Для дѣла которое творится въ исторіи желѣзомъ и кровью, какъ выражались прусскіе патріоты, * нужны были, послѣ 2го сентября, еще новые удары желѣза и новые потоки крови. Не только 2го сентября 1870 года, но даже 1го января 1871 года Германія еще не была объединена, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ упомянутая выше рѣчь великаго герцога Баденскаго. Въ ней между прочимъ сказано: „...Сегодняшній день былъ къ тому предназначенъ чтобы видѣть возрожденіе Германскаго государства въ обновленной силѣ. Но ваше королевское величество хотите лишь тогда принять предложенную вамъ корону Германскаго государства, *когда она обилуетъ всѣ безъ изъятія его члены*.“ Дѣйствительно 1го января 1871 года еще не закончились переговоры давно начатые Пруссіей съ Южною Германіей относительно присоединенія ея къ Сѣверо-Германскому Союзу, то есть *объединенія Германіи подъ главенствомъ Прусской державы*, объединенія въ той именно формѣ въ какой оно только допускалось прусскимъ правительствомъ. Эти переговоры начались формально только 21го сентября, ** послѣ рѣшительныхъ пораженій Франціи, продолжались безостановочно, но шли чрезвычайно туго, подвигаясь впередъ рядомъ съ побѣднымъ шествіемъ германскихъ армій, на поляхъ Франціи, то-

* Но не князь Бисмаркъ, которому ошибочно приписываютъ эти слова и который отъ нихъ недавно отказался.

** Поѣздкою министра Дельбрюка въ Мюнхенъ.

есть съ каждымъ новымъ военнымъ торжествомъ Пруссіи. Только во второй половинѣ октября могло состояться первое совѣщаніе уполномоченныхъ южныхъ германскихъ государствъ съ прусскими правительственными лицами въ Версалѣ. До половины ноября переговоры съ Баваріей оставались совсѣмъ безплодны, а Вюртембергъ не давалъ безъ Баваріи окончательнаго отвѣта.* Какъ туго подавалась Южная Германія на присоединеніе къ Сѣверо-Германскому Союзу, или на устройство единаго Германскаго государства, согласно нормѣ Сѣверо-Германскаго Союза, какъ упрямо сопротивлялся этой нормѣ южно-германскій партикуляризмъ, можно судить по преніямъ въ баварской палатѣ представителей о проектахъ договоровъ по этому предмету баварскаго правительства съ прусскимъ (въ декабрѣ 1870 и январѣ 1871 года). Баварія составляетъ средоточіе южно-германскаго партикуляризма, и къ ней, какъ къ послѣдней надеждѣ и опорѣ, обращались взоры всѣхъ элементовъ Германской націи, желавшихъ охраны автономіи малыхъ государствъ отъ поглощенія ихъ въ прусскомъ единствѣ. Лишь 11го января 1871 года состоялся въ баварской палатѣ докладъ парламентской комиссіи по упомянутымъ проектамъ; огромное большинство членовъ комиссіи отвергло ихъ, какъ противные исторической самостоятельности отдѣльных германскихъ государствъ и тяготивительные для Германскаго народа (вслѣдствіе прусской военной повинности).** Чрезвычайно враждебное Пруссіи мнѣніе этого большинства, энергически и громко высказанное посреди самаго разгара войны, въ высшей степени интересно, такъ какъ въ немъ весьма наглядно выставляются затрудненія которыя должна была побороть прусская политика внутри Германіи, чтобы достигнуть своей цѣли, и которыя безъ войны были бы непоборимы. Между прочимъ въ заключеніи этого мнѣнія указывается на нѣсколько стадій чрезъ которыя прошли переговоры баварскаго правительства съ прусскимъ, въ продолженіи Франко-Германской войны; съ каждою новою стадіей, сказано въ этомъ мнѣніи, баварское правительство

* См. между прочимъ *Jahrbuch des deutschen Reichs* 1871 (статья профессора Тудихума), гдѣ изложена вся исторія этихъ переговоровъ.

** См. всѣ эти пренія въ баварской палатѣ и вообще исторію хода переговоровъ Пруссіи съ Южною Германіей въ *Europäischer Geschichtskalender* von Schulthey, für 1871.

дѣлалось болѣе уступчивымъ и угодливымъ въ отношеніи къ прусскому. Въ іюлѣ 1870 года, когда только возникла въ баварской палатѣ рѣчь объ участіи Баваріи въ войнѣ, баварское правительство (первенствующій министръ гр. Брей), отважно заявляло что Пруссіи будутъ поставлены, съ его стороны, положительныя *условія* этого участія, обязательныя для нея, и что „цѣною самоотверженія Баваріи всего менѣе можетъ быть ея медиатизація въ обще-германскомъ государствѣ“. Во второй стадіи, когда начались переговоры о присоединеніи Баваріи къ Сѣверо-Германскому Союзу (послѣ первыхъ побѣдъ во Франціи), баварское правительство, уже готовое къ нему приступить, находило однако его конституцію несогласною съ государственною самостоятельностью на которую имѣютъ право входяція въ составъ его государства и *требовало преобразованія организаціи Сѣверо-Германскаго Союза въ самыя существенныя его основанія*. На это послѣднее условіе именно не соглашалась Пруссія. Наконецъ въ третьемъ и послѣднемъ періодѣ, въ ноябрѣ, баварское правительство уже *уступило это*, то-есть то что „еще за два мѣсяца предъ тѣмъ оно признавало невозможнымъ уступить и несомнѣваемымъ съ достоинствомъ Баваріи....“ Главными мотивами такой уступчивости оно выставило въ палатѣ: болѣе и болѣе возрастающую съ развитіемъ войны достовѣрность присоединенія къ Сѣверо-Германскому Союзу Вюртемберга, Бадена и Гессена (Замайнской части), безъ которыхъ Баварія осталась бы въ изолированномъ положеніи, и опасность исключенія Баваріи изъ Таможеннаго Германскаго Союза. * Этою опасностью объединительная партія постоянно угрожала Баваріи, а противоположная партія съ негодованіемъ указывала на подобное застращиваніе, какъ недостойное ни Пруссіи, ни Баваріи. Докладъ большинства баварской парламентской комиссіи, изъ котораго мы извлекли эти свѣдѣнія, имѣетъ значеніе важнаго историческаго документа, въ этомъ періодѣ отважной объединительной политики Пруссіи. Это послѣдній протестъ германскаго партикуляризма противъ этой политики, внятно раздавшійся посреди грохота прусскихъ осадныхъ орудій около Парижа, и вскорѣ затѣмъ, на долго, если не навсегда, замолкшій подъ гуломъ ликованій всей Германіи, которая торжествовала, въ лицѣ Пруссіи, свои

* Тамъ же, стр. 45.

побѣды надъ низвергнутымъ величіемъ Франціи. Въ этомъ документѣ, прочтенномъ въ полномъ собраніи баварскаго парламента 11го января 1871 года, мы еще читаемъ, посреди множества жестокихъ осужденій прусской политики и пороковъ прусской государственной системы, такіа строки: „Сверхъ всего, поземельныя присоединенія 1866 года не только очень увеличили естественный перевѣсъ Пруссіи, но еще рѣшительнѣе выставился *военный* (militärstaatliches) характеръ этой государственной силы. Она есть и остается могущественнымъ военнымъ государствомъ (gewaltiger Militärstaat) не только по буквѣ своего писаннаго законодательства, но еще болѣе по формамъ своего быта, выработаннымъ нѣсколькими поколѣніями. И вотъ съ этимъ-то государствомъ намъ предлагаютъ вступить въ тѣснѣйшую связь! Какія послѣдствія (дурныя) для сознанія чувства самостоятельности въ нашей странѣ имѣють одни простыя международныя отношенія къ такому государству, это уже доказали происходившіе съ нами переговоры въ Версалѣ и Мюнхенѣ.“ Трудно себѣ представить теперь что эти слова были сказаны въ баварской палатѣ за три дня до обнародованія согласія короля Вильгельма на принятіе предлагаемой ему германскими князьями императорской короны. Десять дней сряду продолжались пренія по упомянутому докладу, и только 21го января, палата постановила большинствомъ двухъ третей голосовъ, противъ сильной оппозиціи, свое согласіе на договоръ о присоединеніи Баваріи къ Северо-Германскому Союзу. Большинство оппозиціи покидаетъ залу засѣданія; когда провозглашается президентомъ здравіе Баварскому королю, зала опустошается, а здравіе въ честь Германскаго императора оказывается невозможнымъ даже предложить. Такимъ образомъ провозглашеніе короля Вильгельма императоромъ, предполагавшееся въ этомъ засѣданіи, *совсѣмъ не состоялось* въ баварскомъ парламентѣ. Изъ хода переговоровъ Пруссіи съ южно-германскими государствами можно убѣдиться что ожидавшееся публичною гораздо ранѣе обнародованіе учрежденія Германской имперіи (14го января) совершилось такъ быстро какъ только было возможно. Въ то время даже еще не окончились пренія въ баварской палатѣ, но результатъ ихъ былъ уже ясенъ. Договоры съ тремя мелкими южно-германскими государствами были приняты ихъ представительными собраніями только въ теченіи декабря, и только 30го декабря они были ратификова-

ны въ Берлинѣ. Эта ратификація и подѣйствовала на ускореніе согласія Баваріи. Хотя императорскій санъ былъ предложенъ Прусскому королю по инициативѣ Баварскаго короля германскими владѣтельными домами еще въ декабрѣ, но Пруссія, непоколебимо вѣрная однажды поставленной цѣли, не могла согласиться на учрежденіе Германской имперіи иначе какъ по тилу Сѣверо-Германскаго Союза, который былъ именно предназначенъ служить зародышемъ обще-германскаго государства и опытомъ объединенія Германіи подъ скипетромъ Пруссіи. Уже во время преній въ баварской палатѣ, оппозиціонные голоса указывали на возможность существованія Германской имперіи и титула германскаго императора безъ подчиненія имъ Баваріи, когда имъ говорили что противодѣйствіе съ ея стороны соединенію съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ было бы нарушеніемъ слова уже напередъ даннаго ея монархомъ.

18го января совершился первый и единственный обрядъ возложенія императорскаго вѣнца на короля Вильгельма, торжественное военное провозглашеніе его германскимъ императоромъ (*feierliche militärische Proclamation des deutschen Kaisers*), въ зеркальной залѣ Версальскаго дворца, въ старинной резиденціи французскихъ монарховъ, полной воспоминаніями объ ихъ погибшемъ могуществѣ, и посреди германскихъ войскъ, осаждающихъ изнуренную голодомъ столицу Франціи, а 28го января была подписана капитуляція Парижа и заключено трехнедѣльное перемиріе, положившее конецъ Франко-Германской войнѣ.

Военные люди и съ ними вся европейская публика восхищаются необыкновенной предусмотрительности съ которою былъ задолго впередъ предначертанъ Пруссіей планъ военныхъ дѣйствій, и затѣмъ еще болѣе восхваляютъ необыкновенную точность съ которою онъ былъ приведенъ въ исполненіе во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ. Но едва ли не болѣе надо удивляться политическому плану этой войны, и въ особенности гармоническому совокупленію его со стратегическимъ планомъ. Какъ бы ни было трудно выигрывать сраженія и кампаніи, при тактическихъ и стратегическихъ условіяхъ современнаго военнаго искусства, однако несравненно труднѣе выигрывать ихъ именно настолько и именно въ такіе моменты времени какъ это требуется для политическихъ цѣлей войны, жертвовать людьми, кровью и тру-

домъ народа лишь насколько это крайне необходимо для разрѣшенія государственной задачи воюющей націи, заставить военное искусство быть послушнымъ орудіемъ политики, не позволяя ему увлекаться никакими собственными своими цѣлями. Такихъ собственныхъ цѣлей военное искусство въ разумно понимаемой государственной жизни имѣть не можетъ, что бы ни говорили иные воинственные писатели о просвѣтительномъ дѣйствіи войны. Такихъ собственныхъ цѣлей, оторванныхъ отъ цѣлей государственныхъ, военное искусство и не имѣетъ пока въ Пруссіи, и этимъ между прочимъ отличается эта военная держава нашего времени отъ завоевателей прежнихъ вѣковъ.

Для такого стройнаго совокупнаго дѣйствія политики и военной силы нужно много условій, выработкѣ которыхъ, со стороны Пруссіи, слѣдуетъ, кажется, всего болѣе восхищаться въ исторіи этой войны. Между прочимъ нужно дружное личное взаимодействіе политическихъ и военныхъ вождей государства, одинаковое пониманіе каждымъ изъ нихъ и политической и военной стороны операцій, а для этого нужно, при глубокихъ специальныхъ знаніяхъ, высокое общее образованіе, возвышающее каждаго спеціалиста надъ частными и односторонними предѣлами его дѣла. Нужно также не одно служебное и себялюбивое, а истинно патріотическое воодушевленіе къ дѣлу, подчиняющее всѣ личные въ немъ интересы національнымъ интересамъ. Нужно наконецъ чтобы надъ всѣмъ господствовалъ высшій авторитетъ верховной власти, въ лицѣ котораго сосредоточивались бы всѣ боевыя силы государства военныя и гражданскія, и который осуществлялъ бы собою безусловное единство дѣйствія тѣхъ и другихъ. Все это было въ Пруссіи, и всего этого совсѣмъ недоставало Франціи, которая во второмъ періодѣ войны, несмотря на диктаторскій характеръ правительства національной обороны, лишилась всякаго единства власти и правительственной мысли.

Политическій планъ положенный Пруссіей въ основаніе войны 1870—71 годовъ заслуживаетъ столько же изученія, какъ и военный, и столько же можетъ быть назидателенъ для государственныхъ людей, какъ послѣдній для военныхъ. Такъ же какъ военный планъ кампаніи, политическій ея планъ быть, во первыхъ, задуманъ Пруссіей послѣ яснаго *сознанія цѣли*; это конечно первое условіе успѣха во всякомъ государственномъ дѣлѣ, гражданскомъ и военномъ, хо-

тя и это условіе сущкомъ часто отсутствуетъ въ государственныхъ начинаніяхъ. Французскому правительству неоставало такого сознанія; имперія, ринувшись въ войну, колебалась между множествомъ цѣлей: пріобрѣтеніемъ лѣваго берега Рейна, обузданіемъ самовластія Пруссіи и восстановленіемъ европейскаго равновѣсія, воспрепятствованіемъ объединенію Германіи, предотвращеніемъ революціи во Франціи, прославленіемъ династіи Бонапартовъ и пр. Республиканское правленіе также неопредѣлительно понимало задачу войны во второмъ ея періодѣ, колеблясь между двумя равносильными для него цѣлями: освобожденіемъ Франціи отъ иноземнаго нашествія и утвержденіемъ республики.

Послѣ сознанія цѣли, второе условіе успѣха въ государственномъ предпріятіи: выборъ цѣлесообразныхъ средствъ дѣйствія, который прежде всего опредѣляется цѣлію, а затѣмъ точнымъ предварительнымъ изученіемъ политической почвы на которой приходится дѣйствовать. Французское правительство, какъ мы уже видѣли, находилось, во время имперіи, въ полномъ невѣдѣніи положенія дѣлъ какъ у себя дома, такъ и въ Германіи и въ Европѣ; такимъ же невѣдѣніемъ отличалось и республиканское правительство, члены котораго были еще менѣе чѣмъ Наполеонъ III и его совѣтники подготовлены къ дѣлу, случайно выпавшему на ихъ долю, и еще болѣе заставшему ихъ врасплохъ. Героически и что называется сломя голову бросившись въ смертельную борьбу и за спасеніе чести и независимости Франціи, и за республиканскую идею, правители 4го сентября имѣли самыя ребяческія представленія о силахъ съ которыми имъ приходилось вести эту борьбу, какъ внутри отечества, такъ и внѣ его.

Прусское правительство ясно сознавало давно задуманную имъ цѣль войны 1870—71 годовъ и въ совершенствѣ изучило не только военную топографію Германіи и Франціи, но и политическій театръ этой войны въ обѣихъ странахъ. Мы видѣли что посредствомъ этой войны Пруссія, такъ же точно какъ и Франція, могла достигнуть разомъ нѣсколькихъ цѣлей, но между всѣми ними должна была господствовать для нея главная цѣль: объединеніе *всей* Германіи *подъ ея* главенствомъ, созданіе обще-германскаго союзнаго государства, въ которомъ бы элементы центростремительные получали рѣшительный верхъ надъ элементами центробѣжными или федеративными; центромъ всѣхъ центростремительныхъ силъ должна была

сдѣлаться Пруссія, или, по меньшей мѣрѣ, верховная власть ея династїи. Такова была первенствующая надъ всѣмъ задача прусской политики, которая, въ крайнемъ случаѣ, могла бы скорѣе примириться съ могущественною Франціей, нежели съ Германіей объединенною въ формѣ федеративнаго государственнаго союза безъ центра. Тяжести въ Пруссїи и въ ея монархической власти, съ неизбѣжными наклонностями такого союза къ федеративной республикѣ. Этой верховной цѣли призванія Пруссїи и ея династїи въ Германїю, давно поставленной для прусскаго правительства столько же цѣлями Германїи, сколько и собственными его прусскими дѣлами, должны были подчиниться всякія другія цѣли, какъ бы онѣ ни были важны, въ томъ числѣ и ослабленіе Франціи, и ограниченіе ея значенія въ политической системѣ Европы. Никакому предпріятію, въ особенности политическому, не можетъ вредить одновременное достиженіе нѣсколькихъ цѣлей, лишь бы дѣйствующее лицо положительно знало, какая цѣль господствуетъ въ его намѣреніяхъ, чтобы, въ случаѣ несчастія, пожертвовать ей всѣми остальными, а въ случаѣ счастья, позаботиться и о нихъ. Отъ этого зависитъ болѣе всего выборъ средствъ, а это отлично знало прусское правительство и совсѣмъ не знало французское. Въ какой степени правительство національной обороны колебалось между двумя совсѣмъ разными цѣлями своихъ дѣйствій, можно, на примѣръ, видѣть изъ того обстоятельства что единственный человѣкъ способный стать въ его главѣ и внушить довѣріе всей Франціи, Тьеръ, былъ вынужденъ играть менѣе чѣмъ второстепенную роль какъ вслѣдствіе сомнительныхъ его отношеній къ республикѣ, такъ и вслѣдствіе революціоннаго характера всего этого правительства, столько же заботившагося о республикѣ и революціи сколько и о побѣдѣ надъ Пруссїей. Благодаря особенно счастливому стеченію обстоятельствъ, исключительнымъ образомъ благоприятныхъ для Пруссїи, ей удалось разомъ достигнуть многихъ политическихъ цѣлей, въ томъ числѣ даже улучшенія своихъ финансовъ и своей монетной системы. Но она вѣрными, разчитанными шагами шла къ разрѣшенію главной этой задачи, сосредоточивая около нея всѣ другія побочныя цѣли и достигая ихъ лишь только по возможности. Какъ только война достаточно расплавила своимъ патриотическимъ жаромъ всѣ партикуляристскіе, областные интересы Германїи и всѣ центробѣжныя ея кристаллизаціи,

мѣстныхъ и политическихъ, династическихъ и народныхъ, въ одномъ обще-германскомъ движеніи, такъ Пруссія принимается за переговоры съ Южною Германіей объ ея присоединеніи къ Сѣверо-Германскому Союзу и ведетъ ихъ неуслынно, рядомъ съ военными операціями, не останавливаясь ни на одинъ день. Дѣятельность прусскаго правительства на этомъ главномъ поприщѣ его дѣйствій внутри Германіи была никакъ не меньше напряжена, чѣмъ на театрѣ войны, такъ какъ сперва этою войною слѣдовало покорить преимущественно Южную Германію, а не Францію,—послѣ же Седана только Южную Германію, въ лицѣ Франціи. Вотъ почему миръ не могъ быть заключенъ вслѣдъ за сдачею Седана: главная цѣль войны для Пруссіи еще далеко не была въ то время достигнута. Откладывать окончаніе переговоровъ съ Южною Германіей послѣ заключенія мира съ Франціей было весьма рискованно. Посреди разгара войны, предъ общею опасностью для всего отечества, стремленія къ независимости и обособленію отъ его вождя и всякая внутренняя политическая рознь легко получаютъ ненавистный для всякаго честнаго человѣка характеръ измѣны своему отечеству. Послѣ же войны можно было ожидать даже горшаго чѣмъ до войны: участники любви могли бы заговорить такимъ самостоятельнымъ голосомъ объ устройствѣ Германіи какимъ они даже не могли говорить находясь внѣ Сѣверо-Германскаго Союза. На это прямо и надѣялись иные сепаратисты, и всякіе враги Пруссіи. Если, не взирая на разгаръ войны, враждебные Пруссіи интересы подымали въ Баваріи голову противъ ея объединительныхъ видовъ, то что бы это могло быть послѣ войны? Движеніе начавшееся въ Южной Германіи могло бы найти для себя много лицъ и во всѣхъ другихъ частяхъ Германіи, охватить даже Сѣверъ. Къ областнымъ партикуляристскимъ стремленіямъ могли бы присоединиться враждебныя берлинской политикѣ стихіи политическаго и революціоннаго свойства. Одинъ изъ важнѣйшихъ политическихъ талантовъ заключается въ своемъ временномъ предвидѣніи событий и въ недопущеніи ихъ развитія въ такое время когда объ этомъ развитіи никто не помышляетъ. Этотъ талантъ конечно не имѣлъ ничего общаго съ болѣзненнымъ представленіемъ политическихъ призраковъ, какимъ никогда не суждено осуществиться. Въ сентябрѣ 1870 года Германія далеко такъ не была утомлена войною, всѣ ея народонаселенія еще не олакивали столько жертвъ какъ

въ январѣ 1871, послѣ втораго ея періода, гораздо болѣе изнурительнаго, чѣмъ первый, а утомленіе могущественно успокоиваетъ политическія страсти, не говоря даже о значительно разряженныхъ войною рядахъ молодаго поколѣнія...

Такимъ образомъ, соображая всѣ причины Франко-Германской войны и обстоятельства посреди которыхъ она возникла и происходила, мы убѣждаемся что Пруссія вынуждена была продолжать ее послѣ Седана, въ силу своихъ отношеній къ Германіи, отъ которыхъ отказаться она не могла, иначе какъ отказавшись отъ всего своего прошедшаго и будущаго; и мы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаемся, вопреки общепринятому мнѣнію французскихъ публицистовъ, что она продолжала войну не ради кровожадности, для возможно большаго уничтоженія Франціи, и также не для приобрѣтенія части ея территорій, которую не соглашалось въ то время уступить правительство національной обороны. Все это если и было достигнуто Пруссіей, то не могло быть главною ея задачей. Еслибы правительство 4го сентября, вслѣдъ за своимъ учрежденіемъ, согласилось на территоріальную уступку или еслибы на нее согласился Наполеонъ III, и онъ не былъ бы низложенъ, то Пруссія была бы поставлена въ весьма затруднительное положеніе, не имѣя рѣшительно никакого нравственнаго основанія продолжать войну, а между тѣмъ видя въ то время цѣль войны еще очень отъ себя далеко. Не подобная ли мысль представилась князю Бисмарку, когда онъ, какъ разказываютъ, былъ озадаченъ и недоволенъ извѣстіемъ о сдачѣ въ плѣнъ Наполеона III? Впрочемъ и безъ этого, вѣроятность революціи въ Парижѣ и образованіе новаго правительства, съ плѣномъ императора, значительно усложняли для Пруссіи веденіе войны и въ послѣдствіи мирныхъ переговоровъ. Упорство правительства національной обороны продолжать войну, во чтѣ бы то ни стало, значительно облегчило дѣло Пруссіи. Только необходимою разрѣшенія національной задачи въ Германіи, необходимою предотвращенія великихъ внутреннихъ ея замѣшательствъ посредствомъ завершенія объединительной прусской политики, можетъ быть оправдана Пруссія въ продолженіи войны послѣ Седана. Какой бы патріотическій жаръ ни былъ связанъ въ Германіи съ такъ-называемымъ воссоединеніемъ древняго ея достоянія и единокровныхъ ея братій, нельзя признать приобрѣтеніе Альзасъ-Лотарингскихъ провинцій не только нравственно-законною

правомѣрною, но даже и политически правильною цѣлю войны 1870—71 годовъ.

Мы коснулись здѣсь пункта самаго щекотливаго и самаго труднаго для оправданія прусской политики въ нравственномъ и международно-юридическомъ отношеніи, и самаго спорнаго съ политической точки зрѣнія.* Возсоединеніе, присоединеніе или просто завоеваніе альзасъ-лотарингскихъ земель оправдываютъ нѣмецкіе писатели и политики съ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія: во первыхъ, просто, по праву завоеванія или военной добычи,—право которымъ, говорятъ, Франція, въ случаѣ своей побѣды, воспользовалась бы никакъ не съ меньшою жадностію на счетъ Германіи; во вторыхъ, съ національно-этнографической и исторической точки зрѣнія, какъ возвращеніе въ лоно Германіи ея однокровныхъ братьевъ, оторванныхъ отъ своей народности завоеваніемъ Франціи и превратностями своей исторической судьбы, весьма недавней, сравнительно со своимъ историческимъ прошлымъ. Втретьихъ, это условіе мира, поставленное Пруссіей, оправдывается чисто въ стратегическомъ отношеніи, какъ необходимое обезопасеніе германской границы противъ безпокойнаго сосѣда, и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ обезопасеніе всей Европы противъ воинственнаго Французскаго народа. Вчетвертыхъ, говорятъ о необходимости уменьшенія французской территории, какъ наказанія французскому тщеславію и нравственнаго возмездія, столько же полезнаго для самой Франціи, для ея возрожденія, какъ и для Европы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, завоеваніе Альзасъ-Лотарингіи оказывается высоко-нравственнымъ подвигомъ, нужнымъ не столько для Германіи, сколько для самой Франціи, для исправленія ея завоевательныхъ инстинктовъ.** Наконецъ, впятыхъ, иные, совсѣмъ не соотвѣствующіе этому подвигу Пруссіи, доказываютъ что она не могла иначе поступить, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Германіи, которое не могло примириться съ мыслию что за кровь ея сыновъ будетъ заплачено только деньгами,

* Со стороны нѣмецкой патріотической печати, защищающей завоеваніе альзасъ-лотарингскихъ земель, см. между прочимъ: W. Menzel, *Elsass und Lothringen sind und bleiben unser*, Stuttg. 1870. Schulze-De-litsch, *Briefe an die italienischen Patrioten*, Berl. 1871.

** Замѣчательно что о томъ же говоритъ одинъ Французъ, гр. Гаспаренъ (см. его *La France, nos fautes* и пр.), желавшій однако образованія изъ Альзасъ-Лотарингіи нейтральнаго государства.

и настоятельно, подъ угрозою потери популярности Пруссіи въ національныхъ германскихъ лагеряхъ, требовало спасенія истыхъ Германцевъ отъ гибели офранцузенія; съ этой точки зрѣнія, говорили даже что нѣкоторые государственные люди Пруссіи были вынуждены на присоединеніе Альзасъ-Лотарингіи, вопреки своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Вотъ сколько аргументовъ, развитыхъ въ нѣмецкой печати, со всею эрудиціей, ей свойственною, и также со всѣмъ добро-совестнымъ увлеченіемъ, свойственнымъ всякому національному движенію.

Не вступая съ нѣмецкою печатью въ ученую контраверсу, которая намъ была бы не по силамъ и которая къ тому же не имѣетъ прямого интереса для русской публики, не можемъ однако не замѣтить, что всѣ эти аргументы, какъ въ своей совокупности, такъ и каждый порознь, намъ кажутся несостоятельными, кромѣ развѣ одного послѣдняго.

Предъ судомъ современнаго международнаго права и въ особенности государственнаго права, завоеваніе населенныхъ областей на европейской территоріи *какъ право войны* не выдерживаетъ критики. Такое право, тождественное съ насильственною передачей народонаселеній однимъ государствомъ другому и предполагающее крѣпостное или вотчинное право на нихъ со стороны государственной власти, противорѣчитъ всѣмъ современнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ подданныхъ къ государству и къ верховной власти и разрушаетъ всѣ не только теоретическія, но и практическія начала государственнаго устройства и управленія господствующія нынѣ въ образованномъ мірѣ. Если положительное международное право еще не вычеркнуло изъ своего кодекса завоеванія на территоріи европейскихъ государствъ, то они уже не существуютъ въ области теоріи международнаго права и его идеальныхъ требованій, которые рано или поздно заставляютъ исключить это чудовищное право изъ международной практики. Въ этомъ отношеніи германская наука такъ же неустанно трудилась какъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ. * Еслибы человѣческій

* Здѣсь не мѣшаетъ указать на статью *Eroberung* въ лексиконѣ государственныхъ наукъ Баунча и Пратера (*Deutsches Staatswörterbuch*, III B., 1858), самое авторитетное изданіе по государственному и международному праву нашего времени. Въ этой статьѣ отрицается право завоеванія на европейской территоріи, если расходы войны могутъ быть взысканы съ побѣжденнаго (стр. 428).

разумъ, справедливость и наука даннаго времени не знали такихъ идеальныхъ требованій въ государственной жизни народовъ, идеальныхъ требованій которыя не примиряются ни съ какими совершившимися фактами, какъ бы ни была могущественна власть ихъ совершающая, то никакой историческій прогрессъ въ этой жизни не былъ бы возможенъ, и уничтожилось бы самое понятіе объ этомъ прогрессѣ, вошедшее однако въ сознание всѣхъ образованныхъ европейскихъ обществъ. Замѣчательно что даже на почвѣ положительныхъ фактовъ это средневѣковое и азіатское право отрицается въ новѣйшее время даже правительствами воодушевленными наибольшимъ духомъ завоеваній, такъ какъ общепринято называть ихъ *аннексіями*, присоединеніями, а не завоеваніями; замѣна однихъ словъ другими на общеупотребительномъ языкѣ доказываетъ всегда замѣну однихъ однородныхъ понятій другими, собственно развитіе, прогрессъ или упадокъ понятій. Выраженіе *аннексіон* введено, кажется, въ употребленіе впервые Французами, самымъ завоевательнымъ народомъ Европы, до войны 1870—71; они (Наполеонъ III) инстинктивно чувствовали нравственную необходимость замѣнить понятіе о правѣ завоеванія, несовмѣстное съ свободою и самодержавіемъ народовъ, нѣкоторымъ болѣе современнымъ, болѣе соответствующимъ этой свободѣ отгѣнкомъ. Этому отгѣнку соответствуетъ спросъ народонаселеній, на основаніи французскаго *suffrage universel* или плебисцита, относительно ихъ согласія или несогласія перейти въ подданство другаго государства; при соблюденіи этого условія завоеванія, его и стали называть *аннексіей*. Французы, весьма послѣдовательно съ точки зрѣнія своей завоевательной теоріи, обвиняютъ Пруссію преимущественно за несоблюденіе собственно этого условія въ Альзасъ-Лотарингіи, увѣренные конечно что большинство народонаселеній этихъ провинцій подало бы голосъ противъ перехода въ германское подданство. Голосованіе подданства однако нисколько не оправдываетъ право завоеванія, и подобныя присоединенія ничѣмъ не лучше завоеваній. Это поголовное голосованіе (напримѣръ въ Савойѣ при присоединеніи ея къ Франціи) есть чистая комедія, какъ это общепризнано всѣми политическими партіями; иначе, впрочемъ, и быть не можетъ при голосованіи подъ ружьемъ и при грубомъ невѣжествѣ и личной гражданской несостоятельности, въ которыхъ

косятся до сих пор народныя массы въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы. Сверхъ того, и это главное, позволительно усомниться въ правомѣрности вообще такого способа рѣшенія вопроса о подданствѣ народонаселеній, усомниться въ правѣ живущаго поколѣнія рѣшать такой вопросъ за будущія поколѣнія, въ правѣ и значеніи большинства голосовъ въ дѣлѣ въ которомъ бессмысленно и несправедливо принуждать меньшинство покоряться волѣ большинства и въ которомъ каждый человекъ долженъ имѣть неотъемлемое право рѣшать самъ свою судьбу. Впрочемъ въ такомъ случаѣ какъ настоящій, когда общее настроеніе населеній въ присоединенныхъ къ Германіи областяхъ до такой степени къ ней враждебно, смѣшно и говорить о необходимости соблюденія формальности плебисцита.

Такъ же несостоятеленъ и другой аргументъ въ пользу этого присоединенія, на основаніи германской національности этихъ областей и ихъ древней принадлежности къ составу Германіи. Национальность опредѣляется не одною кровью или этнографическимъ происхожденіемъ, а всѣмъ нравственнымъ типомъ, духомъ и бытомъ; въ которыхъ кровь или племя только одно изъ многихъ условій. Это условіе національнаго духа, настраивающаго мысли и чувства народа въ извѣстномъ направленіи, иногда весьма ничтожно въ сравненіи съ другими условіями, какъ это именно и есть въ настоящемъ случаѣ; альзасъ-лотарингскія народонаселенія, по общему признанію и Нѣмцевъ, и Французовъ, до такой степени прониклись французскимъ національнымъ духомъ что всѣ ихъ симпатіи принадлежатъ Франціи, а къ Германіи они питаютъ отвращеніе и ненависть. Лучшимъ этому доказательствомъ служатъ переселенія во Францію массы самаго бѣднаго народонаселенія; надо удивляться не незначительности, а значительности этого движенія, если принять въ соображеніе чрезвычайныя трудности и краткость срока съ которымъ былъ связанъ предоставленный альзасъ-лотарингскимъ жителямъ Пруссіей выборъ подданства. Люди, которые предпочитали остаться Французами должны были потерять все, не только родину, но и все свое достояніе. Впрочемъ и самые фанатическіе Нѣмцы не отрицаютъ что нынѣшнее народонаселеніе завоеванныхъ Германіей провинцій офранцужено, и что самыми энергическими усиліями прусскаго правительства эта французская кора можетъ быть снята *только* съ будущихъ поколѣній, не

менше какъ черезъ 50 лѣтъ. Оставляя открытымъ вопросъ будетъ ли это возможно даже и въ теченіе такого періода времени, спрашивается, по какому праву могутъ быть производимы надъ сотнями тысячъ людей подобныя хирургическія операціи? Въ силу того ли, какъ разсуждаютъ за кружкою пива иные пангерманскіе патріоты, что лучше, согласіе съ человѣческимъ достоинствомъ, быть Нѣмцемъ, чѣмъ Французомъ, что будущее принадлежитъ германской, а не романской расѣ, что слѣдуетъ спасти, пока еще это возможно, возвращеніемъ въ отчій домъ, заблудшихъ сыновъ германизма, что объ этомъ взываетъ память ихъ предковъ, когда-то такъ же точно стѣнавшихъ отъ превращенія ихъ во Французовъ, и т. д.? Но все это мечтательныя размышленія, позволительныя только въ упоеніи ларами побѣды. Въ наше время, хотя и изобильное болѣзненными національными увлеченіями, но обязанное разрѣшить не мало другихъ вопросовъ, гораздо болѣе существенныхъ для цивилизаціи, чѣмъ вопросы этнографіи, слѣдуетъ отрицать болѣе чѣмъ когда-либо право аннексій или завоеваній, на основаніи племеннаго сродства. Такое право и возбужденныя во имя его народныя движенія способны самымъ безплоднымъ образомъ разрушить миръ Европы, надолго, если не навсегда, и привести къ вопросамъ (о національности того или другаго народонаселенія, того или другаго оттѣнка и обрывка племени, и затѣмъ о принадлежности ихъ къ тому или другому государственному тѣлу, какъ напримѣръ въ Австріи), неразрѣшимымъ никакою наукою и никакимъ оружіемъ. Такими движеніями, отводящими глаза и интеллигенціи каждой страны, и народныхъ массъ, отъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ ихъ государственнаго быта и ихъ насущнаго существованія, могутъ воспользоваться только честолюбцы и невѣжды для своихъ собственныхъ личныхъ цѣлей. Не распространяясь здѣсь болѣе объ этомъ предметѣ, о которомъ почти невозможно говорить мимоходомъ, вслѣдствіе искусственно-необъятныхъ размѣровъ ему приданныхъ воображеніемъ писателей извѣстнаго направленія, напомнимъ только одну точную истину, едва ли подлежащую спору: для успѣхова умственнаго и нравственнаго развитія каждаго человѣческаго племени, для возможно большаго раскрытія всѣхъ духовныхъ и культурныхъ силъ и способностей свойственныхъ именно каждому племенному типу, для его *племеннаго историческаго прогресса*, полезно въ высшей степени чтобы онъ одновре-

менно жилъ и исторически развивался подъ вліяніемъ разныхъ, иногда противоположныхъ политическихъ условій. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно плодотворно одновременное существованіе одного и того же племени въ различныхъ европейскихъ государствахъ, какъ напримѣръ французскаго во Франціи и Швейцаріи, нѣмецкаго въ Германіи и Швейцаріи, италіянскаго въ Италіи и Швейцаріи отчасти Австріи, всѣхъ европейскихъ племенъ въ европейскихъ государствахъ и къ Сѣверо-Американскимъ Штатахъ, и т. д. Черезъ это то же самое племя, повсѣмѣстно одинаковое въ нѣкоторыхъ своихъ существенныхъ чертахъ, получаетъ гораздо болѣе разнообразія въ важныхъ проявленіяхъ своего племеннаго духа и въ формахъ своего быта, а это разнообразіе благотвѣтельно воздѣйствуетъ на его развитіе и на его національное самопознаніе въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ: Французы подданные Франціи видятъ на живомъ, а не воображаемомъ историческомъ примѣрѣ каковы могутъ быть тѣ же самые Французы поставленные подъ иныя историческія и политическія условія въ Швейцаріи и т. д. Съ этой точки зрѣнія, для интересовъ европейской цивилизаціи безусловное государственное объединеніе всѣхъ однородныхъ племенъ было бы величайшимъ несчастіемъ. Въ практическомъ политическомъ отношеніи, нѣкоторая однородность племеннаго состава государствъ имѣетъ конечно огромныя преимущества, но безусловное государственное объединеніе европейскихъ племенъ, еслибъ оно и было возможно, было бы вредно, ибо принадлежность однихъ и тѣхъ же племенъ къ разнымъ европейскимъ государствамъ служить самою естественною ихъ спайкою въ одну европейскую политическую систему, чрезвычайно облегчаетъ взаимныя политическія и всякія частныя сношенія между народами и обезпечиваетъ ихъ мирное сожитіе. Безъ этого, противоположности между европейскими государствами сдѣлались бы несравненно рѣзче, и возникло бы несравненно болѣе поводовъ къ столкновеніямъ между ними, едва ли не къ безконечной борьбѣ за первенство. Нечего и говорить что самый процессъ такого объединенія невозможенъ безъ жесточайшихъ войнъ, на которыя вся Европа должна была бы исключительно обречь себя, покинувъ на долго, если не навсегда, всякія полеченія объ успѣхахъ своего благосостоянія и просвѣщенія. Впрочемъ всего менѣе сочувствуютъ подобнымъ теоріямъ національнаго объединенія

сами населенія на счетъ которыхъ они создаются и агитируются, какъ, на примѣръ, Италіянцы и Французы въ Швейцаріи; ихъ можно присоединить къ Франціи и Италіи только насильственнымъ образомъ. Нѣтъ возможности отрицать племеннаго сродства, племенныхъ симпатій и антипатій, какъ возможнаго элемента въ государственной и общественной жизни народовъ, но нѣтъ также и возможности отрицать что такъ-называемыя національныя движенія послѣдняго времени были обусловлены далеко не однимъ этимъ элементомъ, а множествомъ другихъ обстоятельствъ чисто политическаго и нисколько не этнографическаго свойства. Въ той же Швейцаріи, несмотря на дѣятельные происки національно-революціонной пропаганды, не удалось создать никакихъ національных или племенныхъ движеній. Исторія государствъ, со всѣмъ безконечнымъ своимъ разнообразіемъ, объединяетъ людей по-своему, не взирая на ихъ кровь и породу, и создаетъ государственно-національныя единицы, именуемыя народами и нисколько не совпадающія съ племенами. Такимъ образомъ исторія объединила Альзасъ-Лотарингскія провинціи съ французскою національностью, духъ которой сознается здѣсь даже живѣе чѣмъ въ другихъ областяхъ Франціи; нигдѣ во время войны патріотическое воодушевленіе мирнаго народонаселенія противъ Германіи не высказалось съ такимъ ожесточеніемъ, какъ здѣсь. Что касается до ссылокъ на прежніе періоды исторіи и насиліе содѣянное присоединеніемъ къ Франціи этого древняго достоянія Германіи, то нѣтъ ни одного государства въ Европѣ которое бы могло быть обезпечено въ своихъ нынѣшнихъ владѣніяхъ, еслибы къ передѣлкѣ ихъ было приложено это такъ-называемое историческое право; впрочемъ это право такъ-смутно, по неизвѣстности періода времени изъ котораго оно должно быть вызываемо къ жизни и по чрезвычайной измѣчивости всѣхъ государственныхъ границъ въ прошедшіе вѣка. Европы, что имъ можно оправдать всякую перекройку ея карты и всякое насиліе. Если ссылаться на то, что было полтора вѣка тому назадъ, то почему же не отойти и гораздо дальше, за гораздо болѣе вѣковъ; именно альзасъ-лотарингскія земли въ отдаленные періоды исторіи принадлежали къ той промежуточной территоріи между Франціей и Германіей, которая не входила прямо въ составъ ни одной изъ нихъ.

Обо всѣхъ остальныхъ аргументахъ въ пользу присоединенія

альзась-лотарингскихъ земель къ Германіи не нужно такъ много распространяться. Право наказанія за національные и историческіе пороки, право нравственнаго возмездія, исправленія и т. д. не можетъ принадлежать одному государству надъ другимъ; обо всемъ этомъ слишкомъ смѣшно говорить въ сферѣ международныхъ отношеній двухъ государствъ. Еще можетъ быть въ цѣлѣстной степени понятно и допущено право со стороны всей совокупности государствъ, составляющихъ такъ-называемую политическую систему Европы, нынѣ впрочемъ разстроенную, и обязанныхъ блюсти такъ-называемое европейское равновѣсіе,—если не наказывать, то обуздывать отдѣльныя государства, угрожающія всеобщему миру; такое право, приведенное въ исполненіе Европой надъ Франціей въ 1815 году, можетъ быть оправдано необходимою обороной интересовъ мира со стороны союза всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ европейскихъ державъ. Но какимъ образомъ на основаніи подобнаго права одно государство можетъ усиливать себя на счетъ другаго, признавать свое могущество менѣе вреднымъ для европейскаго мира, и т. д., понять трудно. Матеріальное возмездіе за войну, взысканіе съ побѣжденнаго расходовъ войны, временное сокращеніе чрезъ это его боевыхъ силъ, какъ нельзя болѣе цѣлесообразны и въ настоящемъ случаѣ были справедливы, ибо французское правительство первое дало поводъ къ войнѣ и кромѣ того угрожало постоянно Германіи вмѣшательствомъ въ ея дѣла. Тутъ вопросъ о личномъ интересѣ побѣдителя весьма понятный и ясный. Чисто-стратегическая точка зрѣнія, обезопасеніе Германіи противъ безпокойнаго сосѣда, посредствомъ проведенія болѣе выгодной оборонительной и даже наступательной линіи, также были бы понятны, и даже могли бы служить сами по себѣ, безъ всякихъ другихъ аргументовъ, оправданіемъ завоеванія. Альзась-Лотарингіи, еслибы надо, всѣмъ этимъ не господствовалъ иной гораздо болѣе важный политическій интересъ Пруссіи и Германіи, въ силу котораго имъ слѣдовало воздержаться отъ этого пріобрѣтенія. Раздробленіемъ французской территоріи и присоединеніемъ народонаселеній альзась-лотарингскихъ земель къ ненавистой имъ Германіи положено зерно коренной, ничѣмъ не примиримой національной ненависти между этою страной и Франціей; эта ненависть и неумолкаемая анти-нѣмецкая агитація въ завоеванныхъ земляхъ должны непремѣнно рано или поздно

повести къ войнѣ. Противъ этого въ Германіи (собственно въ Пруссіи) возражаютъ что война, *revanche*, была бы и безъ того неизбежна со стороны Франціи, вслѣдствіе ея оскорбленнаго самолюбія, воинственности и т. д. Но можно было бы надѣяться что надо всѣми этими чувствами французскаго шовинизма возымѣть верхъ благоразуміе, что общественное мнѣніе во Франціи наконецъ сознастъ притязаніе на господство въ Германіи и въ Европѣ, стремленія къ военной славѣ безсмысленными, и задачи внутренняго политическаго возрожденія несравненно болѣе серіозными. Надо было надѣяться на работу въ этомъ направленіи всѣхъ умѣренныхъ партій, которыя сами признали несправедливость требований предъявленныхъ второю имперіей Пруссіи. Доказательствомъ возможности такого умиротворенія можетъ служить продолжительный періодъ мира съ 1818 по 1848 годъ. Теперь такой надежды почти нѣтъ, потому что самые умѣренные и миролюбивые Французы говорятъ о священной обязанности Франціи освободить ея наипреданнѣйшихъ сыновъ отъ чужеземнаго ига. Такую обязанность дѣйствительно трудно отрицать, пока эти сыны будутъ сами волѣять противъ своего порабощенія; трудно доказать Альзась-Лотарингцамъ, поступившимъ въ подданство Германіи, что именно они, а не кто другіе, должны послужить искупленіемъ всѣхъ грѣховъ Франціи, и можетъ-быть еще труднѣе имъ доказать что они нисколько не Французы, а истые Нѣмцы, пока они не будутъ черезъ нѣсколько поколѣній онѣмечены, собственно денационализированы. Предполагая что это когда-нибудь совершится,—въ чемъ, при энергической настойчивости Прусаковъ, нельзя сомнѣваться,—спрашивается: можетъ ли это произойти прежде чѣмъ Франція соберется на отместку противъ Германіи? Въ этомъ также можно болѣе чѣмъ сомнѣваться. Затѣмъ спрашивается: какая можетъ быть выгода чрезвычайно усиливать шансы войны посредствомъ незначительнаго увеличенія своихъ боевыхъ силъ, предполагая конечно что война не можетъ быть сама для себя цѣлью? Мы говоримъ „незначительнаго“ потому что самая выгодная стратегическая линія есть ничтожнѣйшій атомъ въ военномъ могуществѣ Пруссіи и Германіи и въ условіяхъ ея будущей борьбы съ Франціей. Сверхъ всего этого, какъ бы великъ ни былъ успѣхъ настойчивости Пруссіи къ онѣмеченію Альзась-Лотарингіи* или къ пробужденію ея

* Какъ настойчивы и вѣстѣ съ тѣмъ не легки усилія прусскаго

первобытнаго германскаго духа, это все-таки напряженіе силъ, чувствительное даже для такого крѣпкаго государственнаго организма каковъ прусскій или пруссо-германскій. Это все-таки трата силъ нравственныхъ и матеріальныхъ, которыя могли бы послужить на другое дѣло. Такъ бываетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ; имъ приходится покоряться только въ силу ничѣмъ непредотвратимой исторической необходимости, въ какой напримѣръ Россія находится въ отношеніи къ Польшѣ.* По всѣмъ этимъ соображеніямъ, завоеваніе альзасъ-лотарингскихъ земель Германіей едва ли не было политическою ошибкой. Такую ошибку нельзя объяснить какъ уступку напору общественнаго мнѣнія; правда что это мнѣніе было весьма единодушно; но прусское правительство лучше всякаго другаго умѣетъ противостоять движеніямъ и увлеченіямъ публики, когда считаетъ это необходимымъ. Къ тому же не только въ началѣ, но даже въ срединѣ войны, въ Германіи не высказывалось единодушнаго требованія относительно приобрѣтенія Альзасъ-Лотарингіи.** Неизбѣжное военное напряженіе и воинственное настроеніе вызываемыя во всей Германіи этою угрозою и обуславливающія теперь всю ея внутреннюю и внѣшнюю политику не могутъ быть выгодны для гражданскаго преуспѣянія и для развитія внутренняго государственнаго строя, который, въ ущербъ всякимъ другимъ интересамъ, долженъ будетъ въ новомъ государствѣ сложиться въ этомъ

правительства къ отмеченію Альзасъ-Лотарингіи служить доказательствомъ энергическія мѣры принятыя по народному образованію. Нѣмецкій языкъ былъ введенъ вмѣсто французскаго во всѣ первоначальныя школы. Интересно письмо князя Бисмарка, управляющаго этими провинціями, къ бургомистру города Страсбурга (отъ 25го января 1873 года), противъ желанія народонаселеній обучаться французскому языку. Прусское правительство тотчасъ взялось за самую трудную мѣру—преслѣдованіе французскаго языка.

* Интересно что южно-германскія государства не желали присоединенія къ нимъ альзасъ-лотарингскихъ земель, боясь что у нихъ не достанетъ силъ на отмеченіе ихъ; нѣтъ ни одного германскаго государства, *кромя Пруссіи*, которое было бы въ состояніи ихъ *переварить* въ своемъ организмѣ, такъ разсуждали въ Южной Германіи. (См. *National-Zeitung*, 8го сентября 1870 года).

** Между прочимъ см. *National-Zeitung*, 8го сентября 1870 года, гдѣ говорится объ этомъ въ разныхъ корреспонденціяхъ изъ Южной Германіи.

направленіи на военную ногу. Не можетъ быть также благоприятна для цивилизаціи народа національная ненависть между ними и сосѣднимъ народомъ. А всѣ эти невыгодныя для Германіи послѣдствія ея завоеванія должны будутъ возростать съ упроченіемъ государственнаго порядка во Франціи. Мы отказываемся предполагать, какъ иные враги Пруссіи,* что возбужденіе всего этого воинственнаго духа въ Германіи и устройство ея на подобіе военного лагеря, въ которомъ бы не могло быть мѣста для неудобныхъ вопросовъ о политической свободѣ, были именно цѣлю присоединенія Альзасъ-Лотарингіи. Поэтому мы и принуждены думать что это была ошибка или же увлеченіе, вредное прежде всего для самой Германіи, если она не захочетъ отказаться отъ всего своего прошедшаго и стать военнымъ государствомъ на развалинахъ своего и всего европейскаго просвѣщенія. Нельзя предполагать что-нибудь подобное, зная изъ какихъ элементовъ состоятъ до сихъ поръ дѣйствующіе политическіе слои германскаго общества. Припомнимъ что не далѣе 1869 года, г. Вирховъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ прусскаго парламента и одинъ изъ корифеевъ прогрессивной партіи, громко требовалъ отъ правительства, въ парламентской рѣчи, уменьшенія войска и дѣйствій къ разоруженію Европы! Это ли военная нація? Ошибка присоединенія Альзасъ-Лотарингіи можетъ быть поправлена для Пруссіи только самою Франціей, если продолжительная неурядица въ послѣдней вынудитъ наконецъ народонаселеніе этихъ провинцій примириться съ благоустройствомъ доставленнымъ имъ Пруссіей.

Ко всѣмъ изложеннымъ нами причинамъ продолженія войны со стороны Франціи и Пруссіи слѣдуетъ присоединить и положеніе Европы. Это положеніе не допускало никакого дружнаго вмѣшательства нейтральныхъ къ прекращенію кровопролитія; поѣздка Тьера какъ нельзя лучше доказала разединеніе Европы, которое было одною изъ первоначальныхъ причинъ самой войны.

Выикнувъ въ причины продолженія Франко-Германской войны послѣ сдачи Седана и Наполеона III, легко понять причины окончательнаго пораженія Франціи въ этомъ періодѣ борьбы, и также не затруднительно отвѣчать на поставленные нами въ самомъ началѣ вопросы: какимъ образомъ,

* См. *Qui est responsable de la guerre*, par Scrutator.

вопреки до сихъ поръ существовавшимъ понятіямъ, народная война оказалась несостоятельною предъ регулярными арміями и республика предъ монархіей? Послѣ переворота 4го сентября, въ Парижѣ дѣйствительно думали, не только невѣжественная уличная чернь, но и образованные люди, что республиканское знамя вызоветъ взрывъ народныхъ массъ всей Франціи, великій взрывъ 1793, *élan immortel de 1793*, и предъ нимъ не устоятъ хотя бы и самыя стойкія арміи въ свѣтѣ, арміи Вильгельма I. „При одномъ имени республики Пруссаки останутся въ ужасѣ (*à ce seul mot de république les Prussiens s'arretent épouvantés*); теперь они не дерзнутъ придти когда мы ее имѣемъ“ (*ils n'oseront plus venir, maintenant que nous l'avons*), голосили въ парижскихъ клубахъ,* и имъ вторили во всѣхъ гнѣздахъ всесвѣтной революціи и вселенской соціальной демократіи. Всѣ эти ожиданія оказались однако пугаломъ, но они интересны и назидательны въ томъ отношеніи что до сихъ поръ продолжаются другія не менѣ ребяческія вѣрованія революціи. Въ непобѣдимость же націи когда она ведетъ народную войну вѣровали далеко не одни революціонеры.

Остановимся сперва на вопросѣ о народной войнѣ. Прежде всего нужно устранить заблужденіе что во Франціи была будто бы въ 1870—71 годахъ такая война; народной войны, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, подобной, напримѣръ, той какая изгнала изъ Россіи Польшу въ началѣ XVII столѣтія, а въ 1812—всю Европу, такой войны не было во Франціи въ 1870—71 годахъ. Съ такою войной можетъ-быть и не справились бы никакія арміи и никакіе полководцы, ни даже прусскіе, какъ Наполеонъ I не могъ одолѣть ни Испаніи, ни Россіи. Такая война предполагаетъ всеобщее возстаніе цѣлаго народа, воодушевленнаго одною только мыслию и однимъ только желаніемъ—изгнаніемъ врага, и готового для исполненія этого желанія на всякія самыя безпредѣльныя жертвы, вмѣсто заключенія мира съ иноземцемъ. Нужно много историческихъ условій для такой войны, и ихъ не было во Франціи въ 1870—71 годахъ. Мы никакъ не будемъ оспаривать что зародыши и частныя проявленія такого движенія были во Франціи, когда съ энтузіазмомъ дрались въ однихъ рядахъ подъ республиканскимъ знаменемъ, позабывъ всякія

* См. Sarcy, *Le siège de Paris*.

междуусобія, и республиканцы всякихъ оттѣнковъ, красные и умѣренные, и сами принцы Орлеанскіе, отвергающіе историческую монархію, и легитимисты, вѣрующіе въ будущность Франціи только подъ эгидою короля божественнаго происхожденія и только подъ благословеніемъ непогрѣшимаго папы. Но именно потому что эти явленія не могли охватить всей Франціи, что на нихъ указываютъ почти какъ на исключенія въ общемъ ходѣ событій, что подлѣ нихъ происходили совсѣмъ противоположныя явленія, дававшія главный тонъ войнѣ со стороны Франціи, можно смѣло сказать что народной войны она не вела. Лучшимъ и самымъ рѣшительнымъ впрочемъ тому доказательствомъ служить что былъ заключенъ миръ съ Германіей прежде чѣмъ были изгнаны германскія полчища съ французской земли, и что не только напались Французы для подписанія этого мира, но что они вынуждены были его подписать вслѣдствіе всеобщаго требованія мира во всей странѣ.* Еслибъ онъ не былъ заключенъ до нельзя, хотя бы вся французская территорія была фактически завоевана Германіей, хотя бы германскія войска грабили и опустошали всю Францію отъ Средиземнаго моря до Ламанскаго канала и отъ Атлантическаго океана до Альповъ и Рейна, тогда бы можно было говорить о народной войнѣ Франціи противъ Германіи, даже еслибы не было никакого боя и кровопролитія. Можно думать что при такомъ направленіи событій во Франціи Германія была бы поставлена въ чрезвычайное затрудненіе. Можно думать что тогда могло бы даже возникнуть движеніе въ самой Германіи къ прекращенію безплодной войны, встревожилась бы вся Европа и могла бы вступиться во Франко-Германскую войну, какъ въ свое дѣло, потрясающее общій порядокъ вещей въ цѣлой части свѣта. Такое направленіе событій было, кажется, въ замыслахъ нѣкоторыхъ правителей Франціи того времени (въ особенности г. Гамбетты), но ихъ надежды не могли осуществиться, отчасти по ихъ собственной винѣ, но гораздо еще болѣе по недостатку въ самой Франціи условій необходимыхъ для народной войны.

Прежде всего недоставало единства народной воли, перваго непремѣннаго условія подобнаго крайняго напряженія народныхъ силъ. Само собою разумѣется что такое единство не

* Для устраненія всякаго недоразумѣнія относительно необходимости сдачи Парижа, замѣтимъ что эта сдача еще не влекла непремѣнно за собою заключенія мира.

можетъ быть послѣдствіемъ соглашенія или заговора, всего менѣе имѣющихъ мѣсто въ дѣйствительныхъ народныхъ движеніяхъ; оно должно истекать само собою изъ единства чувствъ и стремленій, исторически выработавшихся въ народѣ. Между тѣмъ революція постигла такую глубокую рознь между образованными классами французскаго общества, какъ ни въ какой другой странѣ Европы, а темныя народныя массы она лишила всякихъ вѣрованій, которыя могли бы поднять ихъ на общее дѣло для спасенія отечества. Какъ бы ни былъ горячъ французскій патріотизмъ, привязанность Француза къ своей землѣ, всякій патріотизмъ нуждается для своего проявленія въ дѣйстви, въ общемъ знаменіи, въ общемъ вѣрованіи, не безтѣлесномъ, какъ отвѣченная любовь къ отечеству, а воплощенномъ въ извѣстный внѣшній признакъ этого отечества. Такого предмета общаго вѣрованія, и съ нимъ общаго стремленія къ опредѣленной цѣли не доставало Французской націи. Единственное общее желаніе соединяющее ея народныя массы весьма отрицательнаго свойства, это—желаніе *безопасности* лицъ и имуществъ; общественный порядокъ—благо наиболѣе цѣнимое огромнымъ большинствомъ Французовъ, почти всеми, за исключеніемъ небольшой кучки политическихъ людей, агитаторовъ всякаго рода, и бандъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ въ значительныхъ центрахъ, готовыхъ всегда на всякій безпорядокъ. Это благо, безъ сомнѣнія, болѣе всего цѣнится во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ рядомъ революцій оно сдѣлалось наименѣе достижимымъ. Но какимъ образомъ оно можетъ быть достигнуто, никто не знаетъ. Изгнанія Нѣмцевъ все хотѣли, но что будетъ послѣ того, чего желать, къ чему стремиться когда Франція будетъ свободна отъ иноземнаго ига, *maitresse de ses destinées*, народъ не знаетъ и до сихъ поръ не знаетъ. То что называютъ во Франціи *народомъ*, это совсѣмъ не народъ; это уличныя толпы производящія безпорядки въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ. Этотъ *народъ* дѣйствительно провозгласилъ республику 4го сентября, но вся Французская нація была въ сторонѣ отъ этого провозглашенія. Дѣйствовали только политическія партіи блуждающія и волнующіяся на поверхности націи, бороздящія и изрывающія ее, но не проникающія въ самую ея глубину. Эти партіи до того враждуютъ между собою что всегда готовы рѣшить споръ кровопролитіемъ. Междоусобіе и анархія, подѣ страхомъ которыхъ живетъ Французскій народъ 80 лѣтъ и

которыя заставляют его всего болѣе дорожить общественнымъ порядкомъ, угрожали Франціи наиболѣе съ изгнаніемъ непріятеля. Даже присутствіе непріятеля едва могло соединить политическія партіи къ спасенію Франціи; такъ велико ихъ взаимное недовѣріе и ненависть что всѣ онѣ безпрерывно расположены залодозрить другъ друга даже въ измѣнѣ отечеству, и таковы были ихъ отношенія въ самый разгаръ войны. При такихъ условіяхъ своего внутренняго государственнаго быта, Франція представила во время послѣдней войны неслыханное въ Европѣ зрѣлище: въ тѣ самыя минуты когда правительство національной обороны выбивалось изъ силъ въ борьбѣ съ непріятелемъ, происходили противъ него уличные мятежи подъ самыми глазами непріятельскихъ войскъ. Это не были только мятежи голодной, истуленной отъ лишеній войны черни, но ими руководили и систематически ихъ организовывали политическіе дѣятели, образованные люди, изъ высшихъ классовъ общества. Рядомъ съ обороной Парижа не прекращалась внутри его народная смута, ничего не хотѣвшая знать о непріятелѣ стоявшемъ подъ стѣнами города, желавшая, хотя бы и безъ всякаго сознанія участвовавшей въ ней толпы, только устройства коммуны, то-есть достиженія политическаго идеала управленія Парижемъ и Франціей проповѣданнаго ея вожаками. Эта смута однажды даже низвергла правительство. * Такимъ образомъ политическіе умы Франціи были озабочены преимущественно осуществленіемъ своихъ политическихъ идей, ничего не имѣющихъ общаго съ освобожденіемъ страны отъ владычества иноземцевъ. Каковы ни были военные таланты лицъ стоявшихъ во главѣ обороны Парижа, возможны ли какія бы то ни было военныя операціи въ такихъ обстоятельствахъ? Можно ли затѣмъ называть все это народною войною? Идеи которыми въ парижскихъ клубахъ во время осады наиболѣе популярны

* Мы не считаемъ нужнымъ разказывать здѣсь факты, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстные, на которыхъ мы основываемъ наши разсужденія. Для желающихъ ближе ознакомиться съ этою стороною войны 1870 — 1871 годовъ мы можемъ указать источники которыми мы пользовались, сверхъ газетныхъ извѣстій: Fr. Sarcy, *Le siège de Paris*; G. de Molinari, *les Clubs rouges*; G. Schneider, *Pariser Briefe, Bilder und Schilderungen aus der letzten Periode des Kaiserreichs, der Wahl-Plebiscit, Kriegs, Bellagerungs und Kommune-Epoche. 1872.*

ораторы волновали публику были очень далеки от войны, которою они занимались почти только мимоходомъ. Тутъ говорилось съ самымъ крайнимъ энтузіазмомъ обо всемъ на свѣтѣ, о чемъ не можетъ придти въ голову здоровому человеку и думать въ своей землѣ, посреди нашествія непріятеля, — о свободѣ и равенствѣ, вредѣ права собственности, республики и монархіи, всесвѣтной революціи и пр.; между прочимъ много говорилось объ имѣющемъ водвориться вмѣстѣ съ коммуной *всеобщемъ мирѣ и братствѣ всѣхъ народовъ*.

Это только глубоко-проницательная черта въ этой исторической драмѣ, доказывающая между прочимъ въ какомъ политическомъ младенчествѣ можетъ находиться народъ воспитанный посреди непрерывныхъ революцій. Но были и другія, гораздо болѣе печальныя черты въ этой картинѣ внутренней жизни Парижа, сердца Франціи, чѣмъ онъ во что бы то ни стало хотеть быть: клубные ораторы назидали толпу что надо прежде подумать о водвореніи коммуны, а потомъ уже объ изгнаніи Прусаковъ, что монархія во Франціи хуже иноземнаго ига, что лучше покориться Вильгельму I, чѣмъ Генриху V или принцамъ Орлеанскимъ и т. д. Посреди этихъ политическихъ оргій Французской республики доставалось не хуже чѣмъ монархіи, она точно также осуждалась на гибель въ будущемъ царствѣ коммуны, и республиканское правительство, не исключая самыхъ популярныхъ своихъ членовъ, ежедневно обвинялось въ злобной измѣнѣ. Самый крайній по своимъ революціоннымъ убѣжденіямъ членъ правительства національной обороны, Рошфоръ, считъ своимъ долгомъ выйти изъ его среды, дабы не лишиться народной любви. Понятно что люди набранные въ подвижную національную гвардію изъ отдаленныхъ провинцій и чуждые всему этому демагогическому задору чувствовали себя совсѣмъ осиротѣлыми и потерянными въ Парижѣ, нисколько не думали воодушевиться къ его оборонѣ, и думали, какъ разказываютъ очевидцы, только о своемъ скорѣйшемъ возвращеніи на родину. Офицеры и генералы также желали скорѣйшей сдачи Парижа. Съ такимъ боевымъ матеріаломъ дѣйствительно трудно было предпринять что-нибудь болѣе того что было сдѣлано начальникомъ обороны Парижа. Вмѣстѣ съ тѣмъ конечно слѣдуетъ признавать великимъ несчастіемъ для Франціи что кровь которая въ послѣдствіи была пролита въ междоусобной войнѣ не была принесена въ жертву на защиту Франціи противъ иностраннаго войска,

хотя большаго военнаго успѣха отъ этого все-таки не могло быть. Трудно также было столицѣ, находящейся въ подобномъ анархическомъ нравственномъ состояніи, не говоря уже объ ея осадномъ положеніи, сдѣлаться центромъ и оплотомъ всенароднаго движенія въ цѣломъ государствѣ, а между тѣмъ Французская нація болѣе всякой другой привыкла къ централизациі во всякой своей дѣятельности.

Итакъ внутренній кризисъ начавшійся во Франціи еще до войны, этотъ новый припадокъ недуга увлекающій ее къ невѣдомымъ политическимъ судьбамъ съ конца прошедшаго столѣтія, парализовалъ развитіе народной войны; при такомъ кризисѣ, подвергающемъ сомнѣнію и вопросу всѣ условія государственнаго быта націи, невозможна та отчаянная доблесть которая, въ силу безпредѣльной вѣры въ свое будущее, заставляетъ народъ согласиться на все, кромѣ постыднаго мира.

Дѣйствіе общихъ историческихъ причинъ общественнаго разлада, обезсилившаго народныя вооруженія, было усилено и особеннымъ вліяніемъ членовъ правительства національной обороны. Ихъ собственныя мысли и намеренія, какъ мы уже упоминали, колебались между устройствомъ республики и спасеніемъ Франціи отъ иноземнаго нашествія; нѣкоторые, и самые вліятельные, члены правительства были такъ фанатически преданы республикѣ что она была для нихъ даже на первомъ планѣ; ей приносились въ жертву и были отброшены отъ національнаго дѣла лучшія силы, которыя могли быть употреблены на защиту страны и которыя, несмотря на свой пламенный патріотизмъ, не внушали достаточно довѣрія правителямъ-республиканцамъ. Республиканское правительство продолжало личное правленіе имперіи, требуя отъ своихъ исполнителей прежде всего преданности себѣ, а не отечеству. Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи распоряженія отдѣла правительства засѣдавшаго въ Турѣ, подъ командою г. Гамбетты, по движенію Луарской и Восточной армій; * этими распоряженіями людей совсѣмъ чуждыхъ военному дѣлу управлялись всѣ военныя операціи, измѣнялись планы дѣйствій составленные опытными военачальниками и произвольно отмѣнялись данныя ими приказанія. Многія предполо-

* См. Charle Mazade, *La guerre de France en 1870—71* (*Revue des Deux Mondes*, 1872, 15 Septembre, 15 Octobre u 15 Decembre).

женія удачно задуманныя послѣдними (напримѣръ Пальеромъ на Луарѣ и Бурбаки на Востокѣ) не удались только въ слѣдствіе упорнаго сопротивленія турецкихъ диктаторовъ. Генералы извѣстные своимъ патріотизмомъ заподозривались въ самомъ гнусномъ предательствѣ и претерпѣвали такіа оскорбленія отъ правительства что авторитетъ ихъ среди арміи былъ невозможенъ. Но независимо отъ личнаго произвола ихъ характера правителей захватившихъ власть 4го сентября, самый республиканскій принципъ, который они хотѣли во что бы то ни стало положить въ основу народнаго дѣла обороны, повредилъ этому дѣлу и его ослабилъ. Этимъ принципомъ они еще болѣе распалили междоусобную вражду и затруднили единеніе въ обществѣ. Это не была та отрицательная республика каковая въ послѣдствіи, за невозможностью всякаго иного правленія, установилась по такъ-называемому Бордоскому договору; это была республика хотя и имѣющая своихъ фанатическихъ приверженцевъ во Франціи, но наиболѣе спорная изъ всѣхъ формъ правленія, наиболѣе вызывающая на борьбу, внушающая наименѣе довѣрія большинству; способная держаться только страхомъ и деспотизмомъ меньшинства надъ большинствомъ, воскрешающая въ народной памяти самыя мрачныя воспоминанія 90 годовъ. Такова радикальная республика въ которую вѣровали первенствовавшіе члены правительства національной обороны, и которая совѣмъ незамѣтными оттѣнками, если и не по своему принципу, то въ воображеніи массъ, и отчасти въ дѣйствительности, замыслами своихъ крайнихъ приверженцевъ, переходила въ республику красную. Такое правительственное начало было конечно всего менѣе способно соединить партіи для народнаго дѣла и заставить забыть для него политическія страсти; участіе въ войнѣ Гарибальди и его бандъ, набираемыхъ изъ всякаго европейскаго международнаго сброда, всего рельефнѣе выставляло не чисто національный характеръ приданный войнѣ правительствомъ національной обороны; эта помощь, только вредившая ходу внѣшнихъ операций, выражала собою космополитическую революціонную примѣсь въ распоряженіяхъ этого правительства, отпугивавшую отъ него всѣ умѣренныя партіи и искажавшую народное дѣло Франціи. Отношенія въ которыя были поставлены къ чужеземцу Гарибальди французскіе заслуженные генералы были оскорбительны для нихъ. Каковы ни оказались французскіе монархисты нынѣ, въ своихъ крайнихъ от-

тѣмъ, имъ, и въ особенности легитимистамъ, нельзя не отдать справедливости во время войны: изъ всѣхъ партій, имъ было конечно всего труднѣе предать забвенію свои политическія предубѣжденія противъ правительства 4го сентября, и у нихъ могло быть наименѣе надеждъ на будущее, и они съ наибольшою терпимостью и самоотреченіемъ шли, подъ знаменемъ республики, на подвигъ освобожденія Франціи. Кромѣ разъединенія, усиленнаго во французскомъ обществѣ провозглашеніемъ республики 4го сентября, и пассивнаго недоброжелательства къ правительству національной обороны со стороны всѣхъ умѣренныхъ партій, оно возбудило и положительное противодѣйствіе себѣ въ бонапартистской партіи. Если не низшіе слои войска, то высшіе раздѣлились на два лагеря. Лишь немногіе высшіе военачальники (Макъ - Магонъ, Бурбаки и др.), воодушевленные неограниченною преданностью отечеству, способны были отрѣшиться отъ своего прошедшаго. Каковы ни окажутся результаты суда надъ капитуляціей Меца, которая имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу кампаніи во второмъ періодѣ, едва ли измѣнится составившееся мнѣніе что бездѣйствіе маршала Базена было въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ нерасположенія его служить республикѣ.* Наконецъ провозглашеніе республики, и къ тому же съ оттѣнками радикализма и всемірной пропаганды, еще болѣе отдѣлило всѣ европейскія правительства отъ Франціи и охладило всякое ихъ расположеніе ко внимательству въ ея пользу.

Сверхъ того были и еще многія другія причины препятствовавшія развитію народной войны и ея успѣхамъ во Франціи. Нѣтъ страны менѣе чуждой самоуправленію чѣмъ Франція, и народа болѣе свыкнувшагося съ инициативою и опекою центральной администраціи. Объ этой сторонѣ французскаго быта намъ придется много говорить въ послѣдствіи. Здѣсь мы лишь упоминаемъ о ней насколько это необходимо чтобы обозначить важную роль которую она играла въ военныхъ событіяхъ. Народная самодѣятельность во Франціи, независимая отъ правительственной регламентаціи, способна проявляться въ публичномъ дѣлѣ только революціонными всплывками, и даже тѣ ожидаютъ всегда вдохновеній изъ Парижа, гдѣ и онѣ централизованы. Съ упраздненіемъ центральной

* Между прочимъ см. разказы объ его таинственныхъ переговорахъ съ императрицей Евгеніей и принцемъ Фридрихомъ Карломъ.

администраціи въ Парижѣ, какъ въслѣдствіи переворота 4го сентября, испровергнувшаго правительство имперіи, такъ и въслѣдствіе прекращенія во время войны всякихъ нормальныхъ административныхъ функцій и затѣмъ осады Парижа, Франція, утративъ свой центръ, буквально потерялась. Извѣстно съ какою легкостью пара прусскихъ уланъ брала въ полонъ цѣлые французскіе города. Не одной только суровости и быстротѣ дѣйствій германскихъ военачальниковъ должно приписать ужасъ наведенный на всю страну нѣмецкимъ нашествіемъ, но также и совершенной неспособности ея къ самопомощи и самозащитѣ. Въ такія критическія историческія минуты приходится расплачиваться за зло административной опеки и за уничтоженіе подъ ея ярмомъ самобытности мѣстныхъ земскихъ и общинныхъ центровъ; это зло въѣлось въ плоть и кровь Французской націи. Во Французской націи всякое самостоятельное движеніе общества (общинъ) получаетъ революціонный характеръ, и даже противуреволюціонныя движенія, находяція горячее сочувствіе въ огромномъ большинствѣ народонаселенія, не могутъ организоваться безъ помощи правительства. Этимъ значительно объясняется немошь всей Франціи во время нашествія непріятели, которая поразила всю Европу и которая не можетъ быть объяснена отсутствіемъ патріотизма.

Нужно также имѣть въ виду что характеръ народной войны, какъ мы его знаемъ изъ исторіи, противенъ утонченнымъ и изнѣженнымъ правамъ которыми отличается Франція. Народная война лахнетъ грубостью и скудостью быта. Она вообще едва ли возможна, въ полномъ своемъ смыслѣ, въ средѣ современной европейской цивилизаціи, когда человѣкъ, какъ бы ни было велико его самоотверженіе на пользу родины и государства, слишкомъ непривыченъ къ личной самооборонѣ, и долженъ слишкомъ много потерять, чтобы вмѣсто сожиганія своихъ жилищъ и сокровищъ, не предпочесть заключить перемиріе съ непріателемъ. Тотъ первобытный Скиѣзъ о необходимости котораго въ народной войнѣ повѣствуетъ исторія исчезаетъ изъ Европы, даже изъ восточной. По крайней мѣрѣ, изящная, нѣжная цивилизація Франціи казалась намъ, когда мы читали рассказы о событіяхъ 1870—71, мало удобною почвой не только для скиѣскихъ побойщъ, но даже для московскаго пожара. Не можемъ не привести изъ многихъ унылыхъ размышленій которымъ предавались несчастные

Парижане во время осады, когда прелестныя окрестности Парижа были опустошены, и вмѣсто прогулокъ приходилось идти на ночную службу, на валахъ, слѣдующихъ чистосердечныхъ восклицаній вырвавшихся изъ груди стараго Парижанина (Sarcey): „Oh! nos jolis bois de Mendon, de ville d'Avray! Oh! nôtre joyeux Boujival tout peuplé de canotiers! Oh, Montmorency rouges de cerises; Montreuil embaumé de parfums, de pêches, et vous roses de Fontenay, qu'êtes vous devenus, durant le siege! Qu'est-ce que ces barbares vont avoir fait de vous.“

Наконецъ нужно замѣтить что ученый и механическій характеръ нынѣшнихъ военныхъ силъ и ихъ употребленія мѣняе чѣмъ когда-либо позволяетъ надѣяться на успѣхъ народной войны противъ регулярныхъ армій. Объ этомъ обстоятельстве также не мѣшаетъ помнить, когда говорить о причинахъ несостоятельности народной войны Франціи противъ Германіи. Всѣ регулярныя военныя силы Франціи были уже разбиты или парализованы въ крѣпостяхъ, въ первомъ періодѣ войны, когда она принялась за народныя ополченія, которыя требуютъ кадровъ для своей организаціи.

Если уже говорить о народной войнѣ, то она скорѣе была со стороны Германіи чѣмъ Франціи. За колоссальною и отличною регулярною арміею, лучшею въ Европѣ, стояла вся нація, воспаленная народною идеею войны и готовая, въ случаѣ надобности, вся поголовно ринуться на своего наслѣдственнаго врага (Erbfeind, какъ зовутъ Францію Нѣмцы), и осуществить раздававшійся по всѣмъ нѣмецкимъ вѣсямъ и городамъ призывъ своего народного поэта:

„Und Klinge die Losung:

Zum Rhein, übern Rhein,

All Deutsschland

In Frankreich hinein! *

Къ самому усовершенствованному и вооруженному всѣми науками нашего времени искусству полководцевъ, къ строгой дисциплинѣ и техническому образованію войска, присоединялся огонь народнаго чувства, до безконечности усиливавшій рвеніе къ служебному долгу отъ самыхъ высшихъ военныхъ чиновъ до послѣдняго солдата; безъ всякихъ манифестовъ и воззваній Германская нація готова была, въ случаѣ необходимости, поголовно выйти на защиту отечества изъ своихъ

* *Kriegslied gegen die Wälschen von Arndt.*

лѣсовъ, горныхъ дѣбрей и съ морскихъ побережій,—изъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ захоластій, въ которыхъ еще сохранились какъ нигдѣ въ сѣверной Европѣ первобытная простота и суровость нравовъ, вмѣстѣ съ физическою крѣпостью мышцъ и нервовъ. Прусская система ландверовъ могла всегда перенести эту идею поголовнаго возстанія изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительности. Такимъ образомъ со стороны Германіи соединялись всѣ способы дѣйствій регулярныхъ военныхъ силъ съ народными, и вотъ главная тайна ея страшнаго могущества, въ сравненіи съ Франціей, которая потеряла армию, и была не въ силахъ организовать народную войну.

Переходимъ къ другому изъ упомянутыхъ нами въ началѣ вопросовъ: какимъ образомъ республика могла оказаться безсильною предъ монархіей? Этотъ вопросъ заслуживаетъ отвѣта только потому что онъ неоднократно былъ возбуждаемъ и связанъ съ разными суевѣрными и невѣжественными понятіями о республикѣ; безъ этихъ понятій тутъ нѣтъ мѣста ни для какого вопроса. И республика и монархія можетъ одерживать побѣды, но только не въ силу формы правленія, которая сама по себѣ не можетъ быть побѣдоносна, а въ силу условій при которыхъ каждая изъ нихъ существуетъ и дѣйствуетъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать общій вопросъ о республикѣ, которымъ мы займемся въ свое время, и котораго мы касаемся здѣсь лишь насколько отъ него зависѣли боевыя силы Франціи. Мы уже объяснили чѣмъ провозглашеніе республики ихъ разстроило и уменьшило; чѣмъ оно ихъ увеличило и могло увеличить—понять трудно. Мы уже говорили какъ республика парализовала развитіе народной войны. Въ правильной же войнѣ всякое правительство одерживаетъ верхъ пропорціонально своему могуществу, а не бумажному, официальному, парадному, выказывающему себя въ суровости формъ и строгости предписаній, а могуществу *дѣйствительному*. Это могущество складывается изъ двухъ элементовъ: изъ силъ далеко напередъ приготовленныхъ, сбереженныхъ или припасенныхъ до войны, такъ-сказать боеваго *капитала* государства, и изъ искусства, умѣнья и энергіи пользоваться этими силами и создавать новыя во время самой войны,—такъ-сказать боеваго труда или боевой дѣятельности государства. Боевой капиталъ республиканское правительство 4го сентября приняло отъ имперіи и онъ нисколько не могъ измѣниться какимъ-либо волшебствомъ вслѣдствіе одно-

го только провозглашенія республики. Но и наличное могущество, искусство и энергія дѣйствій также не зависятъ отъ одной только личной воли и талантовъ людей стоящихъ во главѣ правительства. Легко сказать создавать заново армію, вооружить весь народъ, — какъ надѣялись правители 4го сентября; для всего этого нужно время, а при быстротѣ нынѣшнихъ войнъ, успѣхи военныхъ операцій считаются днями и даже часами. Почему быстрота и энергія дѣйствій, какими отличались члены правительства національной обороны, были приданы имъ республикою, понять нельзя. Республиканскій фанатизмъ, которымъ были одержимы нѣкоторые изъ нихъ, далеко не распространялся на всю администрацію, которая оставалась въ своемъ существѣ та же какая она была при имперіи, сложилась издавна и нисколько не могла измѣниться отъ перемѣны формы правленія. Вотъ тутъ-то мы и затрагиваемъ сердце самого вопроса о республикѣ и монархіи, или формѣ правленія, который французскими республиканцами, съ необычайною наивностью и простодушіемъ, ставится въ видѣ отвлеченной формулы, не имѣющей никакого практическаго смысла. Для успѣха всякой правительственной дѣятельности гораздо важнѣе организація власти во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ и исполнительныхъ органахъ, нежели на ея вершинѣ. Съ самыми лучшими намѣреніями и талантами верховные представители власти монархической или республиканской могутъ оказаться несостоятельны, если плоха администрація, и своимъ личнымъ составомъ и своею организаціей. И личного состава и организаціи государственнаго управленія устроить заново, въ нѣсколько дней, въ разгаръ войны невозможно, какъ объ этомъ ни старались правители 4го сентября, а можно только разстроить, что они и сдѣлали. * Еслибы возможно было во всемъ этомъ сомнѣніе, то достаточно указать на факты раскрытые парламентскими слѣдствіями нынѣшняго національнаго собранія. Всѣ пороки императорской администраціи были столько же свойственны и республиканской, оно было въ такой же степени заражено лихоимствомъ и казнокрадствомъ,

* Въ какомъ крайнемъ разстройствѣ было государственное управленіе Франціи, даже въ высшей своей сферѣ, съ переходомъ отъ имперіи къ республикѣ, можно между прочимъ видѣть изъ судебного процесса генерала Трошю противъ газеты *Фигаро* за клевету на него возведенную.

хотя бы и не восходившими до высших ступеней іерархіи, но тѣмъ не менѣе прелятствовавшими вооруженію страны; факты обнаруженные слѣдствіемъ депутатовъ г. Ріана и гр. Сегюра (по военнымъ поставкамъ) подтвердили это самымъ положительнымъ образомъ, какъ ни были ими раздражены члены крайней республиканской партіи. Впрочемъ въ отношеніи къ бюрократической нравственности республиканское правленіе не обладаетъ никакою цѣлительною силой, какъ это доказывается блистательно сѣверо-американскою администраціей. Несмотря на критическое для государства время, другое характеристическое явленіе нисколько не менѣе было развито чѣмъ и при всѣхъ предыдущихъ правительствахъ Франціи,—погоня за казенными мѣстами, поуски на карьеры, бюрократическія интриги, которыми члены правительства національной обороны были столько же обременены, какъ и самою обороною государства. Военная дисциплина, упадокъ которой былъ великимъ зломъ имперіи, не только не улучшилась, а напротивъ ухудшилась: крайнія республиканскія партіи пропагандировали въ клубахъ что „нельзя подчинять республиканца, имѣющаго разсудокъ, дисциплинѣ, какъ автомата“.

Само собою разумѣется что всей этой правительственной неурядицы нельзя ставить въ упрекъ республиканскому правленію, какъ таковому; но вмѣстѣ съ тѣмъ она доказала во очію что это правленіе и не обладаетъ никакимъ приращеннымъ ему превосходствомъ своей государственной машины предъ монархическимъ правленіемъ. Административный порядокъ, его нравы и обычаи, государственное воспитаніе и опытность, необходимыя для самыхъ великихъ государственныхъ талантовъ, вырастаютъ постепенно и исторически, и не возникаютъ разомъ, въ силу той или другой формы правленія и по предписанію власти, какой бы то ни было.

Мы никакъ не хотимъ сказать чтобы для всего сказаннаго форма правленія не имѣла никакого значенія, чтобы она сама по себѣ не обусловливала въ извѣстной степени государственнаго могущества страны. Но первымъ для этого условіемъ должно быть чтобы тотъ или другой образъ правленія внушалъ довѣріе націи, былъ окруженъ ея чувствіемъ, извѣстною религіею, и тогда онъ дѣлается *силь-воломъ ея единства*, что и составляетъ сущность могущества всякаго правительства; это и заставляетъ нынѣ гово-

рить что всякая форма правленія есть дѣло исторіи, а не теорія. Если республика и сдѣлалась нынѣ почти историческою необходимостью во Франціи, и может съ теченіемъ времени выработаться исторически, какъ законное и нормальное правленіе, то она таковымъ не была во время войны 1870—71 годовъ. Прежде чѣмъ одерживать побѣды надъ чужеземными врагами, ей приходилось еще выдержать борьбу со внутренними. Она была еще слишкомъ близка къ своему революціонному происхожденію, не имѣла поэтому ни права устранить изъ своей собственной среды революціонные элементы, несомѣстимые ни съ какимъ образомъ правленія, ни монархическимъ, ни республиканскимъ, и не имѣла никакого нравственнаго основанія въ борьбѣ съ революціей. Лучшимъ этому доказательствомъ служатъ не только возстанія въ Парижѣ, но и сепаратистическія движенія на югѣ Франціи (провозглашеніе Прирейнской республики). Подавлять эти движенія можно было только матеріальною силой, которой и безъ того требовалось много на оборону страны. Если сравнить боевыя силы противниковъ съ точки зрѣнія ихъ зависимости отъ формы правленія, то и тутъ бой былъ неравный: съ одной стороны, монархія, хотя и не сложившаяся еще окончательно въ своей новой формѣ, но никогда не перестававшая существовать въ народныхъ понятіяхъ, могущественная тысячелѣтними преданіями и вѣрованіями націи, выдающей въ ней олицетвореніе своего единства, а съ другой стороны, республика, соединившая около себя только кучку людей ей преданныхъ, существующая только въ ихъ отвлеченныхъ понятіяхъ, чуждая большинству націи, всѣмъ ея преданіямъ, правамъ и обычаямъ, устрашающая ее гражданскими смутами и междоусобіями, способная водворить національное единство только посредствомъ террора и насильственной диктатуры.

Понятія о необходимости республики принадлежатъ впрочемъ только извѣстной части французскаго общества и обусловлены совсѣмъ ложными историческими представленіями о военныхъ успѣхахъ первой Французской республики; послѣ новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій, * эти представленія, основанныя на суевѣрныхъ французскихъ понятіяхъ объ исторіи великой революціи, ** должны были бы совсѣмъ

* См. въ особенности т. III часть I и т. IV часть I. г. Зибеля, *Geschichte der Revolutionszeit*, 1789—1800.

** До какой степени фальшивы эти всѣ пережнія историческія

нынѣ разсѣяться. Первая республика была побѣдоносна преимущественно благодаря разьединенію европейской коалиціи и отчасти благодаря внутреннему террору, который воодушевлялъ правителей Франціи неслыханнымъ фанатизмомъ къ войнѣ, какъ къ единственному средству продолженія своей власти и спасенія своей жизни. Этотъ терроръ принудилъ всю націю къ покорности и единству, необходимымъ для великой войны. Такой исключительный государственный порядокъ могъ существовать только мгновенно, въ видѣ истерическаго припадка, и долженъ былъ не только разрушиться, но и подкопывать государственное могущество націи. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціонныхъ войнъ, подъ этимъ правленіемъ, пораженія Франціи были несомнѣнны, еслибъ она не была выведена на другой путь Наполеономъ I, котораго побѣды въ Италіи именно начались съ его неповиновенія распоряженіямъ директоріи.* Новѣйшей республики, которая, подъ энергическою, но безсильною рукою г. Гамбетты, мечтала возродить фантомъ республики 90хъ годовъ, не доставало ни фанатизма и кровожадности вождей и полчищъ этой послѣдней, ни всей ея исторической обстановки, въ томъ числѣ разьединенія и слабости противника.

Въ заключеніе всего нашего очерка причинъ погрома Франціи во второмъ періодѣ войны 1870—71 годовъ, намъ остается упомянуть объ одномъ послѣднемъ злосчастномъ элементѣ этихъ причинъ, отсутствіи дарованій въ правительственной средѣ. Тутъ мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго какъ привести слова сказанныя однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ историковъ и людей Франціи г. Ланфре, въ его статьѣ появившейся въ январѣ 1871 года подъ заглавіемъ: *Диктатура бездарности* и произведшей въ то время глубокое впечатлѣніе во Франціи и Европѣ, „Должны ли мы, говорилъ г. Ланфре, ждать чтобы все было потеряно, прежде чѣмъ мы поймемъ какъ грубо мы ошиблись, довѣривъ веденіе войны этому адвокату? Неужели еще не совершенно достаточно всего того что мы испытали? Мы имѣли трехмѣсячный срокъ для организаціи хорошей арміи; въ элементахъ для нея не бы-

повѣствованія о французской революціи, можно всего лучше видѣть изъ сочиненія Мортимера-Терно: *Histoire de la Terreur 1792—94, d'après les documents authentiques et inédits*. Paris 1860. Это сочиненіе, къ сожалѣнію, слишкомъ еще мало распространенное, представило, вмѣстѣ съ трудомъ Зибеля, французскую революцію совѣтъ въ новомъ свѣтѣ.

до недостатка, ихъ нужно было только дисциплинировать. Но этому предпочли собрать огромныя массы людей, которыя не были вооружены, не были экипированы, не были накормлены. Всего было много у правительства, кромѣ порядка и умѣнья; оно никакъ не хотѣло однако разстаться со старою административною и военною рутинною. Довѣріе солдатъ уничтожали безсмысленными увольненіями ихъ начальниковъ. Изъ журналистовъ третьяго сорта дѣлали полководцевъ; финансы предали въ руки всякимъ искателямъ приключеній; важнѣйшія государственныя должности были довѣрены политическимъ бродягамъ (Bohême), которые какъ будто жили съ утра до вечера подъ страхомъ смерти, собственно подъ однимъ только страхомъ потери своего жалованья. Всякій согласится съ истиною этой картины. Но самое худшее мы еще забыли. Ни разу странѣ не сказали правды насчетъ ея положенія. Самыя важныя извѣстія мы получали всегда только въ иностранныхъ газетахъ.... Давно пора положить конецъ этимъ декламациямъ, этому правленію произвола, невѣжества, лицемерія, неспособности; давно пора чтобы *представителями націи явились люди достойные ея*. Три недѣли тому назадъ, мы предлагали это (созваніе національнаго собранія) ради упроченія республики; сегодня предлагаемъ мы уже ради спасенія Франціи. Франція выносила много диктатуръ, но *диктатуры бездарности* она никогда долго не терпѣла.* Эта характеристика тѣмъ болѣе любопытна что она принадлежитъ человѣку безпристрастному и умѣренному въ полномъ смыслѣ, не имѣвшему тикакихъ предубѣжденій противъ разумной республики и не принадлежавшему ни къ какой политической партіи, всего же менѣе къ бонапартистской.**

Бѣдность государственныхъ талантовъ есть одно изъ поразительныхъ явленій въ современной Франціи и одно изъ величайшихъ ея несчастій.“ Это явленіе конечно принадлежитъ къ разряду наиболѣе случайныхъ и прихотливыхъ элементовъ исторіи, однако, если исключить великихъ людей, какіе рождаются вѣками и тысячелѣтіями, то и государственные таланты не безусловно случайны. Для практической выработки

* Мы привели этотъ отрывокъ изъ статьи г. Ланфре по нѣмецкому переводу въ сочиненіи G. Schneider, *Pariser Briefe*.

** Его исторія Наполеона I слишкомъ извѣстна чтобы онъ могъ быть сколько-нибудь заподозрѣнъ въ желаніи унижить наслѣдниковъ имперіи.

политическихъ дарованій нужны также благопріятныя историческія условія. Политическая жизнь Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи была наименѣе къ этому благопріятна. Безпрерывныя революціонныя перевороты и страсти, съ одной стороны, искажали политическія идеи, которыя всѣ сгруппировались во Франціи не около государственнаго дѣла и различныхъ на него отгѣнковъ воззрѣній, а около государственныхъ партій, раздѣленныхъ между собою враждою, какъ нѣсколько государствъ, нѣсколько отечествъ въ одномъ и томъ же государствѣ и отечествѣ. Всѣ эти идеи, на которыхъ воспиталось нѣсколько поколѣній, годны только для борьбы партій, которая ихъ и породила, а не для управленія государствомъ и не для разрѣшенія практическихъ государственныхъ вопросовъ, нужныхъ государству, а не партіямъ. Съ другой стороны, революція внесла въ характеры всѣхъ политическихъ людей такое личное раздраженіе и горечь, какія несовмѣстимы со здоровою государственною дѣятельностію. Здравыя политическія идеи и безстрастныя отношенія къ политической жизни являются во Франціи только въ сферѣ науки и отвлеченной теоріи, совсѣмъ разобщенной съ практическимъ государственнымъ дѣломъ. Какъ же послѣ этого удивляться что такое множество людей, необыкновенно даровитыхъ по своей природѣ, блистательныхъ, симпатичныхъ, увлекательныхъ прелестью своей рѣчи и жаромъ своихъ наилучшихъ намѣреній, какое мы видимъ во Франціи во всѣхъ ея партіяхъ и общественныхъ слояхъ, оказываются совсѣмъ безплодны на практической государственной почвѣ?

Говоря о бѣдствіяхъ постигшихъ Францію въ послѣднюю войну, мы на всякомъ шагѣ встрѣчались съ революціей; она ввергла эту страну въ войну, какъ это было и прежде, и она же сдѣлала ее неспособною къ войнѣ. Такова между прочимъ роковая необходимость послѣдствій этого общественнаго недуга: тѣми или другими путями онъ приводитъ государство въ столкновеніе съ другими державами и націями, если оно не вовсе изолировано отъ обще-европейской политической жизни, подобно нынѣшней Испаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обезсиливаетъ государственный организмъ, который нуждается для войны въ наибольшемъ напряженіи своихъ силъ, и разстраиваетъ начала власти, которая ни для какого другаго государственнаго предпріятія не нуждается въ такомъ могуществѣ, какъ для войны. Въ этомъ-то и заключается, какъ

намъ кажется, сущность того трагическаго положенія въ которомъ находилась Франція въ событіяхъ 1870—71 года, изъ котораго она была уже однажды спасена на краткій срокъ, гениемъ Наполеона I, и въ которое она можетъ быть поставлена еще разъ неизвѣстною пока развязкой нѣмѣцкихъ ея внутреннихъ обстоятельствъ (напримѣръ красною республикой, которая бы задумала, облагодѣтельствовать всю Европу насажденіемъ республиканскаго правленія). Что же такое этотъ недугъ, сдѣлавшійся хроническимъ у великой европейской націи, такъ еще недавно стоявшей во главѣ всесвѣтнаго просвѣщенія; что такое этотъ недугъ, временно посѣщавшій всѣ другія европейскія государства, не чуждый безусловно, никому изъ нихъ и наполняющій безпокойнымъ ожиданіемъ большинство государственныхъ людей европейскаго материка? Онъ разразился въ Парижѣ страшнымъ пароксизмомъ вслѣдъ за войной; подъ страхомъ повторенія его живетъ вся Франція и съ ней Европа. Подъ такимъ страхомъ не можетъ здорово работать никакая государственная мысль и подвинуться ни одно дѣло, а государственныхъ вопросовъ накопилось въ Европѣ много, и внутреннихъ и международныхъ. Въ будущихъ нашихъ статьяхъ мы и займемся революціей.

